

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

ROLE AND RATIO OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION AGAINST THE BACKGROUND OF THE INCREASING VALUE OF INFORMATION AND INTENSITY OF ITS TURNOVER

Peer-reviewed materials digest (collective monograph)
published following the results of the CXXXIX International
Research and Practice Conference and I stage of the
Championship in Philology
(London, March 02 – March 10, 2017)

MATERIAL AND SPIRITUAL FACTORS OF THE PERSONAL CREATIVITY EXPRESSION IN THE GENERAL SOCIAL PROCESS OF THE CULTURAL VALUES FORMATION

Peer-reviewed materials digest (collective monograph)
published following the results of the CXL International
Research and Practice Conference and I stage of the
Championship in Art History, History, Philosophy, Culturology,
Physical culture and Sports
(London, March 16 – March 24, 2017)

**ROLE AND RATIO OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION
AGAINST THE BACKGROUND OF THE INCREASING VALUE OF INFORMATION
AND INTENSITY OF ITS TURNOVER**

Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results
of the CXXXIX International Research and Practice Conference
and I stage of the Championship in Philology
(London, March 02 – March 10, 2017)

**MATERIAL AND SPIRITUAL FACTORS OF THE PERSONAL CREATIVITY
EXPRESSION IN THE GENERAL SOCIAL PROCESS OF THE CULTURAL VALUES
FORMATION**

Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results
of the CXL International Research and Practice Conference
and I stage of the Championship in Art History, History, Philosophy, Culturology, physical culture and sports
(London, March 16 – March 24, 2017)

**The event was carried out in the framework of a preliminary program of the project
“World Championship, continental, national and regional championships on scientific analytics”
by International Academy of Science and Higher Education (London, UK)**

Chief editor – J.D., professor, academician Pavlov V.V.

Reviewers – experts:

Alexey Kononov (Kazakhstan) – Cand. of History, Associate Prof., Prof. of History Department, Director of the Center of Social Monitoring and Forecasting, Chairman of the public association “Semey Independent Sociological Center”

Berhard Neumann (Germany) – PhD, ThD, priest, writer, publicist

Daniela Grava (Italy) – DLitt, Literary agent

Elena Kosykh (Russia) – Cand. of Philology, Associate Prof.

Galina Kontsevaya (Belarus) – Cand. of Philology, Associate Prof.

Helen Shentseva (Russia) – Cand. of Philosophy

Julie Soreli (France) – Dr. Est., Expert of National Association of Picture Galleries

Khachatur Avetis Sanosyan (Armenia) – Cand. of Education, Associate Prof.

Marianna Balasanyan (Georgia) – Dr. of Philology (PhD), Associate Prof.

Marina Dedyulina (Russia) – Cand. of Philosophy, Associate Prof., Prof. of the RANH, Full member of the European Academy of Natural History (UK, London), Associate member of the Council for Research in Values and Philosophy (Washington, USA)

Mehmed Jemal (Turkey) – Ph.D.

Oksana Lagoda (Ukraine) – Cand. of Art sciences, Associate Prof.

Olivia Thatcher (UK) – DSc, Counsellor of the South Yorkshire Department of External Affairs and Migration Issues

Pak Sung Hoon (South Korea) – Litterateur and scientific expert, PhD

Radko Monchev (Bulgaria) – PhD, Licensed football agent, licensed trainer

Sabina Ayazbekova (Kazakhstan) – Dr. of Philosophy, Ph.D. in Art History, Full Prof.

Seville Ismailova (Azerbaijan) – Cand. of Philosophy, Associate Prof.

Tatyana Lugovaya (Ukraine) – Cand. of Art sciences, Associate Prof.

Tatyana Makarova (Russia) – Dr. of Art sciences, Cand. of Technical sciences, Associate Prof.

Tetyana Kovalevska (Ukraine) – Dr. of Philology, Full Prof., Head of the Ukrainian Language Department

Tetyana Panyok (Ukraine) – Cand. of Art History, Associate Prof., Head of the “Visual Art” Department

Yuliana Pykhtina (Russia) – Dr. of Philology, Associate Prof., Head of Department of Russian Philology and Russian Language Teaching Methods

Scientific researches review is carried out by means of professional expert assessment of the quality of articles and reports, presented by their authors in the framework of research analytics championships of the GISAP project

Research studies published in the edition are to be indexed in the International scientometric database “Socrates-Impulse” (UK) and the Scientific Electronic Library “eLIBRARY.RU” on a platform of the “Russian Science Citation Index” (RSCI, Russia). Further with the development of the GISAP project, its publications will also be submitted for indexation in other international scientometric databases.

“Role and ratio of verbal and nonverbal means of communication against the background of the increasing value of information and intensity of its turnover”, “Material and spiritual factors of the personal creativity expression in the general social process of the cultural values formation”: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the CXXXIX International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Philology (London, March 02 – March 10, 2017) and CXL International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Art History, History, Philosophy, Culturology, physical culture and sports (London, March 16 – March 24, 2017)/International Academy of Science and Higher Education; Organizing Committee: T. Morgan (Chairman), B. Zhytnigor, S. Godvint, A. Tim, S. Serdechny, L. Streiker, H. Osad, I. Snellman, K. Odros, M. Stojkovic, P. Kishinevsky, H. Blagoev – London: IASHE, 2016. – 84 p.

In the digest original texts of scientific works by the participants of the CXXXIX International Scientific and Practical Conference and the I stage of Research Analytics Championship in Philology “Role and ratio of verbal and nonverbal means of communication against the background of the increasing value of information and intensity of its turnover”; the CXL International Scientific and Practical Conference and the I stage of Research Analytics Championship in Art History, History, Philosophy, Culturology, physical culture and sports “Material and spiritual factors of the personal creativity expression in the general social process of the cultural values formation” are presented.

International Academy of Science and Higher Education

**ROLE AND RATIO OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION
AGAINST THE BACKGROUND OF THE INCREASING VALUE OF INFORMATION
AND INTENSITY OF ITS TURNOVER**

Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results
of the CXXXIX International Research and Practice Conference
and I stage of the Championship in Philology
(London, March 02 – March 10, 2017)

**The event was carried out in the framework of a preliminary program of the project
“World Championship, continental, national and regional championships on scientific analytics”
by International Academy of Science and Higher Education (London, UK)**

Published by IASHE
London
2017

Dear friends!

During the breaks between classes corridors of the University of Basel are traditionally filled with steady hubbub of ringing young voices. Of course, at any university of the world in these moments students like to communicate with each other, discuss lectures and evening plans, and make fun of their friends and teachers. But in the University of Basel (founded by the bull of the Pope Pius II on November 12, 1459) the intricate and mysterious combination of historical interiors and the centuries-old spirit of this educational institution with the energy of young seekers of knowledge creates the amusing atmosphere of immensity of time and endlessness of science...

In one of fine September days of 2014 three students of the humanities faculty have gathered near the big stained glass window on the second floor of the main building of the university after the lecture on Modern philosophy. They were discussing with deep emotion the subjects of reports, which they were expected to prepare for the next lesson.

- And I got "The Death of God" in nihilistic philosophy of Friedrich Nietzsche, - the undersized and red-haired student deeply sighed and looked at his companions as if seeking compassion. - I can hardly read one single page of his books! They're too complicated!

- Yeah, bad luck... - the thin brunette in a checkered jacket agreed with his grieved friend. - I know only a few phrases from "Thus Spoke Zarathustra", but I use them mostly as signatures under messages in social networks.

- Why would anyone even think about studying all this blather?! - The plump young man exclaimed and threw up his hands impulsively. - Besides, I heard that many Nazi and chauvinistic doctrines and ideologies are based on Nietzsche's philosophy!

- Indeed, I don't envy you! - The voice of the young doctoral candidate of the department of philology has unexpectedly sounded behind the taken aback students. - Excuse me for intervening, but I was passing by and incidentally heard your indignation. So I thought I might actually be able to help...

- Thanks a lot, but we will somehow... - the red-haired student tried to answer the unexpected interlocutor timidly.

- We are talking about Nietzsche, right? So "somehow" won't work. - The young scientist proclaimed with a serious look. - I have just heard from you too many foolish and ridiculous clichés. Thinking this way you will certainly find every single paragraph in books of this philosopher too hard to understand.

- So there is some kind of a secret formula for understanding Nietzsche? - asked the dark-haired student.

- Well, when I was a second-year student, my reaction to this same task - writing a paper about Nietzsche's works - was similar to yours. - The doctoral candidate stood silent for a moment and then started making some gestures as if trying to find the most suitable words. - The main point is that the reader of Nietzsche's works must first of all respect... not even the author, but himself or herself. This is actually the cornerstone of Nietzsche's concept about human knowledge.

- But I can't say I don't respect myself, - said the red-haired student brassily.

- Have you heard that at the age of 24 Friedrich Wilhelm Nietzsche was still a student of the Leipzig University, but nevertheless was offered a position of a professor of classical philology in our university? He became one of the youngest professors in the history of European universities. And this was possible because he conducted many independent studies, actively published his works, and selflessly believed in hidden capabilities of the person. He believed in the ability "to dissolve" in the surrounding reality and "to absorb" it through variety of events!

Уважаемые друзья!

Во время перерывов между учебными занятиями коридоры Базельского университета традиционно наполняются равномерным гомоном звонких молодых голосов. Конечно, в любом университете мира студенты в такое время любят пообщаться друг с другом, обсудить лекции и планы на вечер, пошутить по поводу поступков друзей и преподавателей. Но в стенах Базельского университета (основанного буллой римского папы Пия II 12 ноября 1459 года) замысловатое и таинственное сочетание исторических интерьеров и многовекового духа учебного заведения с энергией юных искателей знаний, создает удивительную атмосферу необъятности времени и безграничности науки...

В один из погожих сентябрьских дней 2014 года трое студентов факультета гуманитарных наук, после лекции по философии Нового времени, уединились возле большого витражного окна на втором этаже главного корпуса университета и эмоционально обсуждали темы докладов, которые они должны подготовить к следующему занятию.

- А вот мне попала тема: «Смерть Бога» в негиллистической философии Фридриха Ницше», - низкорослый и рыжеволосый студент глубоко вздохнул и в поисках сочувствия выразительно оглядел своих товарищей. - Да я в его книгах более одной страницы прочитать не могу! Ничего не понятно!

- Да, не повезло... - согласился с опечаленным другом худощавый брюнет в клетчатом пиджаке. - Я знаю только несколько фраз из «Так говорил Заратустра», но использую их только для подписи сообщений в социальных сетях.

- А я вообще не понимаю, зачем изучать эту сложную ерунду?! - воскликнул полный молодой человек и импульсивно всплеснул руками. - К тому же, не раз слышал, что на философии Ницше основываются многие нацистские и шовинистические учения и идеологии!

- И, действительно, тебе не позавидуешь! - неожиданно прозвучал за спинами опешивших студентов голос молодого докторанта кафедры филологии. - Извините за вмешательство в ваш разговор. Но я проходил мимо, случайно услышал ваше негодование и решил, что смогу помочь...

- Нет-нет, спасибо, мы как-нибудь сами... - неуверенно попытался возразить неожиданному собеседнику рыжеволосый студент.

- «Как-нибудь» в отношении Ницше у вас ничего не получится! - многозначительно провозгласил молодой ученый. - Вы озвучили слишком много заблуждений и нелепых штампов, в соответствии с которыми в книгах этого философа, действительно, сложно будет понять даже отдельные абзацы.

- Неужели есть какая-то «секретная формула» понимания Ницше? - поинтересовался брюнет.

- Знаете, характерно, что на 2 курсе я так же, как и вы, отреагировал на необходимость написания реферата по работам Ницше... - докторант на мгновение задумался и зажестиковал, пытаясь подобрать подходящие слова. - Начнем с того, что читателю произведений Ницше необходимо начать уважать..., нет, даже не столько автора, сколько самого себя. Собственно, это и есть краеугольный камень концепции Ницше о человеческих знаниях.

- Ну, я не могу пожаловаться на отсутствие самоуважения, - вызывающе заявил рыжеволосый студент.

- А вы знаете, что Фридрих Вильгельм Ницше в 24 года, будучи еще студентом Лейпцигского университета, был приглашен на должность профессора классической филологии в наш университет. И стал одним из самых молодых профессоров в истории университетов Европы. А все потому, что он проводил много самостоятельных исследований, активно публиковался и беззаветно верил в глубинные возможности человека, его способность «раствориться» в окружающей действительности и «впитать» её в себя во всем многообразии явлений!

- Nietzsche was a genius. That's obvious anyway. Otherwise he wouldn't be that famous and respected, - noted the plump student. - But what about excessive complexity of his texts? They are obviously written not for the average Jack.

- Form and contents of Nietzsche's works are indeed complex, - doctoral candidate smiled and covered his eyes from the rays of the setting sun jumping into the corridor through the shutters. - Aphoristic nature of statement of philosophical texts is the essential innovation of Nietzsche. He tried to be honest and sincerely believed that life is not just the static facts, but a chain of events. And he thought that events are better reflected in dynamic aphorisms which give the reader a chance to independently determine the depth of context of a work and expand boundaries of its meaning! He wanted his readers not just to perceive the author's ideas. He wanted them to think and go beyond his own conceptions! There are a lot of speculative and allegoric things in his works. Look at formation of a traditional human culture on the basis of two beginnings - the cults of Dionysus and Apollo. Or take a metaphor "the Death of God" which only illustrates the increasing human disbelief in "super-sensual" values. Or, at last, the tremendous idea about "eternal return" as the essence of constancy! And "super-human" who becomes a part of the integral world and embodies this world in own acts! And "the will to power" as the triumph of intelligence, creativity and creation!

- Your passion makes all these statements sound very majestic and beautiful! - The thin brunette was amused. - But what can you say about allegedly Nazi potential of Nietzsche's ideas?

- Many myths have been flying around this subject, - the doctoral candidate answered and thoughtfully looked at the window. - Once Nietzsche also looked through the window and with admiration watched the mighty force of a herd of the magnificent horses, galloping across the emerald hills of East Prussia. Later he lost mind trying to protect a horse from its angry owner and his whip. Could such person really justify cruelty and anti-humanism? However, this can't be said about his sister, who was a passionate follower of Hitler. After Nietzsche became demented, she did her best to prove ideological connection of her brother's works and the Nazi doctrine. Nevertheless, certain ideas of Nietzsche were indeed interpreted by various nationalists for the sake of their vile interests. Unfortunately, we will never have a chance to find out attitude of Friedrich Nietzsche to this. When he was 25 he renounced the citizenship of aggressive Prussia, and has sincerely hated the chauvinistic and anti-Semitic views of his ambitious sister until his madness.

This digest includes reports, presented on the CXXXIX International Research and Practice Conference "Role and ratio of verbal and nonverbal means of communication against the background of the increasing value of information and intensity of its turnover" and on the 1st stage of research analytics championship in Philology.

We are sincerely grateful to authors of works presented in the digest for active participation in international scientific communications, we congratulate winners and awardees of relevant research analytical championships and we look forward to further participation of these scientists in the Global International Scientific Analytical Project of the IASHE and to their new ideas and scientific innovations.

Yours sincerely,
Head of the IASHE International Projects Department
Thomas Morgan

March 27, 2017
London, UK

- То, что Ницше – гений, это итак очевидно. Иначе он бы не был столь знаменит и почитаем, – заметил полный студент. – А как быть с чрезмерной сложностью текстов его произведений? Они ведь явно не для средних умов!

- Произведения Ницше действительно не просты ни по форме, ни по содержанию, – докторант улыбнулся, прикрывая рукой глаза от лучей закатного солнца, пробивавшихся сквозь жалюзи окна. – Афористичность изложения философских текстов является принципиальной инновацией Ницше. Он старался быть честным и искренне считал, что жизнь – это не статичные факты, а цепь событий. А события, по его мнению, лучше отражаются в динамичных афоризмах, которые дают читателю возможность самостоятельно определять глубину контекста произведения и расширять границы его смысла! Он желал, чтобы его читатели не просто воспринимали мнение автора, а мыслили, превосходили авторский замысел! В его произведениях много умозрительного и иносказательного. Взять хотя бы построение традиционной человеческой культуры на двух началах – культах Диониса и Аполлона. Или метафору «Смерть Бога», которая лишь иллюстрирует возрастающее недоверие человека к «сверхчувственным» ценностям. Или, наконец, потрясающий тезис о «вечном возвращении» как сущности постоянства! А «сверхчеловек», который становится частью всеединства мира и воплощает этот мир в своих поступках! И «воля к власти», как торжество интеллекта, творчества и созидания!

- Все это в твоём изложении звучит очень пафосно и красиво! - восхитился худощавый брюнет. - Но как быть с якобы нацистским потенциалом идей Ницше.

- Вокруг этой темы очень много мифов, - ответил докторант и задумчиво посмотрел в окно. - Однажды Ницше вот так же смотрел в окно и восторженно наблюдал за могучей силой табуна великолепных лошадей, галопом пересекавших изумрудные холмы Восточной Пруссии. В последующем он потерял рассудок, защищая коня от безжалостного избиения хозяином. Задумайтесь, мог ли такой человек оправдывать жестокость и человеконенавистничество? Правда, этого нельзя сказать о его родной сестре, которая, после сумасшествия Ницше, была страстной поклонницей Гитлера и всячески старалась доказать идеологическую связь произведений брата с фашистской доктриной. Тем не менее, некоторые идеи Ницше, действительно, интерпретировались различными националистами в своих низменных интересах. К сожалению, нам никогда не удастся узнать отношение к этому самого Фридриха Ницше, который в 25 лет отказался от гражданства воинственной Пруссии и всю сознательную жизнь искренне ненавидел шовинистические и антисемитские взгляды своей амбициозной сестры.

Данный сборник включает доклады, представленные на CXXXIX Международную научно-практическую конференцию "Роль и соотношение языковых и невербальных средств общения в рамках тенденций повышения ценности информации и интенсивности её обращения", а также I этап первенств по научной аналитике по филологическим наукам.

Искренне благодарим авторов представленных в сборнике произведений за активное участие в международных научных коммуникациях, поздравляем победителей и призеров соответствующих первенств по научной аналитике, а также с нетерпением ожидаем дальнейшего участия этих ученых в Глобальном международном научно-аналитическом проекте их новых идей и научных разработок.

С уважением и наилучшими пожеланиями,
Руководитель Департамента
международных проектов МАНВО Томас Морган

«27» марта 2017 г.
Лондон, Великобритания

National Research Analytics Championship

Bulgaria
Georgia
Kazakhstan
Russia
Ukraine

Open European-Asian Research Analytics Championship

Bulgaria
Georgia
Kazakhstan
Russia
Ukraine

International Scientific and Practical Conference

Bulgaria
Georgia
Kazakhstan
Russia
Ukraine

EXPERTS OF CHAMPIONSHIPS AND CONFERENCES

DANIELA GRAVA (ITALY)
Literary agent, DLitt

ELENA KOSYKH (RUSSIA)
Candidate of Philology, Associate Professor

Place of work: Altai State Pedagogical Academy.

Scope of research interests: ontolinguistics, coloring, Russian language history, comparative and contrastive linguistics of kindred languages, ancient and classical languages, linguistic identity.

Scientific works: National Encyclopedia of Color Labeling.

GALINA KONTSEVAYA (BELARUS)
Candidate of Philology, Associate Professor, Brest State University.

Place of work: Brest State University.

Scope of research interests: semantics and pragmatics of network communication, computer linguistics, modern Belorussian language.

MARIANNA BALASANYAN (GEORGIA)
Doctor of Philology (PhD), Associate Professor, member of the Georgian Association of Teachers of Russian Language and Literature and the International Association of Teachers of Russian Language and Literature, member of the scientific advisory board of the periodical "International Journal of Russian Studies"; head of the "Russian Language and Literature" department of the Faculty of Education, Humanities and Social sciences of the Akhaltsikhe State University; the director and moderator of the program in Russian language and literature.

Place of work: Akhaltsikhe State University.

Scope of research interests: linguistics, semiotics, methods of teaching Russian as a foreign language, problems of intercultural communication.

Is the author of 62 works, published in republican and international journals.

MEHMED JEMAL (TURKEY)
Kelime Agency, Ph.D.

TETYANA KOVALEVSKA (UKRAINE)

Doctor of Philology, Full Professor, Head of the Ukrainian language Department

Place of work: Odessa I.I. Mechnikov National University

Scope of research interests: Suggestive linguistics, psycholinguistics, neuro-linguistic programming, communicative linguistics, theoretical and applied lexicography, communicative influence in political and commercial advertising and public administration. Main subject of the research is – the problems of verbal and nonverbal influence on consciousness and subconsciousness of a person / society.

Scientific works: Monographs, chief editor of several monographs, co-author of 2 associative dictionaries, dictionary of dialects, few tutorials, more than 140 scientific papers.

YULIANA PYKHTINA (RUSSIA)

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Russian Philology and Russian Language Teaching Methods

Place of work: Orenburg State University

Scope of research interests: Theory and history of Russian literature and literary regional studies; philological analysis of texts; methods of teaching literature

GLOBAL
INTERNATIONAL
SCIENTIFIC
ANALYTICAL
PROJECT

AWARD PROTOCOL № 139 c-2017

Date: March 27, 2017

INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION
1 Kings Avenue
Winchmore Hill
London
N21 3NA
Tel: +44 (20) 71939499 / Skype: iashe_
Email: office@iashe.eu
Website: www.iashe.eu

Following the results of the I stage of the Championship in Philology, held within the framework of the National Research Analytics Championship and the Open European-Asian Research Analytics Championship, the Championship Organizing Committee and IASHE regional expert council decided to single out the following reports as the best research works presented at the championships:

OPEN EUROPEAN-ASIAN RESEARCH ANALYTICS CHAMPIONSHIP

Absolute championship

Philology

Golden decoration, Dimitrina Hamze
Money bonus in the amount of Euro 40 and 75 credits

Silver decoration, Sabina Ayazbekova
Money bonus in the amount of Euro 30 and 60 credits

Bronze decoration, Iuliana Pykhtina
Money bonus in the amount of Euro 25 and 50 credits

Alpha-championship

Philology. Section "Germanic languages"

Bronze diploma, Iryna Kobyakova,
Svitlana Shvachko,
Vitalii Stepanov
Money bonus in the amount of Euro 15 and 30 credits

Philology. Section "Open specialized section"

Bronze diploma, Sabina Ayazbekova
Money bonus in the amount of Euro 15 and 30 credits

Philology. Section "Theory of language"

Bronze diploma, Dimitrina Hamze
Money bonus in the amount of Euro 15 and 30 credits

NATIONAL RESEARCH ANALYTICS CHAMPIONSHIP

Absolute championship

Philology

Ukraine

Bronze decoration, Iryna Kobyakova,
Svitlana Shvachko,
Vitalii Stepanov
Money bonus in the amount of Euro 25 and 50 credits

Alpha-championship

Philology. Section "Theory of language"

Georgia

Diploma "Scientific Thought Leader"

Mariana Balasarian

All the participants of championships except those who were awarded with diplomas receive certificates of participants of the championship.

On behalf of the Organizing Committee and the Commission of Experts
of the I stage of the Championship in Philology
of the National research analytics championship
and the Open European-Asian research analytics championship
Head of IASHE International Projects Department
Thomas Morgan

Thomas Morgan

**MODELING THE HUMAN LIFE FRAME CONCEPT ON THE BASIS OF A FRIEDRICH NIETZSCHE'S
PHILOSOPHICAL-APHORISM CORPUS**

**I. Kobiakova, PhD in Philology, Prof.
S. Shvachko, Dr. of Philology, Prof.
V. Stepanov, Student
Sumy State University, Ukraine**

**Conference participants,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship**

The article deals with revealing mechanisms of modeling a frame structure of the HUMAN LIFE concept on the basis of a corpus of philosophical aphorisms by Friedrich Nietzsche, which is implemented by means of the formula «notion — proposition — slot». Illustrative frame-model schemes of the researched concept and respective tools of verbalizing their elements are represented as well.

Keywords: concept, frame, basic frames, aphorism, corpus.

Статья рассматривает механизмы моделирования фреймовой структуры концепта ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ на материале ресурсов корпуса афоризмов Фридриха Ницше, авторами которых являются известные политики прошедшего и современного времени, что осуществляется по формуле «понятие — пропозиция — слот». Дополнительно приводятся иллюстративные схемы фреймовой модели исследуемого концепта, а также соответствующие средства вербализации его составных элементов.

Ключевые слова: концепт, фрейм, базовые фреймы, афоризм, корпус.

In the modern computer-technology era linguistics provides a great applied potential of its usage for researching certain phenomena of our world that are generalized and modeled in the form of special schemes called concepts. The given article reveals mechanisms of reproducing a cognitive frame model of the HUMAN LIFE concept on the basis of philosophical aphorisms by Friedrich Nietzsche collected in a single linguistic set — corpus. That defines **the subject matter of our research** — the HUMAN LIFE concept — while **the specific research topic** is constructing a frame model of the above-mentioned concept by engaging philosophical aphorisms as a tool of verbalizing its constituent slots. **The research objective** is providing a final visual frame model of the HUMAN LIFE concept with an accompanying list of aphorisms used for constructing and verbalizing its structure network. To achieve that objective we accord it necessary to complete **the following tasks**: 1) to reveal essence of research theoretical points: what is concept, frame, aphorism, corpus, etc.; 2) to represent an algorithm that can be used as a fundament for constructing the HUMAN LIFE frame concept; 3) to illustrate the constructed frame model with aphorisms that verbalize its structure. Among **research methods** we engage in our article a registering method (selecting and arranging units into a single linguistic corpus) as well as modeling and thesaurus methods (generating a frame model of the researched concept). **Research practical relevance** consists in using the stated frame-modeling mechanisms for producing similar models when researching other concepts on the basis of aphorism corpora.

Cognitive linguistics is a linguistic branch that considers ways of collecting, keeping and using verbalized knowledge. It is a science about language itself as well as about a reflected world picture.

In its broadest meaning, world picture is regarded as a knowledge set about reality that was generated by public, group or individual consciousness [1, p. 51]. World pictures are divided into objective-reality, cognitive and linguistic pictures.

An objective-reality world picture is an object of human's cognizing the world, which further provides individual and collective consciousness with a cognitive world picture that becomes a certain result of perceiving and considering the environment. The most important cognitive-picture elements are reflected in a linguistic world picture that is interpreted as a total information set about inner and outer worlds fixed in a colloquial language [2, p. 108]. Linguistic world pictures verbalize results of human-consciousness considered reality facts creating certain units that are called concepts.

Concept is one of the main cognitive-linguistics notions. However, there is no single definition in describing concepts. Difficulties in interpreting concepts are conditioned by several circumstances. Firstly, concept is an interdisciplinary formation and is used in many sciences. Secondly, the concept phenomenon itself is a complex issue. Therefore, today concepts are researched in terms of psychological [3, p. 4], logical [4, p. 3], philosophical [5, p. 36], culturological [6, p. 43] and integrative [7, p. 9] approaches.

Nowadays the concept notion is also actively used in two branches — cultural and cognitive linguistics. Within each branch the notion is interpreted differently; therefore there is a great tendency to distinguish cognitive and cultural approaches to defining concepts [8, p. 58]. Such approach differentiation is traced in works by V.I. Karasik, G.G. Slyshkin, Y.D. Tilman, etc.

The cognitive approach (A.P. Babushkin, N.N. Boldyrev, O.S. Kubriakova, Z.D. Popova, I.A. Sternin) considers concepts in terms of knowledge and cognition defining it as a mental formation, a certain world-knowledge focus, a cognitive structure comprising multi-substrate consciousness units. The cultural approach (N.D. Arutyunova, A. Vezhbytskaya, S.V. Vorkachev, V.I. Karasik, M.V. Pimenova, G.G. Slyshkin, Y.S. Stepanov) regards concepts from language and culture perspectives as a consciousness element with focusing on its national-cultural originality and unique values for certain communities.

In our article we find it reasonable to accept the cognitive approach and define concepts as a discrete mental formation, a basic human-thinking unit with a relatively arranged inner structure that comprises results of individual or public cognitive activities containing complex encyclopedic information about certain items or phenomena, about interpreting this information by public consciousness and about public-consciousness attitude to the given item or phenomenon [1, p. 34]. From our point of view, such a concept-notion definition is the fullest and most meaningful one.

A difficult problem in the cognitive-research theory is also defining a concept typology. In the above-mentioned approaches researchers propose different principles of their classification, which allows distinguishing such concept types as thinking pictures, schemes, hyperonyms, frames, insights, scripts, kaleidoscope concepts, feeling images, ideas, notions, prototypes, propositions, gestalts, symbols, etc. [9, p. 43-67; 10, p. 8; 1, p. 117-119; 11, p. 5]. Each of these concept types has own features differentiating them among other concepts and conditioning their role for representing world pictures.

A great representing potential of researched-concept essences is provided by frames that are generally regarded as a single category uniting different human knowledge and experience; an arranged representation of a certain reality situation; a structure containing linguistic and extralinguistic information about a notion or stereotype situation [12, p. 224]. As a separate concept type frame actualizes issue of its research methodology. Thus, S.A. Zhabotynska accords it reasonable to engage the thesaurus method that is usually used for constructing thesaurus-dictionary conceptual models [13, p. 75-80]. In particular, in terms of modeling frame concepts she offers to apply propositions of five basic frames (thing frame, action frame, possession frame, identification frame and comparison frame) that are represented by corresponding schemes.

Any frame (by M. Minsky) is graphically reproduced as a network of nodes and node connections [14, p. 212]. Among frame nodes there are notions and slots. Notions are top nodes as main invariable frame elements. Notion levels are usually called frame core. Lower levels consist of nodes whose information is variable, namely it changes depending on a situation. Such nodes are called slots, or periphery. A basis for understanding a stereotype situation is provided by notions that are connected with slots by means of propositions. Concretizing and agreeing slots with notions allows understanding a certain situation.

In our article frame concept representation actualizes an issue how concepts can be modeled in a frame form on the basis of aphorisms. Aphorisms are regarded as brief laconic statements that have a deep generalized thought by a certain author [15, p. 324]. For researches they can be reasonably applied as an arranged set rather than as separate units. Such arranged sets are called corpora.

In terms of corpus linguistics corpora are interpreted as a set of texts that is stored in a computer-readable form, contains over thousand words and is arranged for maximal language representation [16, p. 48-49; 17, p. 197]. The given article bases on this definition of the corpus notion.

As a single text set, any corpus is characterized by certain features distinguishing it from other random text collections. These features include: representativeness, e-format, annotation (layout), data computer processing and over-1000-word volume [18, p. 26]. For our research the most important of them is representativeness, namely corpus ability to represent certain language properties that occur in each text of an arranged corpus. Such properties can be a common genre of all corpus texts, their common language style, etc. and they are used as a base for constructing corpora for certain practical purposes.

In our case corpus representativeness is realized by the HUMAN LIFE concept that will be a key criterion to construct our own corpus for modeling its frame structure. From this perspective, the given concept can be represented in a corpus of philosophical aphorisms each of which reveals certain features of human life giving us an opportunity to analyze and combine all these features in a single HUMAN LIFE concept. The concept will be produced in a frame-model form, which is implemented according to the following algorithm:

- 1) Arranging a philosophical-aphorism corpus;
- 2) Defining inner structure of each corpus aphorism (themes and rhemes) and its analyzing;
- 3) Modeling a frame network of the HUMAN LIFE concept on the basis of theme-rheme relations where a frequently-occurring similar theme will be a tool for generating slots while a frequently-occurring similar rheme will be a tool of frame-network hierarchical division into notions and slots;
- 4) Reproducing a graphical scheme of the modeled concept by basic frames and illustrating its slots by means of aphorisms from the arranged corpus.

The given frame-modeling algorithm is derived from a similar algorithm for modeling concepts on the basis of proverbs, which was researched by us previously [19, p. 72]. We find it reasonable to apply exactly this algorithm because proverbs and aphorisms are identical notions with the only difference in their authorship: while the former have unknown folklore origin, the latter are created by certain famous persons (writers, public figures, politicians, etc.) at certain time in history. That is why this algorithm is well-applicable for current frame-modeling reasons.

Before implementing the above-mentioned algorithm we arrange a philosophical-aphorism corpus. Our corpus is constructed on the basis of the virtual corpus (the Internet) where we find two websites dedicated purely to aphorisms by Friedrich Nietzsche — <http://best-aphorisms.ru/fridrih-nitsshe/> [20] and <http://www.aphorisme.ru/by-authors/nicshe/?q=843> [21]. These websites contain many Nietzsche's aphorisms which we read and select among them the most suitable ones for frame-modeling aims. All selected aphorisms are saved in the *Microsoft Word* text editing program and translated into English because the two above-mentioned websites are in Russian. Then we proceed to frame-modeling itself according to the algorithm.

Analyzing themes and rhemes of separate aphorisms gives an opportunity to establish what features are connected with human life (themes) and in what life spheres these features are shown (rhemes). Thus, frequently-occurring rhemes generate three branches, or subframes, of the HUMAN LIFE frame concept that are filled with slots representing certain human-life qualities defined on the basis of frequently-occurring themes. Finally, we get a HUMAN LIFE concept whose network is reproduced in a hierarchical order with propositions of thing and possession frames. Firstly, the HUMAN LIFE frame notion is divided into three constituent subframes – SINGLE LIFE, MARRIED LIFE and PUBLIC LIFE, – which is performed according to thing-frame propositions «SOMETHING (HUMAN LIFE) exists AS (SINGLE LIFE, MARRIED LIFE and PUBLIC LIFE)». Then these three human-life branches embodied in subframes are further divided into constituent lower frames reproducing subaspects of their analysis – NIETZSCHE'S ANALYZING HUMAN DEEDS AND CHARACTER and NIETZSCHE'S ADVICE HOW IT IS REASONABLE TO LIVE (the SINGLE LIFE frame) as well as LOVE RELATIONS and FAMILY LIFE (the MARRIED LIFE frame) – while the PUBLIC LIFE frame is not divided into subframes. All these elements are reproduced through possession-frame propositions «SOMETHING (SINGLE LIFE) has SOMETHING (NIETZSCHE'S ANALYZING HUMAN DEEDS AND CHARACTER)», etc., which finally results in revealing slots describing the essence of the obtained subframes that are also engaged by possession-frame propositions.

The modeled HUMAN LIFE frame concept is graphically reproduced in a scheme form (figure 1), which is accompanied by a list of Nietzsche's corpus aphorisms [22] that verbalize the frame-concept slots (table 2).

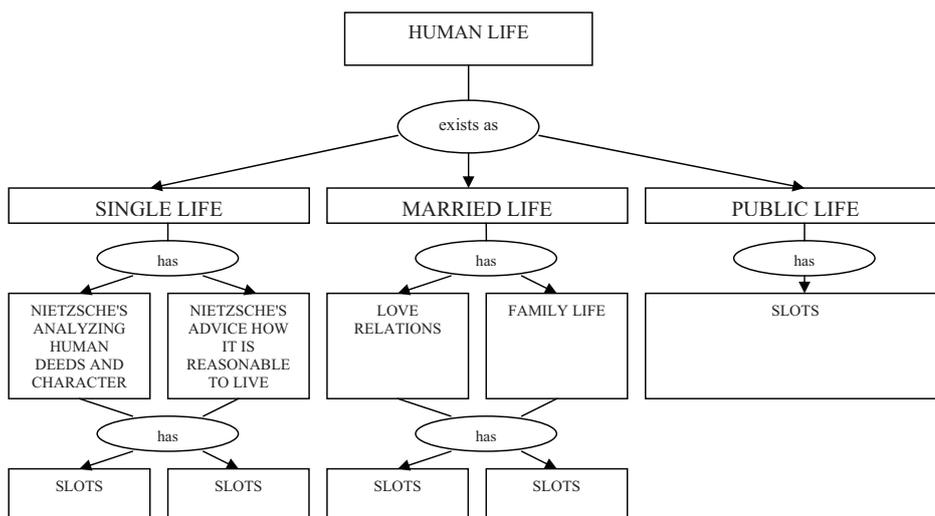

Figure 1. Frame Model of the HUMAN LIFE Concept

Tab. 2.

**Slots of the Corresponding Subframes of the Modeled HUMAN LIFE Concept
The SINGLE LIFE Possession Frame
The NIETZSCHE'S ANALYZING HUMAN DEEDS AND CHARACTER Possession Subframe**

Slot
When you know you life purpose, you will find a way out of any emergency
Valuable experience is obtained from the life past rather than from books.
People learn to live by their past mistakes and endured emergencies
It is only older age that understands and analyzes life difficulties properly
Honor is what you achieved rather than your origin
Bad deeds are not forgotten reminding us constantly of them
People actually dislike stealing and committing crimes for surviving
People constantly want higher wealth, success and happiness
Only strong people succeed in surviving and wealth
People can never be content with their life till the end
Human envy is eternal
Money spoils people
All people are spoiled and nobody of them is sacred and sinless
Poverty teaches people how to survive
Death is the grand leveler
Happiness and delight help to forget temporarily about one's problems
In human life delight and sorrow go in turn
People always aspire to eternal life suffering from it
People are highly valued for convincing, resolution and courage
A crowd's common opinion is usually false
Heroism inflamed by self-conceit gradually destroys a person's soul
There is no common idea what is actually evil or good — everything depends on a certain person
Any invincible human has a weak spot
A talented person is mad
The most difficult thing is to know oneself
People's actions usually depend on the opinion of the surroundings to them
People's committing actions often depends on their position in the social hierarchy
People aspire to glory
People like a passion for achieving an aim rather than an achieved aim itself.
People respect somebody's reproach rather than praise
People never want to leave the beloved
Each human is unique
Deeds for the sake of love are unique
People become tyrants because of constant problems and sufferings
Philosophers got used to analyzing life of modern people only

Germanic languages

Human habits are difficult to be changed
People dislike when their surroundings teach them how to live properly
People regard their views and decisions as the truest ones
Human is the worst enemy for himself
Clever and wise people can also err
People can perform many things for their true friends
People are often lonely because of ultimate disappointment in the surroundings, which makes them trust nobody
People die of loneliness and lack of love
Self-conceit cannot be eradicated from human soul

Tab. 2.

Slot
Feeling sorry for the poor is disgrace but people give alms to increase their self-conceit
Generous and kind people are usually exploited by the others to obtain benefit and increase self-conceit
If a person exploits you, he is morally weak in life
It is a face rather than speech that reveals whether people lie or tell the truth
Some people's trust and self-conceit increases by telling always truth on principle
Mocking is the worst human punishment, torture and humiliation
People hate worthy enemies and mock at weak persons
One dislikes telling truth because it is usually humiliating or shameful
Some people prefer defending while the others like attacking
Irresolute people want to be loved rather than to love
People always want to revenge their offence on offenders
People aspire to absolute freedom

The SINGLE LIFE Possession Frame
The NIETZSCHE'S ADVICE HOW IT IS REASONABLE TO LIVE Possession Subframe

Slot
Live for the day and do not regret
Act how you find reasonable rather than polite, moral or conventional
Be ready for unforeseen emergencies
Keep measure and do not get a swollen head when reaching success and glory
Achieve new aims constantly if there is any opportunity
Succeed in achieving your aim without any help
Do not help the weak — make them settle their problems themselves
Never lose your dignity in conflicts
Respect your enemies
Be capable of answering by proper words to make people interested in dealing with you
Be capable of proving your point of view by giving proper arguments
Act confidently and you will succeed
Use courage for defeating only proper people
Do not be silent when settling problems
Do not waste you efforts.
Sometimes forget temporarily about your problems and relax
Enjoy each moment of happiness
Treat people in a manner they deserve it
Do not wait for benefiting from your virtues
Be kind and generous only to a proper extent, otherwise you will be slighted
Think properly before marrying somebody
Do not try to teach somebody if it is impossible to change their behavior for better
If you want to revenge an offence on somebody, tell the truth openly about them
Search for people who will value your efforts
Do not show off your achievements and self-conceit

Tab. 2.

The MARRIED LIFE Possession Frame
The LOVE RELATIONS Possession Subframe

Slot
People lose their mind in love
Women like self-confident and determined men
Men like women because of an interest and desire to win their heart

A beloved woman is the best
A loving woman is ready for any sacrifice
Women revenge because of love more brutally than men
Women can only love rather than to be a friend because they feel constrained
An ideal woman is found seldom
Women show openly their real attitudes and love to men only when jealousy or hatred are filled in them
Women are respected for their more natural temper as well as for abilities to hide their evil intentions under smiles
Women dress up for men who are chief for them
Love to a partner consists in passion for him rather than in compassion for him
There are conflicts in any love relations
If a person loves truly, he can live his all life even in unreciprocated relations to make somebody happy
Love is cruel if a man just wants to satisfy his own desires rather than to make his woman happy or glad
Women behave too arrogantly if nobody loves them
People often need partners only to have a sex rather than to have relations themselves
Chastity is underestimated today
Women often hate other women because of the former's incapability of charming men
Women are much more sensual than men
Women feel men rather than understand them
Women have a strong sexual desire but are ashamed to reveal it
Human dignity consists in loving rather than in being loved
A hating man is full of anger while a hating woman is full of stupidity to commit mad deeds
Men like loving while women prefer being loved
Men like women with drawbacks
Only a skilled and ideal man can awaken femininity in a woman
The more men ignore women, the stronger love is.
Deeds for the sake of love are unique
Obligatory love mutuality reveals human vanity
Love merit is the greatest self-conceit
Demand for too much things makes love intolerable

The MARRIED LIFE Possession Frame
The FAMILY LIFE Possession Subframe

Slot
Think properly before marrying somebody
Before marrying somebody consider your wife's temper and appearance in the next 20 years
Marriage makes spouses endure each other for the whole life
Marriage imposes new responsible duties and limits on people

Tab. 2.

Slot
In course of time spouses dislike marriage itself and each other's character
A good marriage is based on mutual understanding and ability to compromise
There are conflicts in any marriage
A husband should be a breadwinner while a wife should be his support
If you do not love a spouse and are fed up with that, it is better not to endure and leave him or her
A true love forgives a spouse for unfaithfulness
Bringing up a child parents inspire them with a huge love
Children should be better than their parents who have to provide them with all possibilities to achieve wealth
Sons are similar to their fathers by character
In the family a wife understands her children better than a husband and behaves more reasonably as well
Men like loving while women prefer being loved

The PUBLIC LIFE Possession Frame

Slot
Crowd cannot think reasonably and its common opinion is usually false
Crowd distorts personal human opinion by imposing its own one
Society cannot live without attempts to change their life
Religion and science are not connected with one another at all
Religion distorts reality
Power always subdues religion
Moral prevails over religion; they are different things
Weighed and slow decisions rule the state
Power achieves its aims by any possible means.
Nations will always find flaws in their states
Power usually lies to population
Nation always aspires to life improving in future
A public person is always surrounded with gossip
History is created by truly great people
Any power problems are settled and eradicated evolutionally
Both spiritual growth and decline clash in society
People should improve in course of society and power changes
Culture is full of chaos
Law is not eternal and perfect

Thus, the HUMAN LIFE frame concept modeled by means of the Friedrich Nietzsche's philosophical-aphorism corpus is revealed through thing and possession subframes representing its essence in three corresponding spheres of human life. Further researches will be aimed at providing similar frame models of certain concepts on the basis of other philosophical aphorisms, for example those by Immanuel Kant.

References:

1. Popova Z.D. Cognitive Linguistics / Z.D. Popova, I.A. Sternin. - Moscow., AST: Vostok-Zapad, 2007. - 314 p.
2. Brutian G.A. Language and World Picture., G.A. Brutian., NDVSH. Filosofskie Nauki. - 1973. No. 1., pp. 108–111.
3. Likhachev D.S. Concept Sphere of the Russian Language., D.S. Likhachev., Izvestiia RAN. Seriya Literatura i Yazyk. – 1993., Volume 52., No. 1., pp. 3–9.
4. Arutiunova N.D. Logical Language Analysis. Mental Actions., N.D. Arutiunova. - Moscow., Nauka, 1993. - 176 p.
5. Kolesov V.V. Culture Concept: Image, Idea, Symbol., V.V. Kolesov., Vestnik SPbGU. Series 2. - 1992. No. 3., pp. 30–40.
6. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian Culture., Yu.S. Stepanov. – Moscow., Akademicheskii Proekt, 2001. - 990 p.
7. Slyshkin G.G. From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse., G.G. Slyshkin. - Moscow., Academia, 2000. - 128 p.
8. Pimenova M.V. Cognitive Researches. Introduction: textbook., M.V. Pimenova, O.N. Kondratieva. - Moscow., FLINTA: Nauka, 2011. - 176 p.
9. Babushkin A.P. Types of Concepts in Lexical and Phraseological Language Semantics, Their Personality and Nation Specificity: thesis for a degree of Philology Doctor: 10.02.19., A.P. Babushkin. - Voronezh, 1997. - 330 p.
10. Pimenova M.V. Soul and Spirit: Peculiarities of Conceptualization., M.V. Pimenova. – Kemerovo., Grafika, 2004. - 386 p.
11. Slyshkin G.G. Linguocultural Concepts and Metaconcepts : author's abstract of the thesis for a degree of Philology Doctor: 10.02.19., G.G. Slyshkin. - Volgograd, 2004. - 39 p.
12. Zankovska H.D. Frame Structure of the CONFLICT Concept., H.D. Zankovska., Visnyk KNU im. Tarasa Shevchenka. - 2013., Part 1. No. 9 (268), pp. 222–228.
13. Zhabotinskaia S.A. Ontologies for Thesaurus Dictionaries: A Linguocognitive Approach., S.A. Zhabotinskaia., Filolohichni Traktaty. — 2009., Volume 1., No. 2. pp. 71–87.
14. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge., M. Minsky., The Psychology of Computer Vision., ed. P.H. Winston. - New York., McGraw-Hill, 1975., pp. 211–277.
15. Koloiz Zh.V. Ukrainian Paramiology: a textbook for philology students., Zh.V. Koloiz, N.M. Maliuha, N.M. Sharmanova. — Kryvyi Rih., KPI DVNZ “KNU”, 2014. - 349 p.
16. Baker P. A Glossary of Corpus Linguistics., P. Baker, A. Hardie, T. McEnery. - Edinburgh., Edinburgh University Press, 2006. - 187 p.
17. McEnery T. Corpus Linguistics. An Introduction., T. McEnery, A. Wilson. – Edinburgh., Edinburgh University Press, 2001. - 235 p.
18. Grudieva E.V. Corpus Linguistics., E.V. Grudieva. - Moscow., FLINTA, 2012. - 165 p.
19. Stepanov V.V. Modeling Frame Concepts on the Basis of a Parallel Proverb Corpus., V.V. Stepanov, S.O. Shvachko., Filolohichni Traktaty. - 2016., Volume 8., No. 1., pp. 69–78.
20. Friedrich Nietzsche's Aphorisms [electronic resource], Access mode : <http://best-aphorisms.ru/fridrih-nitsche/>.
21. Aphorisms of the Great [electronic resource], Access mode: <http://www.aphorisme.ru/by-authors/nitsche/?q=843>.
22. Means of Verbalizing the HUMAN LIFE Concept Frame Slots [electronic resource], Access mode: <https://drive.google.com/open?id=0B4bPc2s3vyCEQ2NsRXMzNV9aOHc>.

TRANSLATION ASPECTS OF QUANTITATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS

S. Baranova, PhD in Philology, Associate, Prof.
I. Kobiakova, PhD in Philology, Prof.
I. Polishchiuk, Student
Sumy State University, Ukraine

Conference participants,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

The article deals with the determination of the role of numerical expressions in human lives and, particularly, in the language system. The methods of translation of English quantitative idioms into the Ukrainian language (phraseological equivalents, phraseological analogies, the calque and descriptive method) are investigated. The use of a specific method of translating English phraseological units is determined and explained according to their structure, connotative, denotative and significant meanings, subjective evaluation connotations. The problems of the differentiation of the "hidden" phraseological units are also described. The representation of the numeral polysemy and its ability to be converted into different parts of speech is distinguished.

Keywords: numeral, quantitative, denotative, connotative, significant meaning, equivalent, analogy, calque.

В статье рассматриваются вопросы определения роли числовых обозначений в жизни человека, в том числе в системе языка. Исследуются методы перевода английских количественных фразеологических единиц на украинский язык (фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги, калька и описательный метод). Определено и объяснено использование конкретного метода перевода английских фразеологизмов в соответствии с их структурой, коннотативным, денотативным и сигнификативным значением, субъективно-оценочной коннотацией. В том числе описаны проблемы дифференциации «скрытых» фразеологизмов. Определена многозначность числа и его способность переходить в различные части речи.

Ключевые слова: имя числительное, количественный, денотативное, коннотативное, сигнификативное значение, эквивалент, аналог, калька.

Without the image of the quantitative definiteness of the reality neither knowledge, nor human practice, nor communication is possible. Galileo believed that Mathematics was the alphabet, with the help of which God drew the Universe. The quantitative determination of the world is influenced by the semantics of any language. In the most developed modern languages, including English, the means of expressing ideas of quantity permeate all the levels of language structure, phraseology as well. Everyone wants his speech to be rich, emotional and expressive. One of the main ways to achieve this is a reasonable use of different phraseological expressions, idioms, proverbs, sayings, colourful expressions.

The founder of the theory of phraseology is a Swiss linguist Charles Bally. Bally was the first who systematized the combination of the words in his books "Studies of the Stylistics" and "French Stylistics". Ch. Bally explored the sphere of linguistics and phraseology in the French language, however, his attempt to systematize and classify phraseological units led to the series of other studies in the phraseological sphere in other languages, including English [1, p. 5].

Even today this sphere is in the focus of many researches. So, in his book "The Course of the Modern English Phraseology", A.V. Kunin investigated a wide range of phraseological characteristics, methods of their studies, phraseological systemacy and presents classifications of idiomatic expressions according to their features [1, pp. 52, 70, 125]. V. Komissarov studied the methods of translating phraseological units [2, pp. 172-180].

With the development of civilization and intensive penetration of science into human lives the role of the numerals is constantly increasing, so the research is becoming increasingly relevant [3, p. 10]. The objective of the article is to consider the ways of translating English quantitative idioms and to explain the prevalence of one method over the other in the process of translation into Ukrainian. This objective implies the following tasks of the research: 1) to determine the role of numerals in human lives, especially in the language; 2) to identify the methods of translation of English idiomatic expressions into the Ukrainian language; 3) to reveal the problems of recognizing "hidden" idioms; 4) to distinguish the situations where numerals may be converted into other parts of speech. The object of the study is English quantitative phraseology units, and the subject of analysis is the methods and the problems of their translation into Ukrainian. The theoretical significance of the research is objectified by the recognition of the distinctive features of numerals in the idiomatic expressions, their dominant position in the paradigmatic relations. The practical significance of the problem is that the study results can be used in the academic process of studying English.

The methods of the research are the structural and typological method, the method of phraseological analysis, the method of phraseological identification, the method of phraseological descriptions. The science begins with the calculation. The calculation and the number are the objective characteristics of the reality. Having created a way of presenting quantity – numbers and figures – native speakers gave them a universal form, learned to formalize the results of the knowledge, to formulate the methods of learning. People gave life to the sciences, without which technological progress is impossible [3].

The quantitative relations are important in the language system as well. The essence of the linguistic phenomenon cannot be revealed if it is not expressed by quantitative relations, objective generalizations can be based only on the quantitative correlations [4].

The semantic modification of English numerals in terms of idiomatic context is manifested in their ability to change each other (*nine winks – forty winks – «сон уривками»*), to implement different quantitative filling (*Two Heads are better than one; four eyes see more than two*), to be used in the stylistic devices of antithesis, hyperbole (*thousand pardons; one to thousand*) [3].

In such idioms, the deviation from numeric certainty is observed. For example, in the idiomatic expression "to talk nineteen to the dozen" the numeral "nineteen" may be converted into "fourteen, fifteen, sixteen and eighteen" without losing its initial meaning "to talk without pause". We can observe such examples in the works of Priestley and Maugham: "One of these regular London chaps, he is, talks **fourteen** to the dozen [5, p. 134]. "They walked towards Marble Arch... talking **fifteen** to the dozen" [5, p. 245]. "Lawson was in great form. He talked **sixteen** to the dozen" [6, p. 119]. "He found Rose in the study ... talking **eighteen** to the dozen with half a dozen who were sitting on whatever there was to sit on" [6, p. 433]. The translation of idiomatic expressions is not only the interpretation of the denotative meaning, but also the preservation of connotative characteristics.

V.N. Komissarov tells about three correspondence types with figurative phraseological units of the originals.

1. Phraseological equivalents. In this case, a similar idiom that corresponds to all the parameters of the original idiomatic

expression is meant. However, there are two factors to be considered: phraseological equivalents are relatively few and when the same idiom is borrowed by two languages, its meaning may be changed in one of them, and these idioms may be “false friends of the translator” – similar in form but different in content” [2, p.172].

2. Phraseological analogies. This is an idiom with the same figurative meaning as the original, although based on a different form. Here the author also notes some limitations. Firstly, it is necessary to ascertain that emotional and stylistic meanings of the idiom are kept. Secondly, this method of translation is not suitable when the idiom that is to be translated has an explicit pronounced national character [2, p. 174].

3. The calque of the foreign language figurative unit. The author believes that the calque allows to keep the original imagery and makes it possible to overcome the difficulties that arise when the image in original is made to create an extended metaphor [2, p. 174].

Maryna Novikova adds the descriptive method to three above-mentioned methods of translation [7, p. 66]. This method of translation is used when the target language has no similar images, as in the source language, such as culture-specific elements, historical events, etc.

S.I. Vlahov and S.P. Florin give such a definition to a phraseological equivalent: this is an idiom, that is equivalent with all the indicators of the unit under translation. As a rule, regardless of context, it must have the same denotative and connotative meanings [8, p. 191]. For example, the English quantitative idiomatic expression “*sixth sense*” has an absolute equivalent in Ukrainian «*шосте відчуття*». Both in English and Ukrainian languages this concept means the colloquial designation of any sense of a human or an animal, in addition to five “major” ones: sight, hearing, smell, touch and taste. Idioms have the same component composition, structural and grammatical organization as belonging to the group substantival phraseological units and have the structure *adj + n*. An idiom “*at one sitting*” has an absolute equivalent in Ukrainian as well – «*за одним присідом*». They have the same connotative meaning, grammatical and structural organization. The following phraseological units also have absolute equivalents: “*one for all, and all for one*” – «*один за всіх і всі за одного*», “*one on one*” – «*один на один*», “*play first fiddle*” – «*грати першу скрипку*», “*third sex*” – «*третья стать*», “*fourth dimension*” – «*четвертий вимір*».

Some idioms are translated with the help of partial (relative) equivalence. According to E.F. Arsenteyeva, such idiomatic expressions are characterized by the minor differences in terms of phraseological expression of the identical semantics that can have a componental or morphological character [9, p. 100]. For example, minor differences in the structure of source and target idioms can be observed. For example, “*Seven Wonders of the World*” has Ukrainian equivalent – «*сім чудес світу*», but the English idiom has the structure – *num + n + prep + article + n*, while Ukrainian – *num + n + n*. Partial equivalences can also be represented with such phraseological units as “*make the first move*” – «*зробити перший крок*», “*two sides of the same coin*” – «*дві сторони медалі*», “*serve two masters*” – «*слуга двох панів*», “*eighth wonder of the world*” – «*восьме чудо світу*». As for the phraseological analogies, they mean indivisible units of the language which are close in meaning to the units of the source language and are functioning in an analogous situation [10, p. 98].

A. A.S. Aldaibani states in his study that absolute phraseological analogies, in spite of their convergence of denotative and significative macrocomponent of the meaning and subjective evaluation connotations, may have differences not only in the component composition and structural and grammatical organization, but in a figurative basis, functional and stylistic belonging, emotive connotation semes [11, p. 100].

For example, the English quantitative idiom “*wear two hats*” and the Ukrainian analogy «*грати іншу роль*» have the same meaning – “*to dissemble, to pretend*”, both of them have also the same structure. An idiom “*when two Sundays come together*” has several Ukrainian analogies: «*як мені на долоні волосся поросте*», «*як (коли) рак свисне*», «*(це буде тоді) як у курки зуби виростуть*». All these phraseological units have the same meaning – “*never*” and have the same emotional connotation.

Let us consider the English idiom “*Nightmare and her nine-fold*”. “*Nightmare*” has its translation «*кошмар*», but in this case the pronoun “*her*” points to the signs of an animate creature. In this case, we find the analogy – a mythical evil creature – «*Мара та її дев’ять сестер*». Here are a few more examples of the analogies of English quantitative phraseological units: “*kill two birds with one stone*” – «*вбити двох зайців*», “*between two days*” – «*вночі*», “*be not worth sixpence*” – «*гроша ламаного не вартий*», “*six feet under*” – «*спочивати в землі*», “*rain at seven, fine at eleven*” – «*сім п’ятниці на тиждні*», “*dressed (up) to the nines*” – «*вирядитися в пух і прах*», “*talk nineteen to the dozen*” – «*тріцяти як кулемет*».

The calque or literal (word-for-word) translation is usually emphasized in the cases where phraseological units are conveyed with the help of other methods of translation, including phraseological one, but thus cannot be interpreted without losing their semantic and stylistic, expressive and emotional meanings, but it is advisable to “convey” the figurative basis to the reader. The calque is possible only when the literal translation can communicate to the reader the true meaning of the whole phraseological unit (not the meaning of its constituents) [10, p. 112].

Let us consider the translation of the quantitative idiomatic expressions into Ukrainian with the help of using calque: “*rose between two thorns*” – «*тройнда серед шипів*», “*fifteen minutes of fame*” – «*п’ятнадцять хвилин слави*», “*Hungry Thirties*” – «*Голодні тридцяті*».

The descriptive translation of the phraseological units is used, in fact, not as the translation of the idiom as it is, but as its interpretation, since it often happens with all the units that have no equivalents in the target language. There may be the explanations, comparisons, descriptions, interpretations – all the methods that convey phraseological units in the clearest and briefest possible form, with the same constant desire to create an idiom [10, p.112]. For example: “*blues and twos*” «*спеціальна автомашина; спецмашина (поліцейська, пожежна тощо) з сиреною і мигалкою*», “*bad second*” – «*прийти другим до фінішу зі значним відставанням від лідера*», “*Double-Oh-Seven*” – «*Джеймс Бонд, агент 007*», “*cloud nine*” – «*сілія для ванни (з галлюциногенним ефектом)*», “*cat on nine tails*” – «*кішка-дев’ятихвістка (батіг з дев’яти ременів)*», “*elevenses*” – «*легка їжа; “перекус” о 11 годині ранку*». To translate an English idiom, it is not enough to know the methods of their translation. The deep background knowledge of the interpreter is of the particular importance.

Thus, there may be also “hidden” idiomatic expressions in the English language. There are many expressions among the phraseological units that are identical in their composition with free combination of the words. If the context has a limited content or there is no explicit signal to that, the expression must be understood allegorically, the probability of translation errors increases dramatically [7, p. 68]. For example, an internal content of the next phrase is clearly insufficient to easily recognize an idiom in it: “*The same old sixpence, he said to himself in glee; the same old sixpence!*” [12, p. 37]. The fact that the person tells not about “*the same old sixpence*” but about another person that “*has not changed at all*” can be understood only by knowing the idiom “*the same old sixpence*”. It is also important to know that the numerals may be converted into another part of speech. For example, in the sentence “*It’s all good if I eighty-six Todd*” [13, p. 98]. It is important to note that the numeral is converted into a verb that means “*to get rid of somebody*”. Nowadays the code “404” means that the server cannot find information in the Internet in accordance with the request. But this numeral can be another part of speech and have different meanings. For example, in the sentence “*I would not ask him, he’s a 404*” [14, p. 118]. Number “404” is a noun which is translated as “*a mentally disabled person*”. In the sentence “*My car keys are 404*” number “404” does not indicate the number of keys but that the keys were “*lost*”. In this case the number “404” is an adjective.

As a result of the analysis of the actual material, we have concluded that in the translation of the quantitative phraseological units there are much more analogy in English and Ukrainian languages than absolute or partial equivalents. Since the Ukrainian language

belongs to synthetic languages and English – to analytic ones, there are differences in the grammatical organization of some idiomatic expressions. The difference in national characteristics leads to the different images, with the help of idioms that were created, therefore the component composition of the phraseological unit is being changed. Among the quantitative idiomatic expressions quite a lot of analogies with similar significant, denotative and connotative components of meaning, similar grammatical structure and different or partially similar (have at least one common lexeme) component composition are observed [15, p. 21].

During the study we were trying to identify common and differential features of the phraseological units under translation. Significant and denotative components of the meaning and the subjective evaluation connotation can be attributed to the common features, the difference in the component composition, structural and grammatical organization – to the differential features.

We also represented the problems that arise during translation of the idioms. One of them is the problem of the differentiation of the “hidden” phraseological units. We also found out that the numeral in the quantitative idiomatic expressions could become different parts of speech due to conversion and have different meanings.

Thus, we can conclude that the translator while interpreting phraseological units from English into Ukrainian should, firstly, identify correctly the idiom in the text and select the phraseological units, corresponding to each other in style. Despite the fact that the translator is faced with certain problems of translating phraseological units, he shouldn't confine himself to find only the lexical or semantic equivalent of idiomatic expression. It is also important to consider the text-forming capabilities of idioms and their connotative aspects.

References:

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка., А. В. Кунин. – М., Высшая школа, 1990. – 380 с.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение., В.Н. Комиссаров. – М., ЭТС, 2004. – 424 с.
3. Shvachko S., Kobyakova I. Teaching Translation: Objective and Methods., I. Kobyakova, S. Shvachko., Advanced Education. – No. 5. – Kyiv., Kyiv Polytechnic Institute, 2016., pp. 9-13.
4. Баранова С.В. «Філософія» кількісно-якісних відношень., С.В. Баранова., HYPERLINK "http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=JUJ_al1&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=IJ=&S21COLORTERMS=1&S21STR=%D0%96100384" "Періодичне видання"Філологічні трактати. – 2012. – Т. 4, No. 2., С. 5–10
5. HYPERLINK "http://www.goodreads.com/author/show/87149.J_B_Priestley" Priestley J.B. They Walk in The City., Priestley J.B. - Greenwood Press, – 1972. – 392 p.
6. HYPERLINK "https://www.google.com.ua/search?hl=ru&tbo=p&tbm=bks&q=inauthor:%22William+Somerset+Maugham%22"Maugham W.S. Of Human Bondage., Maugham HYPERLINK "https://www.google.com.ua/search?hl=ru&tbo=p&tbm=bks&q=inauthor:%22William+Somerset+Maugham%22"William Somerset. – Continental Book Company. - 1943. – 648 p.
7. Новикова М.Г. Мера смысла, актуальное членение и адекватность перевода: монография., М.Г. Новикова. – М.. ФЛИНТА: Наука, 2012. – 208 с.
8. Влахов С.И. Непереводимое в переводе., С.И. Влахов. – М., «Р. Валент», 2009. – 360 с.
9. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц., Е.Ф. Арсентьева. – Казань., Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 126 с.
10. Филология и лингвистика в современном обществе: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.), Редкол. М.Н. Ахметова, Ю.В. Иванова, К.С. Лактионов и др. – М., Буки-Веди, 2012. – 130 с.
11. Алдаибани А.А. Фразеологические единицы, выражающие интеллектуальные способности человека, в английском и русском языках.: дис. канд. фил. наук. Казань, 2003. – 199с.
12. Muir W. Imagined Selves., Willa Muir. – Canongate UK; Main edition, 2010. – 300 p.
13. Farrell S.Z. Bullfrog A Comic-Novella/ Samuel Zane Farrel. – Pronoun, 2016. – 166p.
14. Timofeeva O. Words in Dictionaries and History: Essays in Honour of R.W. McConchie., Olga Timofeeva, Tanja Säily. – John Benjamins Publishing, 2011. – 292 p.
15. Baranova S. Structural Patterns of Phraseological Units to Denote Personal Character., I. Kobyakova, S. Baranova, V. Matuzka., Theoretical and practical problems of language tools transformation in the context of the accelerated development of public relations. - London: IASHE, 2016., pp. 20-22. Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/89825>

UDC 372.881.111.1+37(026.8+015.31)

FORMATION OF THE PUPILS' LINGUISTIC COMPETENCES BY MEANS OF PSYCHOLOGICAL APPERCEPTION AND REFLECTION

O. Sierostanova, Specialist of the Highest Category, Teacher-Methodist

The Communal Establishment “Specialized school in Foreign Languages of the 1st stage – collegium 16” of the Kamyanske Town Council, Ukraine

D. Ozerniy, Member of the Minor Academy of Sciences of Ukraine, Member of the International Association of Engineers The Minor Academy of Sciences of Ukraine, the International Association of Engineers (PRC), Ukraine

Conference participants

In this article, some new didactical means for the formation of the students' linguistic competences on their apperception – reflection stage are proposed; the connection between linguistic competences and apperception – reflection processes is defined; certain psychological tests are analyzed; advisability of the usage of the results is proved.

Keywords: *linguistic competences, apperception, reflection, didactical means, didactical methods, psychological testing.*

Nowadays, the problem of formation of knowledge, theoretical and practical skills as well as competences and competencies in students has become extremely urgent in Ukraine. Some kinds of philological competences are scientifically distinguished, they are: language competences (speaking, listening, writing and reading) and linguistic (grammar, lexical and phonetical). Consequently, a new problem of didactics, in particular, didactics of philological sciences is to find such didactical means which could form or develop necessary competences in students. According to the research of pedagogical psychology, formation of the steady practical skills as a result of implementation of theoretical skills is possible through profound and strong link of the academic material with

previous experience and acquired knowledge of the recipient (apperceptional mass). Taking into account the students' age features it is common knowledge that young people are interested in psychological sciences for understanding themselves and development of their outlook, realizing their feelings and the like.

Thus, **the goal** of the work was determined: to define the connection between the formation of linguistic competences in students and processes of apperception and reflection, as well as to develop modern didactical means using such interconnection. Considering the goal of the work, during the period of 2014 – 2017 we predicted that psychological testing, in particular, the tests by Budassy, Eysenck, Bartoli may be efficient didactical means to form students' linguistic competences. Later on, the hypothesis of the work was defined.

The hypothesis of the work: some psychological tests in English make it possible to form the students' linguistic competences on their apperception – reflection stage.

The object of the work: linguistic competences.

The subject of the work: formation of the students' linguistic competences.

The main body. Let us consider each of the used tests separately for a detailed analysis and formation of the sufficient database in order to formulate the conclusion.

1. The test by Budassy.

Having studied the lexical material on the topic "Features of the Human Character" it is really reasonable to carry out the test for determining the personal self-esteem by the Czech psychologist Budassy.

The students' reflection: the students will consider the personal traits of their role models, analyze which of them are characteristic of themselves and which are not and as a result they will find out if their self-esteem is too low, adequate or too high and will be able to correct it.

The didactical goal: to train the usage of the adjectives describing a person's character, their phonetic, grammatical and lexical peculiarities (*linguistic competence*); to conduct mini-discussions on some controversial topics in order to encourage the students to express their own opinions; to develop the students' linguistic guess and desire to understand the lexical material deeper; to maintain their ability to work together, interacting, agreeing and arguing with each other (*developing main competencies of studying and bringing up processes*).

2. The test by Eysenck.

It is worth carrying out the test for determining the type of temperament by the American psychologist Eysenck.

The students' reflection: having conducted some preparatory work at studying or revising the necessary lexical material, the teacher can carry out this research giving the students the opportunity to consider their feelings, difficulties, attitude to life.

The didactical goal: to introduce the lexical material necessary for defining the type of temperament: word combinations and separate words (*development of lexical linguistic competence*); to teach the students to understand them in sentences and in texts and to use them in their own oral and written speech (*forming necessary skills of linguistic competence*); to develop the linguistic guess and ability to explain the meaning of a lexical unit by means of other words, without any translation into the mother tongue; to bring up the students' interest to their own and other people's psychological state and desire to explain and try to improve it (*developing main competencies of studying and bringing up processes*).

It is also worth mentioning some essential didactical peculiarities: the possibility to conduct a discussion, to talk about the qualities characteristic of different temperament types and ways of their coexistence as a means of additional expression of the students' reflection, to monitor the state of their apperception and finally development of the necessary competences.

3. The test by Bartoli.

The didactical background for conducting this test is based on the scientifically proved unsurpassable importance of the theme of friendship and related to it for teenagers and adolescents.

The students' reflection: analysis of the qualities of the "ideal friend", conclusions in the shape of defining essential traits for "friendship", conclusions as to the adequate measure of the partners' own interests in friendship.

The didactical goal: to sum up the material about temperaments and to conduct the discussion of some issues of friendship (developing or forming linguistic competences), to teach the students to be true friends to others and to themselves; to develop the ability to express their own opinions in both oral and written form; to encourage their interest to psychological aspects of human life (*developing main competencies of studying and bringing up processes*).

Thus, we have proved advisability of the usage of the above-mentioned testing as a new efficient didactical means.

It is also important to emphasize the mandatory duality of the complex of the used methods of learning: the authors recommend usage, along with proposed didactical means, the following teaching methods: all the informational-presentational, subjective-group and group algorithmical-action, all independent-research (after Kozakov); binary informational/executive, explanatory/reproductive, instructional-practical/productive-practical and encouraging-researching as stimulators of reflection (after Makhmutov); verbal (narrative, explanation, heuristic-reproductive conversation, initial-current instructions), visual (illustration, demonstration), practical (creative, practical, oral, preparatory exercises) (after Petrovsky/Golant); explanatory-illustrative, reproductive, problematic teaching, partially-researching, correlating them with the level of mental activity and the necessary level of knowledge (after Lerner/Skatkin), and formation of interest to learning as stimulating and motivation, audiovisual and practical as perceptual, as well as gnostic and those of independent control over the learning activity as methods of organizing and conducting educational actions and operations (after Babansky).

Conclusion. The goal has been achieved (the interconnection between formation of linguistic competences in students and the processes of apperception-reflection has been determined; didactical methods using such an interconnection has been found) and the hypothesis has been proved (psychological testing really makes it possible to form students' linguistic competences at the apperception-reflection stage). Further research of this problem appears to be advisable taking into account practical necessity of its solution.

УДК 82.09:821.161.1

СНЕЖНЫЙ ПЕЙЗАЖ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Пыхтина Ю.Г., д-р филол. наук, доцент
Оренбургский государственный университет, Россия

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

В статье на материале произведений А. Чехова, И. Бунина, А. Куприна, Б. Зайцева, М. Горького, А. Ремизова, Г. Газданова и др. рассматривается один из наиболее продуктивных видов природных описаний в русской литературе – зимний снежный

пейзаж, определяется его семантика и функции. Детально анализируется новелла К. Паустовского «Снег», в которой наиболее ярко проявляются общие закономерности в изображении зимней природы в русской литературной традиции.

Ключевые слова: пространство, снежный пейзаж, функционально-семантический анализ, художественная проза

The article on the works by A. Chekhov, I. Bunin, A. Kuprin, B. Zaitsev, M. Gorky, A. Remizov, G. Gazdanova etc. considers one of the most productive types of natural description in the Russian literature – winter snowy landscape and defines its semantics and functions. The article analyzes the short story by K. Paustovsky «Snow», which most clearly manifests the common regularities in the image of winter picture in the Russian literary tradition.

Keywords: space, snowy landscape, functional-semantic analysis, fiction

Рассматривая виды, структуру, специфику и функции хронотопа в произведениях русских классиков и современных авторов, устанавливая взаимосвязи пространство- и времяпредставления с воссоздаваемой эпохой, творческим методом, родом и жанром, мы в ряде своих статей, опубликованных в проектах МАНВО, акцентировали внимание на ключевых пространственных элементах русской национальной картины мира, связывая географический фактор с фактором ментальным [3, 4]. В данной статье мы продолжаем исследование национальных пространственных образов на примере одного из наиболее продуктивных видов природных описаний в русской литературе – зимнего снежного пейзажа.

В отечественном литературоведении широко известна работа М.Н. Эпштейна «Природа, мир, тайник вселенной...» (1990) [5], в которой представлена классификация пейзажных образов в русской поэзии. Ученый выделял и описал идеальный, бурный и унылый пейзажи как виды национального пейзажа и экзотический пейзаж, представленный в русской поэзии поэтическими картинами Азии и Африки, а также Крыма и Кавказа. Помимо названных реальных (физически наблюдаемых) состояний природы автор проанализировал воображаемые пейзажи: таинственный и страшный; пустынный; космический, фантастический, потусторонний (загробный), inferнальный (адский), а в «Частотно-тематическом указателе пейзажных образов», помещенном в конце книги, среди названных ранее указал также временные пейзажи, атмосферные и небесные пейзажи, образы природных стихий, ландшафтные и растительные пейзажи, образы животного мира, пейзажи страны и местности и др. [там же, с. 289-298].

Необходимо отметить, что те виды национальных пейзажных образов, которые часто встречаются в русской поэзии, безусловно, имеют место и в прозаических произведениях разных жанров. Так, одним из наиболее устойчивых образов в русской литературе является зимний пейзаж с обязательным атрибутом – снегом. Слово «снег» в контексте русской национальной традиции окружено целым ореолом всевозможных ассоциаций – исторических, литературных, эмоциональных. «С-не-г» – важнейшее на Руси слово» [1, с. 188], – писал Г. Гачев. Не случайно этот образ опозитивирован и в фольклоре (Бел снег на черну землю – и то к лицу!), «Снег земле-кормилице – теплый кожух», «Красна весна цветами, лето – снопами, осень – пирогами, а зима – снегами» и т.п.), и в литературе (вспомним хотя бы пушкинские строчки: «Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит» [А.С. Пушкин. Зимнее утро (1829)]).

В сознании носителей русского языка слово «снег» имеет ряд ассоциативных значений – снег белый, чистый, непорочный, свежий, мягкий, нежный: Только что снег выпал, земля словно в пасхальную ризу одета... чистота, сияние и кроткая тишина вокруг. [Максим Горький. Мещане (1901)]; «<...> думаю я и заглядываю в окна. О, какой белый, чистый снег!» [И.А. Бунин. Новая дорога (1901)]; «Мне показалось, что даже и снег валит в тот день какой-то совсем особенный – так поразил он меня своей белизной и свежестью...» [И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность (1927-1933)]; «На город густо валит дремотными хлопьями тот великостный снег, что всегда обманывает своей нежной, особенно белой белизной, будто уж совсем близка весна. [И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность (1927-1933)].

Собственно семантический компонент значения сливается в произведениях русских писателей с компонентом эмоциональным – снег вызывает не только приятные зрительные и осязательные ощущения: «Когда идет первый снег, в первый день езды на санях, приятно видеть белую землю, белые крыши, дышится мягко, славно, и в это время вспоминаются юные годы». [А.П. Чехов. Дама с собачкой (1899)], но и обонятельные: «В воздухе пахло снегом, под ногами мягко хрустел снег, земля, крыши, деревья, скамьи на бульвара – всё было мягко, бело, молодо, и от этого дома выглядывали иначе, чем вчера, фонари горели ярче, воздух был прозрачней, экипажи стучали глуше, и в душу вместе со свежим, легким морозным воздухом просилось чувство, похожее на белый, молодой, пушистый снег». [А.П. Чехов. Припадок (1889)]; «Какие <...> мощные чащи стоят вокруг, тихо задремывая в эту теплую январскую ночь, полную нежного и чистого запаха молодого снега и зеленой хвои!» [И.А. Бунин. Новая дорога (1901)]; «Но запах снега так вкусен, мороз так весел, быстрое движение так упорно гонит горячую кровь по всему телу...» [А.И. Куприн. Юнкера (1932)], и даже вкусовые: «Снег мягко скрипел под ногой, падали белые его хлопья, медленно и беззвучно: что-то вкусное, свежее и острое несли они с собой и, оседая на ветвях деревьев, шапочках барышень, усах мужчин, давали белое оперение, называемое зимой. [Б.К. Зайцев. Голубая звезда (1918)]; «Надо бы от глаз к губам перепрыгивать смешливой радости, какую дает первый пушистый снег, чистый, вкусный, деловитый и ласковый». [М.А. Осоргин. Сивцев Вражек (1928)].

Однако в русской литературной традиции особенно ощутимо символическое значение словообраза «снег», связываемого с детством, родным домом, родиной, Россией. Особенно примечательна в этом отношении эмигрантская проза, в которой снег всегда описывается с ностальгическим чувством: Нет, это луна, как снег, а снегу тут нет, снег там в России. [А.М. Ремизов. Кукла. Розановы письма (1923)]; «И в этой темноте – а он ни разу не открыл глаз – сквозь их музыкальный туман, до него доносился низкий голос Кати, певший о сожалении и расставании и о потерянных возможностях счастья, – и опять Россия, почти неведомая и далекая Россия, и все тот же снег, и ямщики, и бубенчики». [Гайто Газданов. Ночные дороги (1939)].

Национальную окраску и необычайно богатую палитру значений, по нашим наблюдениям, имеет образ снега в творчестве замечательного мастера лирического пейзажа К. Паустовского. Являясь важной составной частью художественной концепции писателя, этот образ связывается с поэтическим миром детства, дорогими воспоминаниями, с милыми сердцу пейзажами средней полосы России, где деревья зимой засыпаны «цветами мокрого снега»... Удивительно живописен зимний пейзаж в рассказе «Прощание с летом», тонко передающий настроение героя, его восторг от первого снега: «Я открыл глаза. Белый и ровный свет наполнял комнату. Я встал и подошел к окну – за стеклами все было снежно и безмолвно. <...> Через окно я увидел, как большая серая птица села на ветку клена в саду. Ветка закачалась, с нее посыпался снег. Птица медленно поднялась и улетела, а снег все сыпался, как стеклянный дождь, падающий с елки. Потом снова все стихло. Проснулся Рувим. Он долго смотрел за окно, вздохнул и сказал: – Первый снег очень к лицу земле. Земля была нарядная, похожая на застенчивую невесту. А утром все хрустело вокруг: подмерзшие дороги, листья на крыльце, черные стебли крапивы, торчащие из-под снега» [2, т. 6, с. 261].

В повести «Орест Кипренский» снегопад пробуждает патриотические чувства героя: «Кипренский очнулся, поднял голову и остановился. То, что он увидел вокруг, было больше похоже на торжественный сон, чем на петербургское утро. Ночь

не хотела уходить из столицы. Она лежала пластами тяжелого сизого воздуха у подножия зданий и в глубине садов. <...> Летел густой, медленный снег. При ясности неба это казалось непонятным. Чудилось, что снег зарождается в чистом воздухе между землей и небесным сводом. Кипренский долго смотрел на торжественное падение снега среди немоты и безлюдья петербургских площадей. Снег осторожно ложился на чугунные перила мостов, на меховой ворот шинели и спины снующих извозчиков. Столица покрывалась белым блеском. Далекие куранты пробили семь. Вокруг был разлит запах лесов, подступающих к Петербургу с севера и востока. «Как я счастлив, что родился в России», – подумал Кипренский» [там же, т. 3, с. 505-506].

Тревожные ноты звучат в повести «Романтики», в которой возникает драматический образ «России в снегах», России тяжелых военных лет, и мрачный колорит книги, рассказывающей о жизни русской интеллигенции эпохи предреволюционного десятилетия, становится господствующим. В ряде произведений писателя из сборника «Повести о жизни» образ снега, олицетворяющий ненастье, суровые жизненные испытания, становится ключевым.

Даже интимные чувства К. Паустовский сравнивает со снегом: «Не будем говорить о любви, – писал он в рассказе «Ручьи, где плещется форель», – потому что мы до сих пор не знаем, что это такое. Может быть это густой снег, падающий всю ночь...» [там же, т. 6, с. 243].

Подробнее остановимся на анализе лирической новеллы «Снег», относящейся к числу тех произведений, постичь которые можно только проникнув в глубинный смысл ключевых образов. Один из них вынесен в название новеллы. В этом произведении нет ни ослепительной праздничности, ни динамически-захватывающего сюжета с вихрем страстей и событий. Главное для писателя – не интрига, а настроение. Для него важно раскрыть тончайшие нюансы душевного состояния героев, живущих в ожидании любви и предчувствии счастья, нарисовать в красках удивительно родной российский пейзаж.

Первая зарисовка зимнего пейзажа дана через восприятие главной героини рассказа Татьяны Петровны, эвакуированной вместе с дочерью из Москвы во время Великой Отечественной войны в небольшой «пустынный городок». Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть к «маленькому дому, стоявшему на горе, над северной рекой, на самом выезде из городка», <...> «к скрипучим калиткам, к глухим вечерам...». Особенно трудно ей пришлось, когда спустя месяц после ее приезда умер хозяин дома, старик Потапов.

Состояние одиночества, заброшенности, сиротливости, которое испытывает героиня рассказа, передает следующий фрагмент: «Снега тускло светили в окна. На диване всхрапывал серый кот Архип, оставшийся в наследство от Потапова. Татьяна Петровна накинула халат, пошла в кабинет к Потапову, постояла у окна. С дерева беззвучно сорвалась птица, стряхнула снег. Он долго сыпал белой пылью, запорошил стекла» [там же, с. 297].

Фраза «снега тускло светили в окна» сразу же обращает на себя внимание формой множественного числа слова «снег», которая встречается в произведениях русской классики в значении «покрытые снежным покровом огромные пространства». Татьяна Петровна не просто видит снег, она чувствует холодность военной зимы, по-своему переживает трагедию родины.

В следующем фрагменте снег, на первый взгляд, обычная деталь пейзажа: ««Я часто вспоминаю тебя, папа, – читала дальше Татьяна Петровна, – и наш дом, и наш городок. Все это страшно далеко, как будто на краю света. Я закрываю глаза и тогда вижу: вот я отворяю калитку, вхожу в сад. Зима, снег, но дорожка к старой беседке над обрывом расчищена, а кусты сирени все в инее. В комнатах трещат печи. Пахнет березовым дымом. Рояль, наконец, настроен, и ты вставил в подсвечники витые желтые свечи – те, что я привез из Ленинграда. И те же ноты лежат на рояле: увертюра к «Пиковой даме» и романс «Для берегов отчизны дальней». Звонит ли колокольчик у дверей? Я так и не успел его починить. Неужели я все это увижу опять? Неужели опять буду умываться с дороги нашей колодезной водой из кувшина? Помнишь? Эх, если бы ты знал, как я полюбил все это отсюда, издали! Ты не удивляйся, но я говорю тебе совершенно серьезно: я вспоминал об этом в самые страшные минуты боя. Я знал, что защищаю не только всю страну, но и вот этот ее маленький и самый милый для меня уголок – и тебя, и наш сад, и вихрастых наших мальчишек, и березовые рожи за рекой, и даже кота Архипа. Пожалуйста, не смейся и не качай головой» [там же, с. 297].

Однако для сына старика Потапова, который еще не знает о смерти своего отца и пишет ему из госпиталя, самые дорогие воспоминания о родном доме связаны с кусочком этого зимнего пейзажа. Неприятательная русская природа становится символом Родины, которую он защищает.

Обратим внимание на то, как меняется пейзаж до и после чтения главной героиней письма Потапова: «Татьяна Петровна долго сидела у стола, смотрела широко открытыми глазами за окно, где в густой синеве начинался рассвет, думала, что вот со дня на день может приехать с фронта в этот дом незнакомый человек и ему будет тяжело встретить здесь чужих людей и увидеть все совсем не таким, каким он хотел бы увидеть» [там же, с. 298]. Рассвет здесь не только начало нового дня, но и начало новой жизни. У Татьяны Петровны появляется надежда, предчувствие счастья, и тусклые краски начинают постепенно проясняться, светлеть.

Следующая пейзажная зарисовка дана глазами Потапова, который приехав на побывку в родной городок после госпиталя, узнал от начальника станции о смерти отца и о том, что в его доме живут чужие люди: «Потапов прошел через город, к реке. Над ней висело сизое небо. Между небом и землей наискось летел редкий снежок. <...> Потапов подошел к дому в сумерки. Он осторожно открыл калитку, но все же она скрипнула. Сад как бы вздрогнул. С веток сорвался снег, зашуршал. Потапов оглянулся. К беседке вела расчищенная в снегу дорожка. Потапов прошел в беседку, положил руки на старенькие перила. Вдали, за лесом, мутно розовело небо – должно быть, за облаками подымалась луна. <...> Потапов облокотился о перила, тихо сказал: – Как же это так?» [там же, с. 299].

Потапову, который находится в подавленном состоянии, сад кажется мутным, а сизое небо, повисшее над головой, передает гнетущее ощущение тяжести, горя, обрушившегося на этого человека.

Мрачная картина неожиданно оживляется словом «снежок». Контраст создает уменьшительно-ласкательная форма, звучащая диссонансом в контексте. Редкий снежок олицетворяет для Потапова нечто милое, родное. Значит, несмотря на боль утраты, Николай Потапов рад встрече с тем «клочком земли», о котором вспоминал в самые страшные минуты боя. Заснеженный сад, вздрогнув, словно живое существо, тоже приветствует его. И первое, что видит удивленный герой, – это расчищенная в снегу дорожка к беседке.

Эпизод встречи героев – кульминация новеллы: «Кто-то осторожно тронул Потапова за плечо. Он оглянулся. Позади него стояла молодая женщина с бледным строгим лицом, в накинутом на голову теплом платке. Она молча смотрела на Потапова темными внимательными глазами. На ее ресницах и щеках таял снег, осыпавшийся, должно быть, с веток. – Наденьте фуражку, – тихо сказала женщина, – вы простудитесь. И пойдете в дом. Не надо здесь стоять. Потапов молчал. Женщина взяла его за рукав и повела по расчищенной дорожке. Около крыльца Потапов остановился. Судорога сжала ему горло, он не мог вдохнуть. Женщина так же тихо сказала: – Это ничего. И вы, пожалуйста, меня не

стесняйтесь. Сейчас это пройдет. Она постучала ногами, чтобы сбить снег с ботишков. Тотчас в снях отозвался, зазвенел колокольчик. Потапов глубоко вздохнул, перевел дыхание» [там же, 300].

В этом фрагменте особую роль играет подтекст. Фраза – «*На ее ресницах и щеках таял снег, осыпавшийся, должно быть, с веток»* [там же] (ср. «таял снег» и «сердце оттаяло») – становится ключевой, показывая душевное преобразование Потапова, ожидавшего встретить здесь чужих, равнодушных людей, но приятно обманувшегося. Татьяне Петровне удалось устранить остатки холодности, недоверия, замкнутости и добиться, чтобы Потапов почувствовал тепло родного дома. Таким образом, эстетический смысл этого отрывка вызывает представление о доброте, душевной чуткости героини.

Последняя пейзажная картинка – «*После чая Татьяна Петровна провела Потапова на могилу отца, за роуцу. Туманная луна поднялась уже высоко. В ее свете слабо светились березы, бросали на снег легкие тени»* [там же, с. 301] – вызывает настроение торжественности, светлой печали. Глагол «светиться», обозначая в традиционной русской символике нечто возвышенное, чистое, воспринимается в данном контексте как проявление духовной, нравственной чистоты героини, а легкие тени от берез на снегу выражают надежду, предчувствие близких приятных перемен.

Акцентированное использование К. Паустовским снежных пейзажей в новелле говорит об их особой значимости. Все краски в них приглушены: снег не блестит, не сверкает, не переливается на солнце. Перед нами прошли печальные картины, вызывающие светлую грусть. Но снег здесь не просто лирическая декоративно-орнаментальная деталь пейзажа, создающая определенное настроение. В художественном контексте новеллы он вырастает до романтического образа-символа, раскрывающего глубинную суть произведения. Снег воспринимается как символ родного дома, дома в исконном его значении, с которым связано ощущение тепла, радужия, гостеприимства.

Образ заснеженного сада, появляющийся в финале произведения, вызывая тургеневско-чеховско-бунинские ассоциации, отражает специфические черты русской культуры и помогает ярче высветить основную идею, которая владела писателем.

На наш взгляд, предложенный аспект анализа природных описаний дополняет уже разработанные в литературоведении подходы к пространственному анализу, помогает разобраться в глубинных слоях художественного текста и приблизится к пониманию не только индивидуально-авторской концепции пейзажа, но и национальной пространственной картины мира в целом.

Литература:

1. Гачев, Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира., Г.Д. Гачев. – М.: Академический проект, 2007. – 511 с.
2. Паустовский, К. Г. Собрание сочинений: в 9 т., Константин Георгиевич Паустовский [примеч. Л. Левицкого]. – М., Худож лит., 1981-1986.
3. Пыхтина, Ю.Г. Степь как национальный пространственный образ в русской литературе (на материале оренбургской поэзии)., GISAP: Philological Sciences. No. 3 Liberal. – 2015. pp. 55-58.
4. Пыхтина, Ю.Г. Географическое пространство в художественном тексте: национальный и региональный аспекты., Материалы СXXXII Международной научно-практической конференции «Тенденции развития языковых культур через призму соотношения их коммуникативных функций и культурно-исторического значения. 10-15 ноября 2016. – Лондон: IASHE, 2016., С. 21-24.
5. Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной»: Система пейзажных образов в русской поэзии., М.Н. Эпштейн. – М., Высш. школа, 1990. – 302 с.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МИРОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

Аязбекова С.Ш., д-р филос., проф., чл.-кор. МАНВО, чл.-кор. РАЕ
Казахстанский филиал Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Казахстан

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Доклад посвящен вопросам взаимодействия невербальных и языковых факторов в становлении и развитии мировых культурных универсалий (далее – МКУ). Рассматриваются вопросы происхождения человечества, пракультуры и праязыка, роли антропологического единства и единого способа бытия в формировании МКУ. Развитие МКУ анализируется в контексте миграций, ДНК-модификаций, межкультурных взаимодействий, возникновения языковых семей и языковых контактов, универсальных видов и языковых средств вербальных и невербальных искусств. В результате обосновывается вывод о взаимодействии в период постиндустриальной мировой цивилизации МКУ с космологическими, континентальными, локально-цивилизационными, этническими, социально-групповыми и индивидуальными культурными универсалиями.

Ключевые слова: культурные универсалии, праязык, пракультура, ДНК-модификации, межкультурные и языковые взаимодействия, вербальные и невербальные виды искусства.

The article focuses on inter-relation of verbal and non-verbal factors in the creation and development of the world's cultural universals. It brings to the fore the questions of the origin of humankind, development of proto-culture and proto-language, the role of anthropological unity in the formation of the world's cultural universals. The author analyses development of the world's cultural universals in the context of: 1) migrations, 2) modifications of the DNA, 3) inter-cultural relations, 4) emergence of language families and language contacts, 5) universal types and 6) linguistic means of verbal and non-verbal arts. The article investigates the inter-relation of the world's cultural universals with cosmological, continental, local-civilisational, ethnical, social and individual cultural universals in the period of post-industrial civilisation.

Keywords: cultural universals, proto-language, proto-culture, the DNA modifications, inter-cultural and linguistic inter-relations, verbal and non-verbal types of art.

Кто мы и откуда? Кто наши предки? Как и где возникло человечество? Где искать истоки языка и культуры? Эти и многие другие вопросы всегда волновали человечество. Ответы на эти вопросы породили множество мифов, гипотез, версий,

теорий и концепций. Одни из них выводят генеалогию человека из обезьяны, другие – из обожествленного первопретка, третьи – из природной стихии, а четвертые – из космического вселенского начала. Причем, каждая из версий происхождения человечества, языка и культуры подкрепляется и обосновывается конкретными примерами и доказательствами – мифологическими, археологическими, историко-культурными, генетическими и другими.

Но вместе с тем, все эти вопросы все же не имеют на сегодняшний день однозначного ответа. Ибо идентичность многих общекультурных форм, существование огромного количества языковых параллелей вновь и вновь возвращают исследователей к поискам единого пранарода, прачеловека, пракультуры и праязыка. Несмотря на множественность и разнообразие концепций по этому поводу, такая идентичность во многих сферах бытия позволяет выделить мировые культурные универсалии (далее - МКУ) из всей системы культурных универсалий, включающей, наряду с ними, космологические, континентальные, локально-цивилизационные, этнические, социально-групповые и индивидуальные культурные универсалии [См. подробно: 1].

Мировые культурные универсалии являются общечеловеческими, едиными для людей всей планеты Земля. В связи с этим встает вопрос о том, какие же факторы повлияли на их становление и развитие. Представляется, что к ним могут быть отнесены невербальные и языковые факторы, такие как: антропологическое единство, существование пракультуры и праязыка, политические и экономические процессы, миграции, ДНК-модификации, языковые контакты и заимствования, формирование языковых семей, классов и союзов.

Становление мировых культурных универсалий

1.1. Антропологическое единство. Появление человека (род Номо) относится к четвертичному периоду кайнозойской эры (2,7-2.6 млн. лет назад). В геологической истории Земли этот период называют также антропогеном.

Происхождение людей от одной пары людей, также, как и идея прачеловека, от которого произошло все человечество, на сегодняшний день не получила всеобщего признания. Палеоантропологические находки зачастую указывают на множество возможных мест возникновения человека. Однако, независимо от того, был ли очаг возникновения человека единым или множественным, а также, несмотря на историческое и видовое разнообразие рода Номо, ясно одно: человек, независимо от онтологических различий, обладает антропологическим единством.

Об этом же свидетельствует и археогенетика, которая базируется на двух основных понятиях: «Y-хромосомный Адам» и «Митохондриальная Ева». Не связанные с конкретной парой людей, эти понятия отражают наличие Y-хромосомы, передающейся по мужской линии и имеющейся у всех современных мужчин [2], и митохондриальной ДНК, передающейся по материнской линии [3]. Эти два понятия, объединяющие древность с современностью, как нельзя лучше демонстрируют генетическую близость всего человечества. Это подтверждается также и эволюций гаплогрупп современного человечества, имеющей одну самую древнюю, архаичную и эволюционно протяженную гаплогруппу A00 [4].

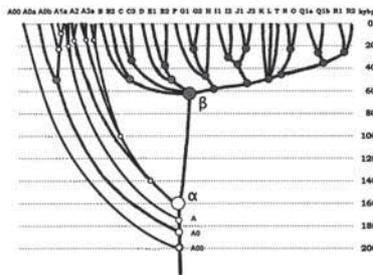

Рис. 1. Клесов А.А. Диаграмма эволюции гаплогрупп современного человечества. Основные гаплогруппы Y-хромосомы человечества расположены на горизонтальной оси, абсолютная шкала времени зафиксирована на вертикальной оси [5].

Изучение эволюции гаплотипов и маркеров (повторов нуклеотидов) позволили известному генетику Анатолию Клёсову сделать вывод о происхождении всех людей на Земле «от одного общего предка», при этом применяя это понятие на разных уровнях сложности [6].

1.2. Пракультура. Выделение человека из животного мира, его приспособление к окружающей природной среде, а также создание, восприятие, сохранение, воспроизводство и передача следующим поколениям материальных и духовных ценностей, - все это, независимо от места возникновения человека, формировало культуру. Становление пракультуры человечества проявлялось в формировании такой деятельности, которая основывалась не на биологических инстинктах, а на «целестремленном сознании» (термин П. Тейяр де Шардена); формирование социальности и коллективных форм жизнедеятельности сопровождалось интенсивным обращением информации – звуковой, вербальной, визуальной и ольфакторной. Активное речевое общение, возможность выбора, создание символических систем, стандартов и норм поведения, взаимодействие с другими людьми, возникновение общественных и брачных отношений, коллективная деятельность, разделение труда, развитие творчества, навыков и умений, – все эти универсальные характеристики определяют особенности культурогенеза и формирования пракультуры.

1.3. Праязык и универсальные характеристики языков. Моногенез или полигенез: этот вопрос остается открытым и для лингвистов, хотя в науке копятся свидетельства в пользу наличия моноязыка, который мог возникнуть в период не глубже, чем 40 - 50 тысяч лет. Однако, независимо от решения данного вопроса, исследователями выявлена общая, абсолютно сходная для всех народов, глубинная структура языка, имеющая в своем составе гласные и согласные, а также идентичную синтаксическую структуру с наличием подлежащего, сказуемого и дополнения [7].

Следует заметить, что само по себе наличие естественного языка, независимо от его семейной, классовой или этнической принадлежности, выступает в качестве МКУ. С самых древнейших времен человеческий язык выступает как адаптивная кодовая система, как универсальное средство передачи информации от собеседника к собеседнику, из одного времени и пространства в другое. Универсальность естественных языков сопровождается и их универсальными характеристиками, такими как передача звуковых сигналов, использование артикуляционно-акустических способов кодирования и декодирования, «линейность языка» и последовательный способ кодирования языковой информации, противопоставление гласных-согласным, диффузных гласных – компактным, использование противопоставлений по признаку закрытых и широких гласных, открытых и закрытых слогов, а также принципами минимальной сложности, использованием сложного после простого [8].

В процессе глотогенеза все естественные языки человечества были сформированы на основе четырех основных классов языков: изолирующего, инкорпорирующего, агглютинативного и флективного [9]. Поэтому предположение о наличии

моноязыка, также как и существование четырех классов естественного языка и ограниченное количество языковых семей может во многом объяснить природу КМУ. Современные лингвистические исследования выявляют не только этимологическую общность различных языков, но и сходство в порядке слов.

1.4. Единый способ бытия и МКУ. Человек, проживая свою жизнь в различных формах бытия, обладает единым способом бытия. Универсальная сущность человека проявляется также и в том, что он, с одной стороны, представляет собой одновременно и закрытую, и открытую систему; в каждом человеке соединяется телесное, душевное и духовное.

Такие специфически человеческие проявления послужили истоком формирования общечеловеческих культурных универсалий, которые едины во всем мировом пространстве. В большинстве случаев к ним относятся универсалии, связанные с биологическими потребностями, с жизнью и смертью, прохождением человека определенных циклов жизни (детство – юность – зрелость – старость), созданием семьи, рождением детей, межпоколенной передачей ценностей и т.д.

Не случайно поэтому, американским социологом и этнографом Джорджем Мердоком был определен состав универсалий, включающий 88 общих поведенческих категорий, среди которых: одежда, место обитания, имущество, праздники, подарки, гостеприимство, изобразительные искусства, труд, родственные связи, младенчество и детство, смерть и похороны, религиозные представления, социальная стратификация, использование орудий труда, наличие институтов семьи и брака и т. д. [10].

Развитие мировых культурных универсалий

1.1. Миграции. Мировые универсалии складываются не только в условиях взаимодействия антропо- глотто- и культурогенеза. На всем протяжении человеческой истории интенсивность обращения культурной информации усиливалась в периоды миграции народов. В древние эпохи большую роль в этом процессе играли дрейфы континентов и сильные колебания климата. Так, к примеру, вюрмское оледенение (60-12 тыс. лет тому назад) привело к понижению уровня океана и возникновению сухого пути, что привело к заселению Америки через Берингов пролив [11]. Похолодание климата стало катализатором и Великого переселения народов, охватившее в IV-VII вв. большую часть Евразии.

По мере развития человечества увеличивается количество причин миграции, которые могут возникнуть не только вследствие глобальных климатических изменений, стихийных бедствий, но и в результате неэффективных государственных управленческих решений, экономических кризисов, политических и военных конфликтов, правовых нарушений и др. Миграции – и дальние, и близкие – приводят к тому, что сталкиваются и приходят во взаимодействие различные этносы и народы, языки и культуры. Данный тезис может быть подтвержден результатами ДНК-генеалогии.

1.2. Гаплотипы и гаплогруппы. Несмотря на расовое и этническое разнообразие человечества, генетики выявили всего 20 основных гаплогрупп, которые обозначаются латинскими буквами от А до Т [12]. В результате миграций на протяжении всей истории человечества в ДНК происходит накопление мутаций, которые образуют тысячи подчиненных родов (см. рис. 1), каждый из которых может быть локализован в том или ином пространстве и формировать определенные генеалогические роды. И все же важным представляется то, что одни и те же гаплотипы могут присутствовать на разных континентах и входить в генеалогическую линию многих рас и этносов: от территориально близких до прямо противоположных. Так, к примеру, и в Африке, и в Европе, и в Азии живут носители гаплогруппы А1b1 [4]; **гаплогруппа R1a присутствует в генетике русских (48%), поляков (56%), украинцев (54%), белорусов (51%), чехов (34%), киргизов (63%), шорцев (56%), алтайцев (54%), чувашей (31,5%), таджиков (53%), панджабцев (54%) (Пакистан-Индия), в Индии в целом (30%) и в верхних кастах (43%) [14].** ДНК-генеалогия также показывает и то, что в каждом народе может присутствовать несколько гаплогрупп, каждая из которых, в свою очередь, может быть и в генетике других народов. Так, набор гаплогрупп киргизов включает в себя носителей гаплогрупп R1a, C3, J2, N1, R1b, I1, O, N [15]. Все это может свидетельствовать о том, что в истории человечества степень миграции настолько велика, что говорить об абсолютной автохтонности, генетической чистоте отдельных народов не представляется возможным.

1.3. Межкультурные взаимодействия и МКУ. Наличие культуры у всех народов мира, точно так же, как и естественный язык, можно отнести к МКУ. Что касается развития универсальных свойств и характеристик культуры, то они исходят как из пракультуры, так и из процессов миграции и межкультурных взаимодействий. Культура, аналогично картине скрещивания гаплогрупп, имеет генетически разнообразный состав. Точно так же, как общий состав ДНК любого народа может иметь набор гаплогрупп, характерных для многих других народов, культура каждого народа включает в себя характеристики, особенности, ценности и способы функционирования многих народов мира.

Межкультурные взаимодействия могут возникать разными способами и быть результатом многообразных причин: миграции населения, вхождения в суперэтническую целостность, создания и распада мировых и локальных цивилизаций, изменения государственных границ, взаимодействия культур, ассимиляции и пр. В результате, несмотря на наличие цивилизационных и этнических характеристик, отражающих идентичность и особенности той или иной культуры, в процессе взаимодействия культурой-реципиентом принимаются в чистом виде либо адаптируются те или иные особенности или ценности культур-доноров. Все это свидетельствует об отсутствии абсолютной идентичности и эндогенности культур народов всего мира. Этот же тезис можно отнести и к языкам.

1.4. Языковые семьи и контакты. Миграции населения, хорошо прослеживаемые с помощью ДНК-генеалогии, позволяют реконструировать также происхождение и развитие языковых семей. При этом все языковые семьи и входящие в них языки сохраняют общие универсальные свойства и характеристики, а генетически родственные языки на протяжении длительного времени сохраняют свою типологическую родственность [15].

В настоящее время исследователями выделяются такие достаточно изученные языковые макросемьи, как ностратическая – XIV тыс. до н.э. (индоевропейские, алтайские, уральские, картвельские, дравидийские и др.), африкано-азиатская – IV-V тыс. до н.э. (или семито-хамитские языки), сино-кавказская – IV-V тыс. до н.э. (северо-кавказские, енисейские, возможно, бакский и сино-тибетские языки). К малоизученным семьям относятся америндская, нигер-конгская, нило-сахарская, койсанская и папуасская языковые семьи [7].

Одной из древних гаплогрупп, получившей широкое распространение во всех частях света, является гаплогруппа R1b и производные от нее субклады R1b1, R1b1a1, R1b1a2, R1b-V88 и др. С гаплогруппой R1b тесно связано индоевропейское родство многих народов и распространение прото-индоевропейских языков во всех регионах мира [16].

Индоевропейская языковая семья является самой распространенной среди других семей. В состав индоевропейских языков исследователи включают следующие языки: «индоарийские (хинди, урду, санскрит и др.), иранские (персидский, таджикский, пушту, осетинский и др.), славянские (русский, болгарский, сербский, польский и др.), балтийские (латышский, литовский и язык пруссов), германские (немецкий, английский, голландский, датский, шведский, идиш и др.), романские (латынь, французский, итальянский, испанский, румынский и др.), кельтские (ирландский, бретонский и др.), а также греческий, армянский, албанский и др. [17, с. 19].

Пример развития индоевропейских языков показывает значимость не только вербальных, но и невербальных факторов в процессе формирования и развития МКУ, когда миграции народов, их генетическое и культурное взаимодействие, асси-

миляция и аккультурация приводят как к выделению языковых семей, так и к формированию внутри них отдельных языков.

1.5. *Искусство.* Наряду с обществом, культурой, языком, религией, экономикой, правом и другими сферами человеческого бытия, феноменом МКУ является и искусство. Воссоздавая и формируя «вторичную реальность», искусство выступает как универсальный коммуникативный канал, осуществляющий связь человека и мира на основе художественных образов. В этногенетическом отношении искусство, также как и культура, и естественные языки, отражает контакты народов и культур.

Если же рассматривать виды искусства, то можно отметить, что и мировые, и локальные цивилизации, безотносительно ко времени своего существования, ареалу распространения, многообразным отличительным особенностям, имеют универсальный набор. К ним относятся музыка, танец, театр, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, скульптура, архитектура, литература и др.

Несмотря на деление видов искусств, все они отражают образный тип мышления, с той лишь разницей, что сами образы раскрываются специфическими для каждого вида искусств языками. При этом сами языки искусств, несмотря на многозначность и уникальность художественных текстов, опираются на универсальные семиотические средства – звукоинтонационные (язык музыки), пластические (языки статических искусств – живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, скульптуры, архитектуры) и словесные (литература, театр, музыкально-поэтическое искусство).

Особенностью языков искусств является то, что все они диалогичны. В отличие от знаковых систем естественно-технических наук и монологичности их языков, языки искусства – и вербальные, и невербальные – раскрываются в коммуникативном процессе и восприятии художественных образов.

В различных культурах виды искусства могут различаться по материалам, утилитарности, способам создания и хранения информации, языку, критериям эстетического воздействия, функциям, выполняемым в обществе и многому другому. Однако все же следует признать, что нет ни одной культуры, в которых не существовали бы вербальные и невербальные, а также пространственные, временные и пространственно-временные виды искусств, а потому само их присутствие и функционирование в различных исторических и локальных культурах имеет ярко выраженный универсальный мировой характер.

1.6. *МКУ в условиях постиндустриальной мировой цивилизации.* В современный период наблюдаются кардинальные изменения в сфере глобальных политических и экономических процессов, происходит увеличение мобильности населения, расового и этнического взаимодействия, диалогичности во всех сферах бытия и человеческой деятельности. В силу широкого распространения информационных, телекоммуникационных, разнообразных технических средств связи, несмотря на постулирование сохранения идентичности и культурного наследия, наблюдается высокий уровень полифоничности и глубинного взаимодействия народов и цивилизаций, культур и искусств. Данные процессы находят отражение и в повышении ценности информации, увеличении интенсивности ее обращения в контексте всей мировой цивилизации, развитии диалогичности монолога и монологичности диалога в сфере науки и культуры, взаимодействии вербальных и невербальных средств общения, полифонии языков искусств и их бурной модификации.

В результате происходит взаимодействие мировых культурных универсалий с космологическими, континентальными, локально-цивилизационными, этническими, социально-групповыми и индивидуальными.

Выводы:

1. Мировые культурные универсалии складываются в период взаимодействия антропо-глобто-и культуругенеза.
2. Становление и развитие МКУ определяется взаимодействием невербальных и языковых факторов.
3. В более поздние периоды, когда возникают локальные цивилизации и этносы, МКУ могут приобретать локальные особенности и распадаться на локально-цивилизационные и этнические культурные универсалии.
4. Общность МКУ усиливается в силу глобальных политических и экономических процессов, интенсивности миграций населения, языковых контактов и межкультурного диалога, а также инновационных коммуникативных технологий, опирающихся на искусственные языки.
5. В современный период в процессе вхождения человечества в мировую постиндустриальную цивилизацию, происходит взаимодействие всех типов культурных универсалий.

Литература:

1. Аязбекова С.Ш. Постиндустриальная цивилизация и культурные универсалии: исторический контекст, LX Международная научно-практическая конференция "Социально-политические аспекты постиндустриальной жизнедеятельности государств", II этап первенства по военным наукам, социологии и политическим наукам. – Лондон., Международная Академия Наук и Высшего Образования (Великобритания), 8-14 августа 2013., Электронный ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/31516>
2. Thomson Russell. «HYPERLINK "http://www.pnas.org/content/97/13/7360.full" Recent common ancestry of human Y chromosomes: Evidence from DNA sequence data». - (2000). - PNAS 97 (13): 6927–9.
3. Blaine Bettinger. HYPERLINK "http://www.thegeneticgenealogist.com/2007/07/20/mitochondrial-eve-and-y-chromosomal-adam/" Mitochondrial Eve and Y-chromosomal Adam., The Genetic Genealogist (20 July 2007).
4. Клесов А. Не выходили наши предки из Африки., Семь искусств. – No. 12 (48). – Декабрь 2013.
5. Klyosov, A.A., Rozhanskii, I.L. (2012b) Re-examining the “Out of Africa” theory and the origin of Europeoids (Caucasoids) in light of DNA genealogy. Adv. Anthropol. 2, 80-86.
6. Клёсов А.А. Математическая морфология. Электронный математический и медико-биологический журнал., Т. 14., Вып. 1. - 2015., URL: <http://www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/N-45-html/klyosov/klyosov.htm>
7. Старостин С.А. У человечества был единый праязык (Беседа Г. Зеленко с С. Старостиным), Знание - сила. - М., 2003, № 8).
8. Г.П. Мельников. Язык как система и языковые универсалии., Системные исследования. Ежегодник 1972. - М., Наука, 1973, с. 183–204., URL: <http://philologos.narod.ru/melnikov/universals.htm>
9. Избранные труды по языкознанию. – М., Прогресс, 1984. С. 34-298; М.Т. Дьячок, В.В. Шаповал. Генеалогическая классификация. - Новосибирск, 2002. – 32 с.; Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. Т. 1. - М., 1971; т. 2. - М., 1976; т. 3. - М., 1984; Г.П. Мельников. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. – М., Изд-во РУДН, 2000; Г.П. Мельников. Язык как система и языковые универсалии., Системные исследования. Ежегодник 1972. - М., Наука, 1973, с. 183–204; Б.А. Успенский. Структурная типология языков. – М., 1965. – С. 179-222 и др.
10. Мёрдок Дж. П. Общий знаменатель культур., Культурология: дайджест. – М., 2005. No. 1.
11. Сорохтин О.Г., Ушаков С.А. Развитие Земли. - М., Изд-во МГУ, 2002. 506 с., С. 364.
12. Клёсов А.А. Математическая морфология. Электронный математический и медико-биологический журнал. - Т. 14., Вып. 1. - 2015., URL: <http://www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/N-45-html/klyosov/klyosov.htm>

13. Описание гаплогрупп и известные представители гаплогрупп R1a, R1b, N1c, G2a, E1b и др., URL: <http://haplogroup.narod.ru/celeb.html>
14. Киргизский Проект FTDNA., URL: <https://www.familytreedna.com/public/kirgiz/default.aspx?section=yresults>
15. В.М. Солнцев. Связь генеалогии и типологии и универсальные закономерности языков., Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов». - М., 1966, с. 74–77.
16. Европейские гаплогруппы: описание и связь с археологическими культурами гаплогрупп R1a, R1b, I1, I2 и N1c1., URL: http://haplogroup.narod.ru/eur_hap.html
17. Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. – СПб, Евразия, 2010. – 496 с.

ЗНАЧЕННЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО СПІЛКУВАННЯ В ПРОЦЕСІ НАВЧАННЯ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

Гренадєрова І.М., вчитель англійської мови

Коростенська загальноосвітня школа №1 (I-III ступенів) з поглибленим вивченням іноземних мов, Україна

Учасник конференції,

Національної першості з наукової аналітики,

Відкритої Європейсько-Азіатської першості з наукової аналітики

Стаття присвячена використанню невербальних засобів навчання вчителями англійської мови. Визначені переваги невербальних засобів спілкування, як головного засобу передачі інформації, організації взаємодії, формування образу та поняття про партнера. Невербальне спілкування відіграє дуже важливу роль в процесі комунікації. Саме воно робить нашу мову більш яскравою і насиченою. Тому педагогу не лише необхідно знати закони педагогічного спілкування, а також володіти і невербальною культурою. Саме за допомогою грамотної невербальної поведінки вчитель може вирішити багато проблемних ситуацій та комунікативних задач. Правильна невербальна поведінка вчителя, фіксація міміки, жестів призводить до позитивних навчально-виховних результатів. Особливо важливим використання невербальних засобів на уроках іноземної мови, де багато чого базується за рахунок міміки, жестів, погляду пози та ін.

Ключові слова: невербальне спілкування, жести, міміка, погляд, поза, інтонація, драматизація, використання відеоматеріалів

The article is devoted to the use of nonverbal means of teaching English. The advantages of nonverbal means of communication are the main medium of interaction, the image formation and the notion of a partner. Nonverbal communication plays a very important role in the communicative process. It makes our speech more colorful and rich. Therefore, the teacher must not only know the laws of teaching communication, but to own a nonverbal culture. With the help of a competent nonverbal behaviour the teacher can solve many problem situations and communicative tasks. The correct nonverbal behavior of the teacher; the fixation of facial expressions, gestures leads to positive educational results. Particularly important use of nonverbal means in the foreign language lessons is based through facial expressions, gestures, looks, poses, etc.

Keywords: nonverbal communication, gestures, facial expressions, gaze, posture, intonation, dramatization, the use of video.

Кожному з нас доводилося займатись вивченням мов. Ми вивчали рідну мову, іноземну, багато хто вивчає мову програмування. Але існує ще одна міжнародна, загальнодоступна і зрозуміла мова, про яку до недавнього часу мало що знали, – це мова жестів, міміки і рухів тіла людини.

Вперше серйозним дослідженням цієї мови зайнявся в кінці 70-х років Алан Піз, який є визначним знавцем психології людського спілкування і автором методики навчання основам комунікації.

Психологами встановлено, що передача інформації відбувається за рахунок вербальних засобів (тільки слів) на 7%, за рахунок звукових засобів (включаючи тон голосу, інтонацію звуку) на 38%, і за рахунок невербальних засобів на 55%.

Ці дані примушують нас задуматися над значенням Невербального спілкування для психології спілкування і взаєморозуміння людей, звернути особливу увагу на знання жестів і міміки людини.

Сучасна загальноосвітня школа характеризується, перш за все, функціонально-рольовими взаємостосунками вчителів та учнів. Існуюче між ними спілкування – це, в основному, спілкування того хто навчає і того котрий навчається. Творча взаємодія учня та вчителя передбачає певну стратегію їх взаємостосунків в процесі навчання, тому що саме в шкільному віці бажання маленької людини наблизитись до внутрішнього світу іншого, побачити світ його очима, бути почутим і зрозумілим набуває особливої важливості. Школа приваблює дітей не так новими знаннями, а як можливість задовольнити актуальні потреби у спілкуванні самоствердженні, творчості, відкритті найкращого у своєму «Я». В зв'язку з цим, неодмінною та найважливішою умовою результативності педагогічної праці вчителя є, на думку вчених, його вміння організувати взаємодію з дітьми. Невербальне спілкування виступає одним із засобів репрезентації свого особистісного «Я», міжособистісної взаємодії і регуляції стосунків, створює образ партнера за спілкуванням, виступає в ролі уточнення, випередження вербального спілкування. Досвідчений вчитель до 50-90% інформації отримує не зі слів учня, а з його жестів, міміки, інтонації, пози та погляду.

Таким чином, невербальне спілкування – це такий вид спілкування, для якого є характерне використання невербальної поведінки і невербальної комунікації в якості головного засобу передачі інформації, організації взаємодії, формування образу та поняття про партнера, засобу впливу на іншу людину. Невербальна комунікація – це система символів, знаків, котрі використовуються для передачі повідомлення і більш повного його розуміння, котра, в деякій мірі, незалежна від психологічних і соціально-психологічних якостей особистості, має достатньо чітке коло значень і може бути описана як специфічна знакова система.

В невербальній поведінці традиційно виділяються експресивна та перцептивна сторони. Експресія, або зовнішнє вираження емоцій, є невід'ємним компонентом невербальної поведінки. Саме фактори емоційної природи найчастіше є причиною ускладнень у встановленні нормальних стосунків між індивідом та групою або комунікатором та реципієнтом. Поняття перцепції характеризує процес сприйняття і пізнання один одного партнерами по спілкуванню. Адекватне сприйняття партнера дозволяє більш гнучко реагувати на зміни ситуації спілкування, зрозуміти його справжні цілі та наміри, передбачити можливі наслідки інформації, що передається. Ці якості є незамінними для тих, чия професійна діяльність пов'язана з людьми, а особливо для педагогів.

В спілкуванні жести виконують різноманітні функції. Науковці виділяють наступні функції жестів у спілкуванні людини: функції повтору, або дублювання актуальної мовної інформації (показуємо пальцем, головою, очами); заміни мовного висловлювання (кивок головою – згода чи незгода, жест – прикласти палець до губ – мовчи); доповнення мови в змістовному відношенні (пригрозити пальцем чи кулаком – слова погрози); роль регулятора мовного спілкування, або засобу підтримання мови (періодично повторювальний кивок «академічний кивок» одного з учасників спілкування). Крім того, відмічено, що жести можуть підкреслювати чи підсилювати деякі компоненти мови та суперечити мовному висловлюванню.

Обличчя є найважливішою характеристикою зовнішності людини, тому обличчя, як і очі, називають дзеркалом душі. Більшість людей в процесі спілкування частіше за все зосереджують свою увагу на обличчі партнера. Воно виступає головною частиною експресивного репертуару особистості. Обличчя людини здійснює, особливо на ранніх стадіях онтогенезу, а потім і решту життя, функції соціального контакту, функції передачі станів та стосунків.

Скорочення м'язів обличчя відбувається в залежності від того чи іншого стану людини, утворюючи те, що ми називаємо мімікою обличчя. Експериментальні дані психології свідчать про те, що міміка обличчя складається із спонтанних та довільних рухів мімічних м'язів. Зазвичай міміку аналізують: 1) по лінії її довільних і невимушених компонентів; 2) на основі фізіологічних параметрів (тонус, сила, комбінація м'язових скорочень, симетрія, асиметрія, динаміка, амплітуда); 3) в соціальному та соціально-психологічному плані виділяють міжкультурні типи виразу обличчя; виразу, що належить певній культурі, прийнятому в певній соціальній групі або індивідуальний стиль.

Характерною особливістю «мімічних картин» є те, що кожен симптокомплекс міміки включає признаки, котрі одночасно є універсальними, специфічними для виразу одних станів та неспецифічними для вираження інших. Наприклад: «куточки губ опущені», «щілина ока звужена» – відносяться до ряду негативних станів. Признак «куточки губ опущені» є універсальним, так як з'являється лише в тому випадку коли людина переживає негативний стан. Признак «щілина ока звужена» може бути індикатором як негативного стану (гнів, зневага та ін.), так і позитивного (радість). Однак для першого типу воно є специфічним, а для другого ні.

Педагогу необхідно, як і актору, навчитись управляти своєю мімікою, зробити її більш довільною. Тоді міміка вчителя стане ще одним інструментом психологічного впливу на учня, педагогічне спілкування буде більш живим, довірливим, невимушеним.

Погляд пов'язаний з виразом обличчя та іншими елементами експресії, тому він може бути описаний як показник основних станів людини: радісний погляд, здивований, наляканий, уважний, зневажливий погляд та ін. Зазвичай опис значення погляду супроводжується вказівкою не тільки на вираз обличчя, а й на положення голови. Рух голови і погляд є взаємопов'язаними елементами експресивної поведінки. Погляд на рівні з експресією обличчя є найважливішим компонентом експресивного Я особистості.

Ще один елемент експресії – це пози людини. Певне положення частин тіла людини: голови, плечей, тулуба, рук, ніг – це її поза. Пози оформлює експресивний репертуар людини. Вона потребує певного виразу обличчя, жестів, направленості та якості погляду. Особливу роль пози відіграє у вираженні ставлення до людини, в підкресленні свого та чужого соціального та соціально-психологічного статусу. Для правильного розуміння поз необхідно знати не лише культурні традиції, вікові обмеження, але й статеві відмінності у використанні тих чи інших поз, способи реагування на співрозмовника чоловіками і жінками.

Невербальне спілкування відіграє дуже важливу роль в процесі комунікації. Саме воно робить нашу мову більш яскравою і насиченою. Тому педагогу не лише необхідно знати закони педагогічного спілкування, а також володіти і невербальною культурою. Саме за допомогою грамотної невербальної поведінки вчитель може вирішити багато проблемних ситуацій та комунікативних задач. Правильна невербальна поведінка вчителя, фіксація міміки, жестів призводить до позитивних навчально-виховних результатів. Особливо важливим використанням невербальних засобів є на уроках іноземної мови, де багато чого базується за рахунок міміки, жестів, погляду пози та ін.

Всі засоби невербального спілкування можуть бути залучені до навчально-виховного процесу, оскільки мають вагомні переваги: сприяють вирішенню проблеми масовості в навчанні та вихованні. Один учитель у змозі здійснити такі види навчально-виховної діяльності, як пояснення, демонстрація і навіть керування учнівською аудиторією в десятки учнів, а за допомогою технічних засобів навчання ця цифра може зрости. Здатні індивідуалізувати навчання. Процес запам'ятовування цих засобів відбувається в учнів непропорційно, що залежить від учнівських імітаційних здібностей, пам'яті, присутності музикального слуху, порогу втоми, ступеня мотивації; працюючи індивідуально з учнем, учитель зі слабким школярем здійснить більше повторень. Використання невербальних засобів навчання надає можливість вчителю організувати самостійну роботу учнів під час формування вмінь та навичок усного мовлення; учні, спираючись на інтонацію, голос, жести, міміку, пози вчителя виконують завдання самостійно, незалежно від педагога. Застосування невербальних засобів навчання краще, ніж будь-які інші засоби навчання, реалізує золоте правило дидактики – наочність (Ян Амос Коменський). За виваженого, продуманого підходу вчителем англійської мови може бути представлена зорова, слухова або зорова-слухова наочність.

Особливе значення під час використання невербальних засобів навчання мають автентичні відео- та аудіозразки, де простежуються інтонації голосу, міміка, жести, пози. Однією з найбільших переваг невербальних засобів навчання є зворотній зв'язок: учитель у будь-який момент може продублювати інтонацію, голос, міміку, жести, пози для забезпечення розуміння; таким чином, у разі забезпечення зворотного зв'язку реалізується одна з основних функцій педагога – функція контролю та самоконтролю. Користь від використання невербальних засобів навчання можна перевірити засобом рефлексії (які саме невербальні засоби навчання були найбільш вдалими у вчителя і чому, над якими невербальними засобами навчання педагогу ще слід попрацювати, щоб урок англійської мови у старшій ланці став ще більш продуктивним та цікавим).

У процесі роботи з використанням інтонації, голосу, міміки, жестів поз на уроках англійської мови педагог та учні включаються в спільну діяльність, де найвагомніше значення має робота слухового та зорового аналізаторів. Учні в процесі роботи на уроках англійської мови аналізують, зіставляють, виділяють головне, вилучають непотрібне, творчо, аналітично мислять.

Аудіо й особливо відеоматеріали з упровадженням голосу, міміки, жестів, поз дуже корисні для школярів. Для того щоб демонстрація педагогом відеоматеріалів з використанням невербальних засобів навчання була більш цілеспрямованою, слід заздалегідь поставити перед учнями конкретні задачі. З метою створення сприятливих умов для розуміння демонстрації відеоматеріалу вчитель може роз'яснити, за необхідності, застосування окремих невербальних засобів навчання, а саме: інтонації, голосу, міміки, жестів, поз, або імітувати їх власноруч для полегшення сприйняття учнями. Перевага цього виду діяльності полягає в тому, що учні, які будуть переглядати відео фрагмент з використанням невербальних засобів навчання, зможуть аналізувати і виділяти потрібну інформацію. Педагогу треба передбачити і попередити учнів, що вони мають запам'ятовувати, а що – записувати, щоб не пропустити важливої інформації. Одночасно з переглядом відео фрагменту працює

й розвивається фонематичний слух школярів, пам'ять, окрема увага приділяється моментам, пов'язаним з невербальними засобами навчання. Педагог при цьому стежить за часом. Існує багато різноманітних вправ і видів діяльності, які можуть бути використані після відео перегляду: після відповідних вказівок вчителя школярі можуть обговорити основні або окремі питання, їм можна запропонувати в тезах написати побачене і почуте, написати листа деяким персонажам, написати нарис, есе, статтю тощо. Таким чином, використання відео фрагменту з використанням невербальних засобів є стимулом для обговорення, письма, продуктивної діяльності на уроці англійської мови.

Особливий інтерес у впровадженні невербальних засобів навчання становить робота з інформаційними телевізійними репортажами, оскільки репортаж є одним з найбільш динамічних видів аудіовізуальних мистецтв. Це можливість залучення школяра до історичних подій, що відбуваються саме зараз у світі і, особливо, в країні, мова якої вивчається. Відео репортаж із залученням інтонацій голосу, міміки, жестів, поз може бути яскравим акустичним відображенням реальної ситуації, фактів, явищ і подій у динаміко-процесуальній, просторово-часовій цілісності, безперервності, документальній достовірності та природності, що впливає на саму природу відео образу і психологічні особливості його естетичного сприймання.

Таким чином, невербальні засоби навчання зможуть, за правильного їх використання розвинути уяву, здогадку, мислення учнів старшої ланки, самостійність у подоланні мовних та смислових труднощів, викликати інтерес до оволодіння англійською мовою, сприяти ефективності її вивчення, сформувати світогляд учнів.

У початковій ланці необхідне знаходження «золотої середини» – збалансоване, раціональне застосування вербальних та невербальних засобів навчання. На початковому етапі навчання вчителю англійської мови, як і будь-якому іншому, необхідно знати психологічні особливості дітей молодшого шкільного віку. Діти цього віку товариські і емоційні, тому в процесі навчання пропонується використовувати яскраві і незвичайні ситуації. Молодші школярі дуже імпульсивні тому мають потребу в активній зовнішній розрядці. За перший рік навчання діти набувають деякий досвід управління своєю поведінкою, однак воно ще не відрізняється стійкістю. Все нове, несподіване привертає увагу учня. Наступність у роботі з молодшими школярами і полягає в тому, що при навчанні усного мовлення вчителю слід використовувати такі прийоми, які сприяли б психологічній розрядці і підтримували інтерес у дітей, наприклад, цікаві сюжети та ігрові ситуації. Але потрібно поступово привчати учнів бути уважними і по відношенню до того, що не є цікавим. Якщо цього не робити, у дітей виробиться звичка бути уважними тільки до зовні привабливому і у них не розвинуться вольові якості, надалі вони не зможуть виявляти наполегливість, ставити перед собою цілі і досягати їх. Пам'ять у дітей молодшого шкільного віку достатньо розвинена, вони легко і міцно запам'ятовують те, що їх вражає, що відповідає їх інтересам. Враховуючи цю вікову особливість, вчитель повинен організувати тренування лексичного та граматичного матеріалу в таких ситуаціях, які пов'язані з їх інтересами і дозволяють створювати мотиви для спілкування і взаємодії учнів між собою. Це дозволить дітям засвоїти мовний матеріал і способи дій з ним – мимоволі, без видимих зусиль з їхнього боку. Вік молодших школярів знаходиться якраз на стику двох психологічних доміант ігрової та навчальної діяльності. Заняття мистецтвом допомагають здійснити цей перехід плавно і безболісно, але за умови повної серйозності і масовіддачі від учнів. Ось чому однією з форм педагогічного спілкування є урок-драматизація.

Приєм драматизації дозволяє опанувати основами всіх видів мовленнєвої діяльності, оскільки створює базу для навчання аудіювання, читання, говоріння та письма. Він надає умови для становлення творчої, емоційно-вольової, інтелектуально розвинутої особистості, сприяє впливу на формування психічних процесів дітей молодшого шкільного віку. Даний прийом можна використовувати як засіб мотивації та підвищення інтересу до вивчення іноземної мови. Драматизація може використовуватись як в рамках уроку, на узагальнюючих заняттях, на уроках домашнього читання, та розвитку мовлення, на уроках повторення, так і в позакласній роботі. Матеріал для драматизації повинен відповідати віку, розвитку, інтересам дітей і стояти у зв'язку з оточуючим дітей життям. Найбільш підходящим матеріалом для дітей слід вважати пісні з драматичним ефектом, дитячі драматичні ігри, темою яких є різні діяльності людини, імпровізація побутових сцен, та вільне відтворення знайомих і улюблених казок. Всі учні отримують велику користь від участі в п'єсі і задоволення від своєї роботи, адже кожна роль значима для успішного представлення п'єси, навіть коротка, епізодична.

На основі вищевикладеного хочу підкреслити, що контакт вчителя і учнів, незважаючи на вікові особливості, ґрунтується у значній мірі на використанні невербальних засобів спілкування і є гарантом успішного взаєморозуміння на рівні всіх культур.

Література:

1. Навчання англійській мові за допомогою драматизації., Access mode: <http://ukrbukva.net/page,4,93940-Obuchenie-angliyskomu-yazyku-posredstvom-dramatizacii.html>
2. Антипова А.М. О взаимодействии вербальных и невербальных средств общения в спонтанной разговорной речи., Сборник научных трудов. – М., Государственный институт иностранных языков им. М. Тореца, 1989.
3. Бочаров Н.Л. Игры на уроці англійської мови на початковому та середньому ступенях навчання., Іноземні мови в школі. - 1966., No. 3
4. Волкова Н.П. Педагогіка: навч. посіб. 3-тє вид., Н.П.Волкова. – К., Академвидав, 2009
5. Дичківська І.М. Інноваційні педагогічні технології: Навчальний посібник., І.М. Дичківська, - К, Академвидав, 2004
6. Леонтьев А.А. Психологічні передумови раннього оволодіння іноземною мовою., Іноземні мови в школі. - 1985., No. 5
7. Савіна А.Д. Позакласна робота з іноземних мов у середній школі., А.Д.Савіна –М., Просвещение, 2003.

УДК 81'27

TOWARDS THE ISSUE OF SOCIAL VARIATION OF LANGUAGE

I. Usachenko, Instructor
The Mykolaiv V.O.Sukhomlynsky National University, Ukraine

Conference participant

The article outlines the study of the impact of social environment on language and linguistic behavior.

Keywords: sociolinguistics, language variation, linguistic repertoire, sociolect, phonological variable.

The array of sociolinguistic research includes the study of the impact of social environment on language and linguistic behavior. Modern science uses methods of sociolinguistic research, including observations, surveys, analysis of written sources to determine

social conditioning of language, linguistic phenomena, and changes in the linguistic environment. Considering language variation, sociolinguistics tries to establish social determinants of situational language variation. Investigating this issue, contemporary sociolinguistics operates with the works of U. Ammon, D. Crystal, H. Currie, J.L. Fisher, J.A. Fishman, W. Labov, R.I.Jr. McDavid, G.R. Pickford, Ye.D. Polivanov, A.D. Shveitser, P. Trudgill, W. Wolfram, Ye.A. Zemska, Yu.O. Zhuktenko and many other researchers. These studies are based on the assumption that the language repertoire of almost every individual consists of several subsystems or variants. According to I.R. Halperin, linguistic repertoire is divided into two groups: special literary vocabulary (terms and learned words, poetic words, archaic words, barbarisms and foreign words, literary coinages including nonce-words) and special colloquial vocabulary (slang, jargonisms, professional words, dialectal words, vulgar words, colloquial coinages). He noted that the stylistic function of the different strata of the English vocabulary depends not so much on the inner qualities of each of the groups, as on their interaction when they are opposed to one another [1, P. 67]. Contrary to this opinion V.A. Kuharenko distinguishes three subsystems of an individual's linguistic repertoire: the elements common to all linguistic community; elements inherent to his/her social group; 3) the individual characteristics of a language [2, P. 158]. Accordingly, a bilingual individual's language consists of two/three systems each of which is divided into several subsystems. Varying elements of these systems and subsystems, an individual is able to produce statements of various styles.

The problem of social variation of language is characterized by two dimensions – stratificational and situational. A.D. Shveitser notes that stratificational variation is related to the social structure of society and is manifested in language and speech differences, characteristic of representatives of different social strata and groups. Situational variation is characterized by a prior use of this or that means depending on the communicative situation [3].

To study the stylistic language variation at the individual and grassroots levels sociolinguistics uses the notion of sociolect. Turning to the question of the definition of the notion T.I. Yerofeieva notes that in the term “sociolect” the category of social is understood in the conditional-expansion sense, i.e. the phenomenon of linguistic similarity of a group should be designated as biosociopsycholect, but for the sake of brevity it is better to use the term “sociolect”. This term includes the concept of social type that appears in humans influenced by features inherent to this race, ethnic group, nationality, social class. On the one hand sociolect is the language of an average individual who is the representative of his/her social group culture; i.e. sociolect is invariant socially marked language subsystem. On the other hand, the concept of sociolect is broader than the concept of social type and includes also a system of linguistic means of any more or less big group of people. This linguistic means is caused by several factors, has not only social but also psychological and biological character, for instance place of birth, age, gender, temperament, education, profession, etc. [4, P.21]. V.P. Korovushkin treats “sociolect” as a complex system consisting of subsystems and specific sets of different level units that are interconnected by hierarchical relations. He also distinguishes the concept of “sociolectism”, which is defined as an element of phonetic, morphological, syntactic, lexical and semantic systems of sociolect with peculiar characteristics, thus it doesn't eliminate sociolect's own characteristics caused by sociolinguistic characteristics of its speakers at each linguistic level [5, P. 39]. M.B. Vakhtin and Ye.V. Holovko note that social stratification is typical for any society, in the developed countries of the West it has become a form of social groups [6, P. 51]. According to researchers, social situations have their own characteristics and structure. Probably we should distinguish not only the most distinctive features, which are cornerstone for this situation, but more minor features whose nature is more complex. In this regard we believe rather important are the parameters of sociolect according to M. Uessler: belonging to a group, ideological orientation (ideas that arise from the affiliation of the speaker to a group, layer, class), historical background (socio-historical situation) [7, P. 144-146].

Thus, the demonstration of these parameters in practice was made by W. Labov who discovered the interaction between linguistic and social features on the island of Martha's Vineyard, Massachusetts, USA. After examining the geographic, social and economic characteristics of the region, he singled out the following parameters inherent to most of its inhabitants: firstly, identification of the population as indigenous; secondly, the lack of desire to change their place of residence (the examples are given when local residents in many cases left the island to get a higher education and then came back to fulfill themselves “at home”, for example, to become a real estate agent selling new homes to tourists from mainland, which were built by local people in the up-island); 3) opposition to tourists because of difficult economic conditions (“You can cross the island from one end to the other without stepping on anything but “No Trespassing” signs”). W. Labov noted that a study of the data showed that high centralization of [ai] and [au] is closely correlated with expressions of strong resistance to the incursions of the summer people [8, P. 296-297].

Among the current research we can pick out the work of K.O. Melezhik one stage of the research of who was the study of morphosyntactic and lexical features of English student sociolect [9]. So, there was multi-ethnic group of students (representing Great Britain, the European Union and other European countries, including Ukraine, the USA and Canada, Asia and Oceania, Africa and the Middle East, Latin America), which completed the Master course at The London school of economics and political science. In terms of their relation to the English language respondents were divided into three levels developed by an American sociolinguist W. Wolfram within sociolect informant classification: 1) students who were born in English-speaking countries and learned English as their mother tongue; 2) students who were born in English-speaking countries in the families of immigrants and first learned the language of their ethnic group, and a little later or simultaneously also English; 3) students who were born in other countries and first learned their native language, and then English as a second one [10]. Respondents were asked a series of questions regarding the use of English. Thus, the analysis of the responses showed that the integration process of students in the socio-cultural and linguistic space of linguocultural community was carried out, in particular, through the sociolect acquisition. The interviewed students used student sociolect selectively in different situations of communication (with friends outside the university, in the Internet), but the use of the sociolect was excluded in communication with teachers. The rapid sociolect acquisition takes place through membership of a group, motivation level, interactive communication range, high status of sociolect and positive attitude to it in this society. The informants performed a choice of language means depending on their socio-educated level, but regardless of belonging to any social group.

Research of C.A. Ferguson (1959) and R. Braun and A. Gilman (1960) found that the speakers in any environment control different styles of language and switch depending on the interlocutor they speak with [11, P. 35]. Socially stratified forms of language are characterized by mobility and diversity and vary not only depending on the social status of the speakers, but also on their social orientation. Individuals targeted for social advancement, often observe the norms not of their group but the reference one which they try to achieve. And vice versa, those individuals whose social situation is deteriorating, do not accept the rules of the social group they find themselves involuntarily [12]. Thus, the researcher M.D. Linn analyzes the speech African Americans. He notes that in the 1960's linguists, speakers and educators tried to moderate the conditions of African-American students with informative learning. However, in 1974, they expressed the wish for the right to use their language. Of course, the political intention didn't limit the boundaries of racial tolerance; on the other hand, the refusal didn't help at all [11]. Another example is the study of A. Burkette (2007) which investigates English in Ashe County, North Carolina, in the Appalachian Mountains. She focuses on the use of conversational narrative to create community and display identity through the analysis of two grammatical variables: a-prefixing (they said he's

a-coming down) and nonstandard past tense (and they said he run till he dropped) [13]. Therefore, the evaluation of language of a social group is based not only on social status, but also the movement direction of an individual in the social hierarchy and value orientations.

Social differentiation of language is multidimensional phenomenon, represented by basilect, mesolect and acrolect (sometimes called edulect (education + lect) [14]). They represent a continuum of basilect, mesolect and acrolect zones which are distinguished according to context formality of the communicative situation, the level of speaker's control for the language used in the situation and the level of language competence. An acrolect zone of the continuum is used in formal situations by well-educated individuals who have an advanced level of English, a mesolect variant is characteristic of informal contexts or cases where an educated person does not control his tongue because of fatigue, emotions or some other reason and switches from an acrolect to a mesolect zone. A basilect variant is typically used by individuals who do not have a good education and have a loose command of the language. Speaking of sociolinguistic variation, we mean, that usually the most dynamic situation takes place in a mesolect zone because when necessary an individual who uses a mesolect can "go up" to an acrolect or, "go down" to a basilect variant [15, P. 19]. As to these zones in English, British English traditionally refers Received Pronunciation to the acrolect zone, Scottish and Irish dialects and some foreign accents, territorial dialects belong to the mesolect zone, the basilect zone consists of uneducated residents of industrial cities [16].

B. Frank notes that a language is changing, and the driving force of language development is tense relations between the language system and linguistic norm that is constantly changing. Thus, according to level system of language, variation levels may be graphic (writing), spelling, phonemic (pronunciation), pronouncing (pronunciation norm), inflecting, word-building, lexemic, morphosyntactic, syntactic, and variation in types of texts. Thus, the interconnection between forms of language variation and variation of language units is emphasized [17]. Thus, in terms of sociolinguistic research the units of the mentioned levels can be socially marked, i.e. can be sociolinguistic variables.

Studying the variation of pronunciation, sociolinguistics allows one to set regularities inherent to not constant but varying rules of language behavior. "A phonological variable", defined by W. Labov as difference or inconsistency that are specific for a language form compared with abstract pronunciation standard, is a unit of pronunciation variant structures [18]. O.D. Petrenko notes that phonological variable variant is the specific value of the variable. Their realization in informants' speech makes it possible to determine the average rate of each phonological variable and its options in different situations of communication, that is, formulate variable rules of phonological variables' realization and their variants in each sociolect that can be regarded as the pronunciation norm for this social group in certain communicative situations. So, the peculiarities of realization of the language segment structure in the pronunciation of a particular social group and determination of the phonological variables' average realization and their variants allows interconnecting informants' pronunciation with the choice of specific spoken style [18,19]. W. Labov notes that it is impossible to understand the processes occurring in the language without the context of social life. So, "before a phoneme can spread from word to word ... it is necessary that one of the two rivals shall acquire some sort of prestige" [20, P. 275].

Referring to the issue of the interaction of stratification and situational dimensions of social variability, W. Labov noted that the total variation model can be realized in different ways in different social groups. For example, the language of members of the higher social strata is characterized by the predominant use of "prestigious" forms, and representatives of the lower middle class usually use hypercorrect forms in situations of official communication [18]. Thus, persons wishing to appear erudite in front of others sometimes use hypercorrect forms that can create exactly the opposite effect. Such situation, for example, can be observed in Iran, where residents try to speak literary Persian [21, P. 144-145]. A similar case was investigated in France (Deulofeu 1981; Gadet 1989). The researchers have suggested that unconventional "que" use carries negative social judgment and functions to stereotype working-class speakers [22, 23]. So to analyze an interferema it is necessary to take into account the behavior of communicants in different communicative situations.

The problems of social differentiation of the language are considered in the context of the general problems of language and speech variation due to both social and intralingual reasons. An interdependent interaction of subsystems within national language indirectly reflects the social processes taking place in a society, and the norm serves as the regulator of this interaction. The dynamic nature of norm and social evaluation of norm attitudes causes sociolinguistic interpretation of the norm as a complex variable system of linguistic rules. The study of development pattern of language sociolinguistic subsystems helps identify the prerequisites of language and speech variation at a certain stage of language development depending on communicative situation, and many other factors, including social class, gender, age, ethnicity.

References:

1. Гальперин И.П. Стилистика английского языка., И.П.Гальперин. – М., Высшая школа, 1981.
2. Кухаренко В.А. Интерпретация текста., В.А.Кухаренко. – М., Просвещение, 1988. – 192 с.
3. Швейцер А.Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики., А.Д. Швейцер., Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – Т. 35. No. 4. – М., 1976.
4. Ерофеева Т.И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона / Т.И. Ерофеева., Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 1(7)., С. 21-25.
5. Коровушкин В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолектологического анализа): [Монография], В.П. Коровушкин. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2008. – 167 с.
6. Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социолингвистика и социология языка., Н.Б. Вахтин, Е.В. Головки. – М., Гуманитарная академия, 2004. – 338 с.
7. Юсселер М. Социолингвистика., М. Юсселер. – К., Вища школа, 1987. – 200 с.
8. Labov W. The Social Motivation of a Sound Change., W. Labov., Word, 1963., No. 19., pp. 273-309.
9. Мележик К.А. Морфосинтаксические и лексические особенности английского студенческого социолекта., К.А. Мележик., Науковий вісник кафедри Юнеско КНЛУ. Серія Філологія. Психологія. Педагогіка, 2013., Випуск 26., С. 100-105.
10. Wolfram W. Dialect in Society., W. Wolfram., Coulmas F. The Handbook of Sociolinguistics. – Oxford., Blackwell Publishing, 1998. – P.107-126.
11. Linn Michael. Stylistic Variation in Vernacular Black English and the Teaching of College Composition., Michael Linn., Composing Social Identity in Written Language, ed. By D.L. Rubin. – Hillsdale, NJ., Lawrence erbiun Associates, 1995., pp. 33-46.
12. Milroy L. Language and Social Networks., L. Milroy. – Baltimore., University Park Press, 1980. – 218 p.
13. Burkette A. Constructing identity: grammatical variables and the creation of a community voice., A. Burkette., Journal of Sociolinguistics, 2007., No. 11. pp. 286-96.
14. Bautista L.S., Gonzalez A. Language Surveys in the Philippines., L.S. Bautista, A. Gonzalez. – Manila., Linguistic Society of the Philippines, 1986.

15. Proshina Z.G. Russian English: Myth or Reality? Zoya G. Proshina., Intercultural Communication Studies, 2014. – XXIII: 1., pp. 14-27.
16. Giles H., Powesland P.F. Speech Style and Social Evaluation., H. Giles, P.F. Powesland. – London., Academic Press, 1975. – 218 p.
17. Frank Barbara. Zur Bedeutung von Diskurstraditionen für die Sprachwandelforschung., Barbara Frank., Sammelband 4. – München., Universitätsverlag Göttingen, 2004. pp. 1-24.
18. Labov W. The social stratification of English in New York city., W. Labov. – Washington: D.C., 2006. – 485 p.
19. Петренко А.Д. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации: монография., А.Д. Петренко, Д.М. Храбскова, Д.А. Петренко, С.Ш. Исаев. – Симферополь: Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, 2011. – 274 с.
20. Labov W. The Social Motivation of a Sound Change., W. Labov., Word, 1963., No. 19. pp. 273-309.
21. Beeman O.W. Sociolinguistics in the Iranian world., O.W. Beeman., The Routledge Handbook of Sociolinguistics Around the World edited by Martin J. Ball: Routledge. - New York, 2010. pp. 140-148.
22. Deulofeu, J. 'Perspective linguistique et sociolinguistique dans l'étude des relatives en français', Deulofeu, J., Recherches sur le français parlé, 1981. – 3. – 135 p.
23. Gadet, F. Le français ordinaire / F.Gadet. – Paris: Armand Colin, 1989. – 192 p.

УДК 811.111:81'25

THE PRINCIPLES OF COOPERATION AND POLITENESS IN VERBAL INTERACTION

K. Shapochka, PhD, Associate Prof.
N. Ababilova, PhD, Associate Prof.
Mykolaiv V.O. Sukhomlynsky National University, Ukraine

Conference participants

The article is devoted to the problem of the communicative – pragmatic approach to the analysis of language data, taking into account extra-linguistic context of language units functioning, purpose and situation of communication, characteristics of the speaker and the listener, which are extremely important in the modern transformational society. The language interaction success depends on the right communication strategy. Therefore, principles of cooperation and politeness in verbal interaction were discussed in the article.

Keywords: communication, interaction, cooperative principle, politeness principle, maxims

At the present stage of linguistics development, it is relevant to study the relationship between language and the actual conditions of its operation. It is communicative – pragmatic approach to the analysis of language data when captured extra-linguistic context of functioning units, purpose and situation of communication, characteristics of the speaker and the listener, is important.

Communication between people occurs within the communicative act, which consists of sender and recipient as players of social roles, mental, psychological and other features, spiritual, aesthetic ideals, cognitive peculiarities.

Verbal interactions represent certain “rituals” that occur under accepted rules and laws, the generally “silent” rules [5, p. 173], which impose certain restrictions on communicative behavior of the speaker. Once two individuals come into the communication process, they must “cooperate” with each other, contributing to the communicative process. The restrictions require the speaker to reckon not only with their own intentions and desires but also take into account the feelings and interests of the recipient, as they may vary from the interests and feelings of the speaker. Such coordination involves avoiding incompatible communicative actions, which is due to the observance of politeness principle in communication and the desire to communicative cooperation.

The principle of cooperation (“cooperative principle”) is a unity of maxims (rules) that determine the contribution of the communication process participants in the speech situation that unites them and each of which has its own specific tenets and compliance determines the degree of cooperative discourse, its normativity [4, p. 99].

According to O. Yashenkova, the idea of this principle is to provide communication contribution in the speech act according to the accepted goal of the conversation and regulate the content and the form of utterances that affects communicative interaction productivity [30].

For the first time the principle of cooperation as the principle of communication, which regulates the exchange of information, formulated the American scientist P. Grice, noting that participants interested in the effectiveness of information transfer, and putting forward the idea that the communicants in the exchange of information cooperate with each other and contribute to the discourse. To achieve communication goals participants coordinate their speech, with every stage of the communication they avoid certain speech acts as communicatively incompatible. According to P. Grice, human communication is a conscious cooperative activity but he did not deny the existence of other forms of communication. Cooperative principle was formulated mainly to oral dialogical communication [7].

Therefore, at some point the dialogue communicative contribution of each participant must be consistent with the purpose or the outlined direction of the dialogue.

The cooperative principle requires proper implementation of communicative roles: speaker – listener. It is a common situation in the process of dialogue when someone wanted, but could not speak. Sometimes the excessive speech activity of one partner does not allow the other to express his or her point of view. That is why P. Grice offers four postulates that the author called Maxim (lat. Maxima - the basic rule) of communication: quantity, quality, relevance and manner.

According to the maxim of quantity related to the volume of information to be transmitted, the statement should have the optimal number of informative data. The researcher believes that this maxim is the most important. It involves two things: 1) “Your statement should contain no less information than is required”; 2) “Your statement must contain no more information than is necessary.” Violation of the first postulate leads to an incomplete understanding of the message, reduces the quality of communication and complicates it. The author noted that the second postulate might raise doubts as transmission of unnecessary information can be considered as a waste of time, and not violation of the Cooperative principle. As the speaker did not introduce the listener in the course

of the case, so the speaker does not get the desired effect, i.e. the impact on the interlocutor. The excessive information, in turn, can mislead, confuse the interlocutor, because through this excessive information he may think about the existence of any special hidden purpose, a special meaning.

According to the maxim of quality the statements must be truthful. It also includes two specific things: “Do not say that you consider false” and “Do not say that what you do not have sufficient reason for.” Thus, the essence of this maxim is to avoid such false statements and for which there is no fundamental reason. Giving deliberately misleading information, the speaker will inevitably change the conversation, thoughts and knowledge of interlocutor [7].

According to the maxim of relevance interlocutors should not deviate from the topic of communication. This rule makes the construction of the communicative process based on relevant statements of participants of dialogic interaction. The change of the topic should be marked by speaker and accepted by listener as a natural phenomenon. Violation of this maxim is implemented in speaker’s invasive speech acts that are either irrelevant or inappropriate as for the content of a part of speech interaction of the speaker with the addressee. In addition, the violation of maxim of relevance by speaker is the conscious evasion of speaker from providing information to the addressee, which the addressee requires.

Regarding the presentation of thoughts, ideas, the clearance of information in the conversation, the maxim of manner is distinguished. The main postulates here are “speak clear”, “be brief”, “avoid confusing expressions”, “avoid ambiguity”, “be organized!”. Violation of this maxim may lead to correction of the way of speaking (clarity, loudness, expressiveness) and speaker’s logic of presentation by the listener [7].

Analyzing the scientific achievements of P. Grice, P. Sobolevsky says that maxims of communication should be seen as some rational evidence, that work not only in the field of communication. They do not have strict character and cannot be considered as a law or an axiom. They should rather be regarded as general advice. The question of the final formulation of maxims or outlining their final list is open. As it is also open the question of how to deal with a situation where the use, or rather, compliance of various maxims leads to many versions of what the speaker meant. [2]

P. Grice maxims reflect regulatory requirements (ethical, logical, informative), which the communication must meet and they can be viewed as a guide to sustainable use of language. Violation of these postulates can cause failure in achieving communication goals by speaker. He recognized that these rules are aimed at efficiency and informativeness and do not take into account the expressive aspect of speech.

Some linguists think that P. Grice cooperative principle is not sufficiently realistic, but is abstract and detached from the real social conditions. Among the problems that were not included by P. Grice, the linguists identify the following: deliberate deviation of maxim, maxim violation typology, difficulties in distinguishing maxims [10] as well as certain contexts that limit the application of this principle: humorous discourse, gender differences of communicators, social asymmetry, intercultural competence.

G. Lakoff explains the problems that P. Grice was a logician and studied the problems language philosophy, resulting in a large number of outstanding issues. This researcher was one of the first ones who tried to apply the P. Grice’s postulates in practice. G. Lakoff considered that if communication was strictly subordinated to the above postulates, it would be very boring and formal.

Working on the psychological conditions of cooperation in communication, American linguists D. Gordon and G. Lakoff [8] prove the need to implement postulates of motivation and sincerity of expression.

One of the attempts to expand P. Grice proposed system was made by J. Leech, which pointed to the possibility of supplementing the principle of communicative collaboration with communicative politeness principle. G. Leech has made great contributions to the further study of the Politeness Principle (PP), including Tact Maxim, Generosity Maxim, Approbation Maxim, Modesty Maxim, Agreement Maxim and Sympathy Maxim. The scientist examines politeness as the branch of rhetorical grammar and interprets it as a form of behavior that is based on establishing and maintaining mutual respect between the interlocutors and stresses the need to minimize the exposition impolite thoughts and bring to the maximum expression of polite speech. He distinguishes two aspects of the concept of politeness: politeness as a social norm – courtesy and linguistic politeness aimed at supporting this standard.

According to the researcher, the concept of politeness is incompatible with the group conflict illocutions in which illocutionary goal is in conflict with the social one. In this case, courtesy, politeness as a social category, is meant. Politeness principle is relevant for all groups of speech acts as linguistic politeness as a broad category also includes conflict illocutions. Illocutionary function of prosecution also belongs to a group of conflict illocutions [9]. The scientist highlights that if the cooperative principle deals with common laws of information data operating by participants, the principle of politeness works with their relationship. That is why the scientist believes that the principle of politeness regulates communication more than the cooperative principle. The principle of politeness creates a suitable atmosphere of communication, the normal background for the implementation of communication strategies.

N. Formanovska considers politeness as giving the interlocutor the role that corresponds to his or her social characteristics or in some cases overestimation of his or her role. Thus, politeness opposes to incivility. [3].

Politeness is also considered as a means of adapting the behavior to a particular type of interaction; courtesy, respect for the rules of decency in actions and speech, expression of breeding and respect for other people; agreement on dialogue; or tact.

In a broad sense politeness is defined as the principle of social interaction based on respect for the partner, taking into account its interests, willingness to help, and this principle determines the manner of communicants and regulates the form and content of utterances.

In addition, the principle of politeness is studied as a strategy of verbal behavior aimed at preventing conflict situations [9] for the diplomatic purpose (dignity, self-esteem, prestige, etc.) in situations where there is a threat of losing face. This principle often supports the cooperative one when necessary.

This strategic principle, like the cooperative principle is implemented in the speech by six G. Leech maxims: tact, generosity, approbation, modesty, agreement and sympathy that is essential for any communication. These maxims are specific guidelines that guarantee «order» in interpersonal relations communicators for verbal interaction.

Thus, according to tact maxim interlocutor is supposed to cause minimum inconveniences to others. This maxim limits personal sphere (hidden communication intention, avoiding potentially dangerous topics, unpleasant themes etc.) of dealing with communicative strategies of interlocutor. It takes into account the distance factor regarding verbal communication.

Maxim of generosity warns interlocutors of dominance during the communication process.

Maxim of modesty is based on a realistic self-interlocutors self-esteem that is a prerequisite for the successful implementation of speech act. Its essence is to reject compliments. However, it should be done in such a manner that to avoid offending the person you praise. It is about self-esteem as a speaker, which should not be underestimated or overestimated.

As for the maxim of agreement, it encourages communicants to avoid contradictions and find tolerant ways of conflict resolution. This is a maxim of not being opposite in the process of communication. It is stereotypical opposite one to assertion that truth is born

in a dispute. The current version of this statement is that truth is born in a dispute, but then sympathy dies. In other words, in order to avoid disruption of communication interlocutors should be mutually correct, go to communication concession.

Equally important for effective communication is the maxims of approbation, modesty and sympathy, which involve minimizing feelings of antipathy. These maxims help to resolve the conflict and shift the emphasis from the conflict to its cause with its further discussion.

Taking into account the social regulation of communication, principle of politeness is often given higher status than the cooperative principle as an impolite person may be deprived of communication [4, p. 100].

N. Arutyunova notes that the principle of politeness proposed by G. Leech is asymmetrical by its nature, i.e. what is polite for the addressee may be incorrect impolite for the speaker. Compliance with all the maxims of communication, including the maxims of politeness, can also cause discomfort.

Many scholars, including I. Saprun, share P. Brown and S. Levinson point of view and believe that politeness can be divided into two types: positive and negative. Positive politeness of speech is associated with the implementation of the solidarity, inclusion and joining others into one group with addressee. Negative is connected with addressee's restrictions and desire to avoid conflict. It really depends on the structure of hierarchical relations in society and the social distance between the addressee and others [1].

D. Hymes questioned the principles of P. Grice, because he believed that in every society has its own idea of quantity, quality, relevance and clarity of language. That is why in many cultures maxims data regularly violated [6].

In our view, politeness is a relative concept and is largely determined by the rules of the various communicative situations. It means that what is considered polite in a particular communicative context can be neutral and unacceptable in another one or in the third one.

Therefore, we believe that the cooperative principle and principle politeness are essential principles of interpersonal communication regulation. Adherence to the cooperative principle implies compliance with the politeness principle in the communicative act, which in turn can be seen as a guarantee of an agreement between communicators and effective communicative interaction. Both principles are complementary elements of interaction.

References:

1. Сапрун, И. П. Категория вежливости в английских речевых актах., И.П. Сапрун., Когніт.-прагм. дослідж. мов проф. спілкування. – Х., ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2006., С. 44–49.
2. Соболевський П.А. Принципи кооперації і імплікатури спілкування як основні поняття інференційної прагматики Пола Грайса., П.А. Соболевський., Філософія і політологія в контексті сучасної культури – 2014. – Випуск 8., С.115–119.
3. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. =И. Формановская. – М., Рус. яз., 2002. – 216 с.
4. Яшенкова О. В. Основы теории мовой комунікації : навч. посіб., О.В. Яшенкова. – К., ВЦ «Академія», 2010. – 312 с. (Серія «Альма-матер»).
5. Dirven, R. Cognitive Exploration of Language and Linguistics., R. Dirven, M. Verspoor. – Amsterdam, Philadelphia., John Benjamins Publishing Company, 1998. – 302 p.
6. Hymes Dell H. Discourse: scope without depth II International journal of the Sociology of Language, 57., D.H. Hymes. – 1986. pp. 49-89.
7. Grice H.P. Logic and Conversation., H.P. Grice., Syntax and Semantics., P. Cole, J. Morgan (eds.). – N.Y., Academic Press, 1975. – Vol. 3., pp. 41-58.
8. Lakoff R. The logic of politeness, or, minding your p's and q's. II Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society., R. Lakoff. – Chicago., 1973.,pp. 292-305.
9. Leech J. Principles of Pragmatics. - London; New York., Longman, 1983. - 250 p.
10. Thomas J. Meaning in Interaction. An Introduction to Pragmatics., J. Thomas – London; New York., Longman, 1995. – 430 p.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖАРГОН – НОРМАТИВЕН ЛИ ОН?

Баласанян М.А., канд. филол. наук, ассоциированный проф., руководитель направления «Русская филология» факультета Просвещения, гуманитарных и социальных наук Самцхе-Джавახетский государственный университет, Грузия

**Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике**

Жаргон является частью лексической системы на протяжении всего ее развития, причем, зависящей и от развития всего социума. Данное явление в свое очередь порождает появление и развитие новых жаргонов со своим стилем общения и поведения, в том числе и в профессиональных группах.

Развитие жаргонов носит и исторический характер, хотя происхождение некоторых современных номинаций уже забылось, и они воспринимаются как нечто появившееся недавно. Например, слово «бабки» встречается при описании Москвы 40-ых годов XIX века, а у В. Даля – при описании жаргона «петербургских мошенников». (1,26)

Мотивом формирования профессионального жаргона является не только «закрытость» от непосвященных, но и прагматическая направленность. Например, противостояние конкурентной среде в экономической сфере. Кроме того, можно указать на собственно профессиональный компонент: обозначение конкретных понятий, связанных с профессиональной деятельностью, часто через неозаимствования, не имеющих аналогов в русскоязычной лексической системе. Одной из составляющих может быть и иронический, карнавалыный элемент, направленный на клиента, на «чужого» и выражающий эмоционально-экспрессивное отношение к окружающему миру.

В.С. Елистратов (сторонник французской традиции, обозначивший жаргон как аргю) также выделяет национально-культурологическую традицию. Он отмечает, что аргю является сложнейшей и неотъемлемой частью не только любой человеческой жизни, человеческого поведения, но и всех атрибутов «высокой» культуры. Аргю выражает не застывшую

культуру, а культуру в её динамическом развитии. Арго – это язык людей, которые находятся в процессе творения культуры. Эти люди приноравливаются, пробуют, «зачёркивают». Образно говоря, арго – это черновик будущей культуры. (1,20). Таким образом, можно говорить о профессиональной культуре.

Профессиональный жаргон явление многостороннее. С одной стороны, он является секретным кодом профессиональной культуры, с другой – он выходит за узкие рамки социально-профессионального контекста и используется широкими кругами социума. С одной стороны – они экспрессивное выражение эмоций, с другой – лингвистическая характеристика общества в определённую эпоху.

Лексический состав жаргона очень подвижен: номинации появляются и исчезают, искажаются, объединяются в фраземы, проникают в другие жаргоны и разговорные варианты языка. Причём следует отметить, что процесс происходит как в интра- (за счёт внутренних средств словообразования), так и в интеркультурной среде (за счёт многочисленных заимствований из других языков).

Профессиональные жаргоны могут быть как монокультурными, так и межкультурными. В настоящее время языком формирования неологизмов, в том числе, и в сфере жаргонов, является английский.

Однако рано или поздно закрытая система жаргона раскрывается. Носители жаргона являются проводниками новых номинаций, часто не существующих ранее в русскоязычной системе, в другие сферы общения. Общаясь с другими коммуникантами, они как бы приносят свой стиль как лингвистического, так и экстралингвистического поведения. В этом случае следует обратить особое внимание на процесс карнавальности жаргона. Демонстрируется определённая негативная с точки зрения официальных приличий жаргонная норма, часто находящаяся в оппозиции к официальной культуре и языку.

Следует отметить, что создание профессионально жаргона зависит и от психологического типа личности, общего культурного уровня, образования, традиций.

Жаргоны не существуют сами по себе, а образуют с официальным языком единое целое. Именно через жаргоны литературный язык пополняет свой состав. Они подчиняются общим законам по типу построения целых текстов, словообразования, фонетических и грамматических конструкций. Исключения составляют неозаимствования целиком (без изменений) перешедшие в русский язык и сохранившие особенности англоязычной лингвистической системы. На современном этапе развития русскоязычной системы, наиболее подвержена изменениям лексическая система, так как предлагается огромное количество экзотических, ярко окрашенных эмоционально слов и словосочетаний. Причём, часто номинации реализуются через метафорические, метонимические, оксюморонные образы, выражающие особенно значимые реалии окружающей действительности.

В.Б. Шнейдер также предлагает рассматривать нормативность с культурологической точки зрения, указывая, что сфера нормативного является определённой формой проявления культуры, способом существования и функционирования культурного содержания. Нормативность проявляется во всём поле культуры. Но должное вне интерпретирующего сознания не существует. (3,164).

Следовательно, мы можем сделать вывод о некоторой двойственности нормы. С одной стороны. Норма – это долженствование, руководство к выполнению и соблюдению чего-либо. Например, для языковой системы нормой является соблюдение основных правил построения её подсистем. С другой, нельзя учитывать роль человеческого фактора, оказывающего огромное влияние не только на формирование, но и на изменение тех или иных нормативных соответствий и учитывающего практическую деятельность в той или иной сфере социума.

Таким образом, профессиональную субкультуру также можно рассматривать как определённый стандарт деятельности, предписывающий определённые правила поведения как социального, так и речевого. Однако стоит учитывать интеркультурную и интракультурную составляющие данного вида деятельности. Под интеркультурной составляющей мы понимаем вербальное и невербальное взаимодействие с представителями других социальных групп, в том числе и в сфере международной коммуникации. Под интракультурной – вербальное и невербальное поведение с представителями своей профессионально-ориентированной среды, предписывающие определённые нормы/стандарты, интерпретированные с точки зрения креативного сознания данного психологического типа людей.

В данном случае профессиональная норма приобретает общую значимость и интерсубъективную распространённость в некоем замкнутом сообществе с присущей только ему вербальной и невербальной субкультурой.

Следовательно, норма никогда не бывает индивидуальной, а имеет смысл только в рамках социальной реальности, адресуется некоторому сообществу. В этом смысле любая норма социальна. Генетическим её основанием является некоторая сложившаяся совокупность социальных потребностей. (3,165).

При этом социально-профессиональные нормы могут обуславливать адаптацию личности в профессиональной среде через унификацию поведения и согласование интересов.

В культурнообусловленном контексте существует взаимосвязь между нормативным и ценностным. В языковой системе нормативные и ценностные высказывания также взаимосвязаны. Отсюда появление, так называемых, профессиональных жаргонов внутреннего использования в сочетании с нормативной речью для «непосвященных».

Таким образом, правомерно говорить о некоторой редукции норм к ценностям и ценностей к нормам, то есть то, что ценно в данной профессиональной субкультуре, то и является нормой для ее представителей. Причём, некоторые узальные ценности выходят за рамки профессионального контекста и становятся достоянием широких масс пользователей. Данное явление мы можем наблюдать, например, относительно жаргона менеджмента, который в большой степени пополняет русскоязычный национальный дискурс.

Характер принятия нормативного содержания может быть внутренним (на основании эмоционального переживания) или внешним (в ходе рационального расчёта или вынужденного подчинения). Но каждый человек имеет свою собственную иерархию ценностей и не всегда принимает любую норму или отклонение от нормы. Здесь можно отметить две тенденции. Во-первых, положительное или отрицательное эмоциональное переживание, но принятие вербальных или невербальных неозаимствований с рациональным расчётом и вынужденным подчинением с целью адаптации к профессиональной или любой другой социальной среде. Во-вторых, отрицательное эмоциональное переживание и полное неприятие указанных неозаимствований.

Таким образом, человек, испытывающий нормативное и ненормативное влияние, оказывается перед необходимостью выбора, что требует развитого эмоционального интеллекта, предусматривающего эмпатию, толерантность к межкультурным, в том числе и лингвистическим, системам, гибкость поведения, обладание рядом экстралингвистических компетенций.

Говоря о субкультурной нормативности можно выделить традиционное и рациональное.

Традиционное – осуществляется стихийно, через обычаи, традиции, неформальные нормы каких-либо референтных групп, в том числе и с помощью словесной передачи. Так, профессиональный жаргон можно рассматривать как разновидность традиций той или иной компании, передающейся как «наследуемая» форма общения новым членам команды.

При рациональном нормотворчестве нормы возникают в результате рассудочной деятельности и целенаправленной социальной активности, обусловленной социальными потребностями. Нормы данного типа имеют автора (индивидуального или коллективного), текстуально оформлены, опираются на определённую логическую аргументацию. Важным является также рациональное адаптирование традиционных нормативных систем.

В целом ситуация с заимствованиями остаётся очень неустойчивой: от крайнего их неприятия до позиции выжидания и принятия даже самых экзотических новшеств в надежде, что новая языковая сфера с течением времени сама себя оптимизирует. Полистилистическая культура современного русскоязычного дискурса может определяться, с одной стороны, как лингвистическая мозаика, с другой, как стилевой винегрет. (2,25).

Таким образом, в процессе традиционного и рационального нормотворчества в различных сферах культурного контекста складываются разнообразныe нормативные системы, определяющие качественное своеобразие культуры и процесс её функционирования.

Література:

1. Елистратов В.С. Арго и культура. - М., Изд-во: Моск. ун-та, 1995
2. Вепрева И.Т. языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. - М., Олма-Пресс, 2005
3. Шнейдер В.В. Коммуникация, нормативность, логика. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2002

ПРОБЛЕМИ ТРАНСЛІТЕРУВАННЯ ВЛАСНИХ НАЗВ ЯК ЕЛЕМЕНТІВ ДОКУМЕНТНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

Тур О.Н., канд. філол. наук, доцент

Кременчугський національний університет імені Михайла Остроградського, Україна

Учасник конференції

У статті проаналізовані проблеми, з якими стикаються під час транслітерування власних назв. Зокрема, такі помилки пов'язані з транслітеруванням імен по батькові; передаванням літер я, ю, є, ї; сполуки зг; а також літер, що латиницею передаються двома знаками (к, ц, ч, ш, щ, жє).

Ключові слова: транслітерування, власна назва, латиниця, буква, буквосполучення.

In the article the problems encountered by during transliteration proper names. In particular, the following errors associated with transliteration patronymic names; passing the letters я, ю, е, ї; combination of letters зг; and letters that passed two characters in Roman letters (к, ц, ч, ш, щ, жє).

Keywords: transliteration, own name, Latin, letter, combination of letters.

Документна лінгвістика стикається з низкою проблем, серед яких чи не найскладнішим було й залишається питання написання й транслітерування власних назв латиницею, передусім антропонімів – імен людей, топонімів – назв географічних об'єктів, ідеонімів – назв об'єктів духовної культури, хремотонімів – назв об'єктів матеріальної культури, ергонімів – назв об'єднань людей, як-от: товариств, організацій, етніонімів – назв народів, етнічних груп тощо. Як відомо, документам притаманна властивість максимально однозначно й точно фіксувати інформацію, а тому вони повинні містити лексику, яка сприятиме досягненню комунікаційно-функціональної ефективності. Це стосується формулювання власних назв в угодах, паспортах, приватному та діловому листуванні, резюме іноземною мовою, документах про освіту, під час спілкування в мережі.

Транслітерація, яку розуміємо, як «спосіб передачі іншомовних слів у мові, що запозичує, та припускає умовну тотожність літер у двох мовах. Донорської мови орієнтовано на графічну систему реципієнтної мови» [4, с. 747], ґрунтується на певних наукових принципах: системності, точності, взаємної однозначності, зворотливості, нормативності, традиційності, безпосередності, кодовності [1, с. 75]. Можемо погодитися з Ю. Масловим, який визначив основний принцип транслітерування: «Наукова транслітерація повинна будуватися за принципом взаємооднозначної відповідності між транслітераційними знаками та графемами оригіналу. Це забезпечує стовідсоткову можливість зворотного передавання транслітерованого запису» [2, с. 262]. Тому транслітерація має спиратися на алфавіт мови, що запозичує, та припускає умовну тотожність літер у двох мовах.

Офіційна система українсько-англійської транслітерації, що застосовується при відтворенні українських власних назв засобами англійської мови у законодавчих та офіційних актах, була ухвалена постановою Кабінету Міністрів від 27.01.2010 р. № 55 «Про впорядкування транслітерації українського алфавіту латиницею» [3]. Незважаючи на те, що від часу набуття постановою чинності пройшло сім років, нині почастишали випадки звернення уваги до проблем транслітерування. Це, передусім, випадки оформлення дипломів європейського зразка у вишах, посилення економічних контактів з міжнародною спільнотою, а також пов'язані з можливістю публікування результатів дослідницької діяльності науковців з України в закордонних та вітчизняних журналах (маємо на увазі оформлення References). Звичайно, нині вже існує низка онлайн-конвекторів, що здатні транслітерувати власні назви [5], однак спеціалісти, що працюють з документами, повинні мати навички самостійно виконувати транслітерування відповідно до чинних норм.

Звернемо увагу на кілька моментів, що часто спричиняють помилки у транслітерованих текстах.

Літеру «г» транслітеруємо «h» (Гнат – Hnat, Гвинт – Hvint, Григорій – Hryhorii). Літера «г» транслітерується літерою «g» (Гава – Gava, Галаган – Galagan). З транслітеруванням цих літер бувають труднощі, оскільки раніше майже в усіх словах вони передавалися літерою «g».

З огляду на те, що в російсько-англійській транслітерації, яку використовували раніше, літерам «и», «і» та «й» відповідає літера «u», спостерігається сплутування в сучасному транслітеруванні. Варто пам'ятати, що

	я	ю	є	ї
транслітеруємо в позиції початку слова	Ya Яна – Yana	Yu Юрій – Yurii	Ye Єгор – Yehor	Yi Їжак – Yizhak
транслітеруємо в інших позиціях	ia Ляшко – Liashko	iu Тютенко – Tiutenko	ie Маєнко – Maienko	i Фаїна – Faina

Складними для відтворення інколи бувають українські літери «х», «ш», «ч», «ш», «щ», «ж», які транслітеруємо відповідно в «kh» (Хвіст – Khvist), «ts» (Синиця – Synytsia), «ch» (Чинчик – Chynchyk), «sh» (Шелест – Shelest), «shch» (Щукова – Shchukova), «zh» (Жерех – Zherekh), а також сполука «зг», яку передаємо «zgh» (Мозговий – Mozghovyi).

Як указує Примітка 2 Постанови, «м'який знак і апостроф латиницею не відтворюються» [3]. Тому Святенко – Sviatenko, В'яненко – Vianenko.

Деяку складність становить написання імен по батькові. Так, жіночі імена по батькові транслітуються так: **Петрівна** – Petrivna, **Миколаївна** – Mykolaivna, **Федосіївна** – Fedosiivna. Чоловічі імена по батькові транслітуються так: **Петрович** – Petrovych, **Юрійович** – Yuriiovych, **Васильович** – Vasylovych.

Отже, транслітуючи власні назви латиницею, варто орієнтуватися на вимоги Постанови Кабінету Міністрів від 27.01.2010 р. № 55. Думається, перспективним напрямом подальших напрацювань є дослідження єдиної системи транслітерації для наукових текстів.

Література:

1. Білодід О. Комп'ютерна програма «Українська латиниця», Олесь Білодід, Максим Вакуленко, Олег Вакуленко, Михайло Корнілов, Сергій Нерознак., Тези 4-ої Міжнародної наукової конференції «Проблеми української науково-технічної термінології», Львів, 17–20 грудня 1996 р. – Львів, 1996. – С. 67–75.

2. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: учеб. для филол. спец. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., Высш. шк., 1987. – 272 с.

3. Про впорядкування транслітерації українського алфавіту латиницею [Електронний ресурс]: Постанова Кабінету Міністрів від 27.01.2010., No. 55., Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/55-2010-p/conv>.

4. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія., О.О. Селіванова. – Полтава., Довкілля-К, 2010. – 844.

5. Транліт Укрліт.org: публічна система транслітерації українського алфавіту латиницею [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://ukrlit.org/transliteratsiia#source=0Y7Rg NGW0LnQvtCy0LjRhw>.

КОММУНИКАТИВНАЯ МОЩЬ МОЛЧАНИЯ

Хамзе Д.Г., доктор

Пловдивски университет Паисий Хилендарски, Болгария

Участник конференции,

Национального первенства по научной аналитике,

Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Цель настоящего исследования – представить молчание как неотъемлемую часть коммуникативного процесса и важный фактор в конвергенции языков и культур. Она основывается на семантической многоспектрности и коммуникативной поливалентности молчания, которые находят проявление главным образом в его метафорической суггестивности (аффинитете) и трансцендентных «дарованиях», обеспечивающих межэтническую интеграцию.

Ключевые слова: молчание, семантика, язык, коммуникация, метафора, трансценденция, интеграция.

The purpose of the present survey is to present silence as an inalienable part of the communication process and as an important factor in the convergence of languages and of cultures. This convergence is based on the semantic diversity and on the communicative poly-valence of silence, finding mainly its expression in its metaphoric suggestion (affinity) and in the transcendent potential that grants inter-ethnic integration.

Keywords: silence, semantics, language, communication, mataphor, transcendence, integration

*Вот это тоже вы услышали от меня –
кто самый молчаливый из всех людей
– и хочет быть таким!*

Фридрих Ницше, *Заратустра*

*За исключением моментов,
когда отдается невыразимому,
[...] жизнь являет собой грохот над
лишенным ориентирами пространством,
а вселенная – геометрию,
пораженную эпилепсией.*
Эмиль Чоран

Коммуникация представляет собой социокультурный обмен индивидуальных экспрессивных „мощностей” мышления, который является интегративной (и интерактивной) совокупностью множества языковых и внеязыковых факторов, действующих в синергетическом единстве и перманентно обеспечивающих процесс общения. Она является универсальной антропологической моделью межэтнического со-существования и в силу этого должна использовать рационально и эффективно весь свой богатый потенциал. Притягательная сила молчания для консолидации культур очевидна даже в «а-коммуникативном» аспекте. Это незаменимое средство – надязыковое и панэтническое – познания и понимания как самого себя, так и других. Может быть, именно молчание как неотъемлемая часть коммуникативного континуума, своим внушительным семантическим спектром в состоянии избавить наше общение от пустословия, политической демагогии и идеологической диверсии, от праздно патетики и суетного снобизма. Слова Эмиля Чорана звучат как предупреждение о пагубном влиянии „невменяемой” коммуникации и ее необратимых последствиях. Для него она наша бесперспективная Голгофа, которая не принесет нам спасения, а швырнет нас в Ничто. „Человеку следовало бы слушать только самого себя в бесконечном экстазе непередавае-

мого Слова, выковывать слова для своего собственного **молчания** и созвучия, уловимые единственно его печалью. Но он является болтуном мироздания; он говорит от имени других; я любит множественное число (...). Единственно ложь художника не является тотальной, так как он сочиняет самого себя (...) За исключением моментов, когда отдаемся **невыразимому**, жизнь являет собой грохот над лишенным ориентирами пространством, а вселенная – геометрию, пораженную эпилепсией” [Чоран 2006: 23, здесь и дальше выделенные слова мои – Д.Х.]. Хорошо было бы научиться „смыслопораждающему” и „этнолюбивому” молчанию. Не случайно некоторые культуры „молчат” больше, чем другие. Это подтверждают и рассуждения Эвы Славковой: „Zauważmy, że społeczeństwa zachodnioeuropejskie to kultura przede wszystkim werbalna. Gdy przestajemy mówić, ogarnia nas zdenerwowanie. W kulturach orientalnych cisza nie jest traktowana jako zagrożenie, lecz szacunek wyrażający się w namyśle nad słowami **Drugiego**” („Следует обратить внимание на тот факт, что западноевропейские общества представляют собой прежде всего вербальную культуру. Когда перестаем говорить, мы становимся нервными. В ориентальных культурах **тишина** не воспринимается как угроза, а как уважение, проявляющееся в обдумывании слов **Другого**”) [Славкова 2005: 56–57]. Молчание может быть универсальным средством коммуникации – оно представляет собой ингерентный, имплицитный Речевой акт. Молчаливое взаимопонимание („сговаривание”) является также „языковым” явлением, так как иллюстрирует нашу совместную ориентацию в мире, непрерывно создающую и поддерживающую язык. Молчание – это что-то вроде „чужого” (благословенного, великого, незнакомого, не-конвенционального „чужого”) в собственном коммуникативном ареале и одновременно с этим „свое” – в чужом – гостеприимном, толерантном и великодушном.

Молчание – это и язык, и не-язык. С одной стороны, утверждение, что каждое понимание имеет языковой характер, провокативно. Достаточно обратиться к самому себе и к своему собственному опыту, как советует нам Ганс-Георг Гадамер, чтобы привести вмиг множество контрпримеров, свидетельствующие о том, что именно молчание и тихое понимание представляют собой высшую и глубочайшую суть понимания. С другой стороны, однако, если попытаемся вслушаться в молчание, мы почувствуем его связь с языком – сразу мы столкнемся с такими феноменами, как **молчаливое понимание** или **понимание без слов**. Здесь, очевидно, возникает вопрос (и вовсе совсем не без основания), не являются ли они, хотя в известном смысле, отдельными языками [Гадамер 2003]. В своем исследовании „Язык и понимание” немецкий философ убедительно доказывает поставленный тезис. Феномены, как „немое удивление” и „немое восхищение”, мотивированные выражениями, как „заставил меня проглотить язык”, „онемел”, только на первый взгляд кажутся несвойственны языку. В сущности, то, что заставило нас потерять дар слова, поразило нас с такой силой (и раскрылось триумфально перед охватывающим все большие пространства взглядом), что **нам не хватает слов** описать его. А разве отнятие речевой способности не является также формой проявления языка? И не означает ли это желание сказать так много, что не знаешь с чего начать? Когда язык „спотыкается”, он издает свою способность искать и находить возможность выразить все. Одно из этих открытий – молчание. Следовательно, когда что-то лишает нас возможности выразиться (блокирует нашу речь), оно уже представляет собой **вид речи**, притом такой речи, являющейся не концом, а едва началом высказывания, или хотя бы концом, переливающим в новое начало.

Если зададим себе вопрос, почему молчаливое взаимопонимание (сговаривание) является также „языковым” явлением, мы бы ответили себе – потому что оно иллюстрирует нашу совместную ориентацию в мире, непрерывно формирующую и поддерживающую язык. Несловесные „импульсы” не лишены значения, и их значение имеет характер ориентира.

Глубинная структура высказывания – это молчаливая вербализация его содержания, молчаливая реконструкция его значения в интерпретативном плане и молчаливое повеление к дискурсивному применению.

„(...) ustalenie wartości danej funkcji pragmatycznej wyrażonej niejawnie (...) można uznać za najtrudniejsze w lingwistyce.” („(...) установление значимости определенной прагматической функции, выраженной **неявно**, (...) можем признать самым трудным в лингвистике.” [Авдеев 1987: 50] (по Вертлевски 1995: 35).

Неосознанные или сознательно подобранные комбинации молчаний являются частью „правил игры” в акте коммуникации. „Молчим” о пресуппозиции, но хотим, чтобы адресат ее воссоздал (прочел). „Молчим” также, когда не хотим, чтобы адресат открыл те элементы нашей когнитивной базы, которые мы намерены сохранить только для себя. „Молчим” и когда подготавливаем речевой акт, когда находимся „у его порога”, и нам нужно предвидеть возможные реакции собеседника, так как воспроизведение высказывания является вероятностным (пробабалистическим) процессом, основанным на предвидениях, допущениях, гипотезах, на знании адресата, на наших способностях поставить себя на его место, вникнуть в его положение, сделать выводы и составить суждения с его точки зрения. Но как на территории чужого, так и на территории нашего собственного языка, коммуникация никогда не может быть целиком полноценной (и тот факт будто подтверждается молчанием): во-первых, так как реализуем только часть всеохватывающего смысла через значение [Гуссерль] (остальное „молчание” – так как мы не в состоянии объять полностью смысл), и во-вторых, потому что в акте коммуникации мы исходим прежде всего из самих себя – выдвигаем свои собственные ожидания и интенции, вслушиваемся прежде всего в свои собственные высказывания, разговариваем, как отмечает Августин, с самим собой – даже когда разговариваем с другим лицом, мы не приостанавливаем разговор с самим собой (остальное для нас „молчание” – так как добровольно разговариваем больше с самим собой, чем с другим). Наше неслушание („глухота”) к словам нашего коммуникативного партнера (= молчанию), со своей стороны, тоже превращается в порожденное (и наложенное самому себе) „молчание”, которое ставит нас перед интеллектуальным вызовом – „додумать, сочинить, фантазировать” то, что, вероятно, он „хотел” нам сказать, и истолковать „эвентуально сказанное”, „вроде бы сказанное”. Таким образом молчание превращается в творческий акт и коммуникативный стимул.

Процесс, происходивший в интенсивном и напряженном молчании в зоне воспринимающего, показателен для импликатур как дедуктивных величин. Сосредоточенный на молчании с богатым подтекстом, адресат в состоянии в большой степени понять интенции продуцента, учитывая дословное значение, контекст (самый широкий) высказывания и возможности дискурсивного сотрудничества с партнером.

1.0. Молчание в иллокутивной стратегии комем как речевых актов.

Именно через молчание в речевом ареале комем: иронии, пародии, гротеска¹ – устанавливается и поддерживается баланс между Символическим и Семиотическим (так, как их понимает и толкует Юлия Крыстева). Выявленные субкатегории комического занимают определенный „участок” (притом самый значимый для их идентификации и эффективности) коммуникативной территории собеседников. Продуктор не „выявляет” иронической стратегии своего высказывания и „молчаливо” намекает на нее, а адресат не „выявляет” своего впечатления (восприятия) и „молчаливо” его толкует. В подобном плане рассуждает и Йежи Шимура:

¹ Пространный анализ категорий комического см. в монографии *Езикът на комичното* (Хамзе 2016).

„Illokucyjna moc stanowi zawsze element znaczenia zdania, który podobnie jak inne elementy znaczeniowe, **nie musi być explicitnie wyrażony**, lecz który w oparciu o językowe własności wypowiedzi może zostać zrekonstruowany. Właściwościami językowymi wyznaczającymi między innymi tę część znaczenia wyrażenia są nie tylko jego części składniowe i leksykalne, lecz także akcent, intonacja, operowanie pauzami itp. [Szymura 1982: 235]. (Иллокутивная сила всегда является элементом значения фразы, который подобно другим семантическим элементам **не должен быть выражен эксплицитно**, но который, при поддержке языковых особенностей высказывания может быть реконструирован. Языковые особенности, определяющие эту часть значения фразы, – это не только ее синтаксические и лексические компоненты, но также ударение, интонация, использование пауз т.д.) [Шимюра 1982: 235].

Символическое – это тотальная и всеохватывающая Формализация существования индивида в социальном окружении. Это его лелеянное обособление, мечтанное познание себя, которое делает его одновременно на вид самостоятельным, но на самом деле целиком зависимым от Другого в качестве социального фактора, задающего модель мышления, жизни и деятельности. Порыв к окончательному и безвозвратному отрыву от первичной монолитной Целостности существования в Материнской обители, после опьяняющего узнавания самого Себя в зеркальном образе, затихает в ощущаемом остром дискомфорте „подспудных” проявлений Семиотического, которое так или иначе непрерывно дает о себе знать. Вдруг большое завоевание оказывается пирровой победой. Семиотическое является напластным, внутренним, иерархическим, трехступенным молчанием: 1/ в своей роли первой интеракции межлического характера, первой коммуникации и первого языка. Составляющие этого взаимоотношения – опыт и экспрессии: телесный контакт, ощущение тепла, питание, вокальные и мышечные спазмы, спазмы голосовой и моторной систем, – вот фундамент Семиотического. Это и есть протоязык, который подготавливает место сущего языка из порядка Символического. Следовательно, Семиотическое является первичной, непосредственной и невоображаемой связью с матерью, выраженной через посредство упомянутого протоязыка: ритмы, интонации, эхологии телесной унии (по Белецки 2014: 47). 2/ как знак Первичного, нерасчлененного и неразгаданного, невыразимого и необъяснимого, гетерогенного и неопределенного. Здесь мы раскрываем саму негатию как молчание. По утверждению Юлии Крыстевой, Семиотическое существует вне репрезентации и прежде какого бы то ни было дискурса. У него свои законы и свои правила.

„Nic a znaczy” [...] – oto formuła Kristevej okrešlajaca niewyraźalny temat *Pornografii*. Natomiast w ogólności pisanie Gombrowicza, wliczając w to także *Kosmos* i *Dziennik*, miałyby być niczym innym jak próbą ujęcia w języku płynności doświadczenia, uśłowianiem nazywania tego, co przedjęzykowe i niewyraźalne, kreślenia niepewnych znaczeń na granicy słowa i pożądanego [...]” („Ничто, а значит [...] – вот формула Крыстевой, которая определяет невыразимую тему *Порнографии*. В сущности, обще говоря, написанное Гомбровичем, в том числе *Космос* и *Дневник*, не должно было быть ничем другим, как попытка дать языковое выражение **неуловимого** опыта, усилия быть вербализованным доязыковое и **невыразимое**, наметить „колелблущиеся” значения на грани слова и влечения[...]” [по Bielecki 2014: 49].

Как отмечает Мариан Белецки, этот архаический опыт – воплощенное „молчание” Семиотического (зам. мое – Д. Х.) – не позволяет быть забытым, и его выталкивание никогда не может быть окончательным. Когда появляется Символическое, Семиотическое напоминает о себе как причудливое сочетание физиологического и дискурсивного; активизируется в дискурсе, „вынуждая” его колебаться и размывать свои очертания. Два элемента этого противопоставления не представляют абсолютной оппозиции, а конфигурируются как особый гибрид. Семиотические инстинкты имеют даже свою поэтику использования просодических возможностей языка. Они находят выражение в „молчаливой” (бессловесной) (зам. мое – Д. Х.) материальности языка: тонах, музыке, интонациях, ритмах, аллитерациях, ответственных за флуктуацию уже стабилизированных значений до границы нонсенса или выражения Материнской Первичности. Это, однако, не является репрезентацией, а скорее освобождением и распадом языка через посредство влечений, нарушения (бороздения) гладкой поверхности структуры и его смысла [по Белецки 2014: 49-50].

„Semiotyczne istnienie na granicy języka, na granicy wypowiedalności i inteligibilności. Pojawienie się tego, co semiotyczne, wstrząsa językiem, traumatyzuje podmiot i destrukuje ład symboliczny – Semiotyczne to potencja rewolucyjna [...]” („Семиотическое существование на грани языка, на грани высказываемости и интеллигибельности. Появление семиотического встряхивает язык, травмирует субъект и рушит символический порядок – Семиотическое является революционной стихией [Bielecki 2014: 49-50].

3/ как знак переноса – метафизики и трансценденции, постижимых через посредство философско-эстетической силы комики, и прежде всего гротеска. Своей трансформативной функцией, применяемой в „молчании” эстетического созерцания и перформативной внутренней динамики в поле субъекта, она будто возвращает к Семиотическому и вторично его символизует.

Молчание является частью *дискурсивности языка* как средства познания мира и понимания самого себя. Поль Рикер совершает что-то эпохальное – переворачивает традиционный порядок, установленный современной философией (и это подчеркнуто Халиной Гжмил-Тилутки) – он признает *субъективность целью*, а не началом познания [Гжмил-Тилутки 2010: 29]. Немалая доля этой субъективности отведена молчанию.

Перформативная сила молчания как компромитации и наказания, как же и молчание охваченной страхом жертвы, маркированное повторением, усиливающим недосказанность, проявляется в следующем фрагменте рассказа *Bankiet* (*Банкет*) В. Гомбровича:

W ciszy nieustępliwego milczenia król począł bać się... i dłuższy czas bał się... aż wreszcie jął uchodzić przed radą i przed samym sobą, a plecy jego, odziane w mundur generalski, zniknęły w mroku korytarza [B, BAN, 185].

2.0. „Молчание” метафоры.

Великий Ницше, которого выдающийся болгарский поэт Пенчо Славйков называет „музыкантом в философии и философом в музыке”, а Якоб Буркхарт говорит о нем, что он „в такой степени художник, в какой и ученый” [по Паси 2001: 42] раскрывает волшебства метафоры через ее „молчание”, притом неповторимым образом, как только он умеет. По мнению Исака Паси, „Ницше достигает такого сочетания глубины философской инвенции с блеском художественного изложения, присущего только Платону” [Паси 2001: 42].

„И в своих самых глубоких рассуждениях о глубочайших философско-этических проблемах Ницше думает – именно думает, а не просто пишет – как писатель” [Паси 2001: 42].

„Еще мысль в философии Ницше – это *изящная словесность*, литература” [по Паси 2001: 43].

2 *W ciszy nieustępliwego milczenia król począł bać się... i dłuższy czas bał się... aż wreszcie jął uchodzić przed radą i przed samym sobą, a plecy jego, odziane w mundur generalski, zniknęły w mroku korytarza* [B, BAN, 185].

Для Ницше метафора, метафорическое создание и восприятие оказывается совокупностью всех восприятий органами чувств человека. Именно поэтому каждая метафора индивидуальна – она представляет собой своеобразный путь от определенного индивида (при этом может доминировать тот или иной орган чувств) к определенному предмету, свойству или состоянию его окружающего, вот почему не подлежит типологизированию. Так как метафора индивидуальна, она не поддается классификации [по Паси 2001: 34–35].

„Она предполагает культуру, герменевтический дар **понимать невысказанное за высказанным**, аристократическую утонченность чувств у тех, кто не только ее поймет, но и почувствует ее эстетически” [Паси 2001: 35].

В сущности, не только метафора излучает суггестивную магию невысказанного. Все в языке, что не эксплицировано непосредственно, есть „молчание”. Наше понимание и интерпретация базированы на невысказанном, на умолченном (за сказанным). Русская психолингвистка Александра Залевская убедительно доказывает, что отдельное слово как „мульти-модальный поликодовый гипертекст” является стилизированной, минимализированной и имплицированной (т.е. молчаливой) вселенной познания, чувств, переживаний, настроений, социальной практики, культуры, компетенций, правовой регуляции, коммуникативного тренинга, одним словом, всего когнитивно-прагматического потенциала субъекта, который в каждой лексико-семантической единице „воскрешает” тот или иной аспект этого богатого и многообразного (многоспектрного) „молчания”. [Залевская 2013: эл. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/29004>] То, что слово говорит директно, ничтожно по сравнению с тем, чего оно не говорит, скрывает или „говорит” в молчании за собой. Интересна траектория молчания, которая имеет противоположное направление в зонах Автора и Читателя³. Прежде чем «сказать что-нибудь вслух», т.е. написать для читательской аудитории, А мобилизует весь свой молчаливый резерв, чтобы вербализовать частично его часть, а Ч, наоборот, – прежде чем утонуть в „молчании” интерпретации, чтобы восстановить и воссоздать своим образом и по своему собственному усмотрению текст автора, он его повторяет, т.е. вербализует, читая его. Именно „молчание” за словами А вызывает на первый взгляд неадекватный, до боли банальный вопрос „Что хотел сказать писатель?” Он просто выражает намерение и опыт Ч развезать „молчание” автора, не давая, однако, себе учета в том, что возможные ответы вербализуют его собственное „молчание”. Молчание – это множественность и многозначность интерпретаций. Оно также предыстория, как и постистория слова. Подобно своему герою Заратустра – поэт-пророк и пророк-поэт – Ницше открывает следующее: „Каждое слово пережито глубоко и внутренне, сверхболезненно, из некоторых слов как будто сочится кровь” [Ессе Homo, по Паси 2001: 40]. У них психическая предыстория, которая развивается в молчании; у них также постистория – выстрадавшие и изнеможденные, мы их просто не произносим. Иногда молчание так необъятно, что многословие, словесные эксплозии, свидетельствуют о наших трагических усилиях его покрыть и о невозможности его заполнить. Они, однако, становятся доказательством его вездесущего присутствия и мятежной силы.

3.0. Молчание как трансценденция.

Полифоническое и развернутое молчание смыслового алгоритма *berg* в романе *Космос* Витольда Гомбровича превращает его одновременно в неосемантизм и омнисемантизм. Расстилаясь по всей вселенной, это молчание становится полифункциональным, активизируя множество функций неологической лексем⁴: космотворческой, коммуникативной, креативной, семиотической, эстетической (пластично-изобразительной), синестезивной, игровой и делекативной (развлекательной), провокативной, анти-Формальной, сакральной, эзотерической и профетической, эвристично-демиургической, трансцендирующей, эпистемологической, интегративной (гармонизирующей), коррективной (мелиоративной). Как семантический оксиморон *berg* является двойным молчанием: с одной стороны, это единица максимального семантического охвата и потенциально неограниченной множественности, эластичности и динамики смыслов, а с другой, слишком конкретизированный и „специализированный” в семантическом отношении продукт, который табуирует (умалчивает) конфузный и психически дискомфортный эротический инцидент прошлого героя. Следовательно, *berg* насколько является свехредуцированным (и привидно замкнутым) в семантическом аспекте, настолько и открытым – радиально рассеивающим множество смыслов. Отсюда ощущение амбивалентности, расплывчатости, неокончателности смыслов. Как коммуникативный оксиморон – *berg* является одновременно молчанием и словоохотливостью; акоммуникативностью (недоступностью для каждого), коммуникативной „репрессией” или рестриктивной избирательностью коммуникативного партнера в антропологическом плане и интенсивной перманентной коммуникацией, свех- и омникмуникативностью в космическом плане. Здесь выступает посвятельная функция молчания (молчание как инициация).

Berg кажется самодостаточной конструкцией, словом-шифром, но одновременно отличается бесконечной словообразовательной и синтаксической продуктивностью, подсказанной Молчанием в качестве предопределенности, антиципации. Изобилие лексических дериватов и фразеологических сочетаний с исходной базой *berg* раскрывает семантический „простор” лексем⁵ и разрушает представление об ее герметической, моноцентрической ориентации. Выдавая себя как отрицание коммуникативности, эта криптограмма подчеркнута коммуникогенна на нескольких уровнях. Через нее: 1. изоляция от окружающих компенсируется близким сближением с определенным, выбранным коммуникативным партнером – Витольдом (нарратором); 2. призыв близких и гостей в качестве публики скрытой от их глаз церемонии аутоэротического таинства героя означает приглашение к общению в другом измерении; 3. осуществление молчаливого, но директного общения со стороны Леона с вибрациями космического представляет собой „телепортацию” в другую зону – зону омникмуникативной конвергенции вещей в монументальной симфонии Абсолюта.

*Żona, dziecko, zięć, ksiądz, Lolusie, Tolusie, wszystko z pielgrzymką do rozkoszy mojej, do berg, bergum, frajdusiumberg i ja o północy wberberguję ich aż pod ten kamień, gdzie ja wtedy z nią berg berg bergum berg i w berg! Niech uczestniczą! Pielgrzymkumberg, rozkoszumberg, ha, ha, oni nie wiedzą!*⁵ [K, 103].

Bembergowanie w berg представляет собой, в сущности, пароль гармонического коммуникативного друга Леон – Витольд и „волшебную фразу” о-созвучения с пульсом Вселенной.

О многозначном молчании слова *berg* говорит сам писатель: „Ale **milczenie** to całkowicie harmonizuje z takim interesującym domysłem. Jeśli bowiem dzięki bergowaniu udaje się twórcy znaleźć „po tamtej stronie, po stronie szarady” (рус.: „Но **молчание** полностью гармонирует с этим интересным замыслом – если, благодаря бергованию, творцу удастся оказаться „по ту сто-

3 В дальнейшем будем отмечать их инициалами, соответственно А и Ч.

4 Более подробно о неологизмах см. исследования: Экспрессивный потенциал неологизмов как катализатор гротескогенеза (на материале романа „Космос” В. Гомбровича) [Хамзе 2014] и Экспрессивный потенциал неологизмов как катализатор на гротескогенезата (вверху материал от романа „Космос” на В. Гомбрович) [Хамзе 2015]

5 Супруга, ребенок, зять, священник, Лолечки, Толечковцы, все на поклонение моему экстазу, моему бергу, бергуму, насладумбергу, и я в полночь бембергирую их у этого камня, где тогда я с ней берг берг бергум берг и в берг! Пусть участвуют! Поклонениумберг, сладостумберг, ха, ха, они не знают! [K, 103].

рону, со стороны загадки”) [Dz ‘61, 175] и переносит нас в „sferę, gdzie dział ysię tajemnice, w sferę hieroglifu” (рус.: „сферы тайн, в сферу иероглифа” [К, 68], а его слова дополняет комментарий Александры Окопен-Славинской: „to oczywiste, że nie zechce on wystąpić w roli gadatliwego przewodnika po tych sferach.” (рус.: „очевидно, что ему не хотелось бы предстать в роли назойливого, болтливового гида в этих сферах.” [Окопен-Славинска 1984: 705].

„Бемберговая” теория, как отмечает В. Карпинский, отражает способность человеческого сознания придавать смысл миру [Карпински 1984: 178], извлекая его из молчания (зам. мое – Д. Х.). Трудность дешифровки смысла неологизмов в романе В. Гомбровича усиливает их эстетическую, экспрессивную, космотворческую и гротескоподдерживающую роли. Оказывается, не столь важно, что означают (или скрывают посредством молчания) неологизмы. Важно то, что они могут „сыграть”. Их интерпретативные потенции „выступают” в поддержку трансцендентально-игровой функции гротеска. Молчание как вызов в орбите неологизмов расширяет границы их интерпретативной свободы.

Краткий обзор проблем привел нас к следующим выводам:

1. Молчание своей калейдоскопической семантикой генетически спаяно с коммуникативным процессом и в качестве антропологической категории является не только связующим звеном между этносами и культурами, но и средством очищения общения от настырной демагогии и вербальной показухи.
2. Молчание является одновременно языком и не-языком.
3. Молчание представляет собой креативный акт и дискурсивный стимул.
4. „Молчание” Семиотического с помощью эстетических изобретений комем обеспечивает экзистенциальный баланс Семиотического и Символического.
5. Метафора раскрывает эстетическую и эпистемическую функцию молчания.
6. Молчание оплодотворяет интерпретативные усилия.
7. В зоне неологизмов молчание расширяет неизмеримо свободу толкования. Оно может быть как предопределенностью, так и инициационной процедурой.
8. Молчание является приглашением к рассуждению, прозрению, подведению итогов.
9. Молчание – это иносказательность, метафизика, трансцендентность.
10. Молчание – это сакральность, заслуженная и доступная только для „посвященного”.

Эксперпированная литература:

1. Гомбрович 1986: Gombrowicz, W. Dziennik 1961-1966, Dzieła, t. IX. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986; сокр. Dz ‘61’.
2. Гомбрович 1997: Gombrowicz, W. Bakakaj. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1997, сокр. B: Bankiet, сокр. BAN (pp. 183–192).
3. Гомбрович 2000: Gombrowicz, W. Kosmos. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 2000; сокр. K.

Литература:

1. Белеcki 2014: Bielecki, M. Widma nowoczesności. Ferdynand Witolda Gombrowicza. Warszawa: IBL, 2014.
2. Вертлевски 1995: Wiertlewski, Stefan. Pytania bez odpowiedzi. Pytania jako pośrednie akty mowy. – Poznań., Wydawnictwo Sorus, 1995.
3. Гадамер 2003: Gadamer, H.-G. Język i rozumienie. - Warszawa, Fundacja Aletheia, 2003.
4. Гжмил-Тылутки 2010: Grzmil-Tylutki, Halina. Francuska teoria dyskursu. - Kraków., UNIVERSITAS, 2010.
5. Залевская 2013: Залевская А.А., Что там – за словом? In: Verbal Culture of the Humanity through the Prism of Ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in Philological Sciences, London, IASHE, 2013, pp. 28–31; Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/29004>.
6. Карпински 1984: Karpiński, W. Gombrowiczowska przestrzeń. W: Gombrowicz i krytycy, (red.) Z. Łapiński. - Kraków, 1984, pp. 171–183.
7. Окопен-Славинска 1984: Okopień-Sławińska, A. Wielkie bergowanie czyli hipoteza jedności „Kosmosu”. W: Gombrowicz i krytycy, red. Z. Łapiński. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1984, pp. 693–706.
8. Паси 2001: Паси, И. Фридрих Ницше – философът и писателят. В: Ницше, Фридрих. Раждането на трагедията. Том 1. София: Издателство „Захари Стоянов”, 2001, с. 9–227.
9. Славкова 2005: Sławkowa, E. Style konwersacyjne w perspektywie komunikacji międzykulturowej. W: POSTSCRIPTUM, 2005, 2 (50), s. 46–58.
10. Хамзе 2014: Hamze D. Экспрессивный потенциал неологизмов как катализатор гротескогенеза (на материале романа „Космос” В. Гомбровича). – In: Problems of combination of individualization and Unification in language systems within modern communicative trends. Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the XC International Research and Practice Conference and III stage of the Championship in Philology (London, October 09 – October 14, 2014), 28–34., Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/55743>.
11. Хамзе 2015: Hamze D. Экспрессивный потенциал на неологизмите като катализатор на гротескогенезата (върху материал от романа „Космос” на В. Гомбрович). W: Poznańskie studia slawistyczne. Nom. 8, 2015, 349–366.
12. Хамзе 2016: Hamze, D. Езикът на комичното. – София., ИК „Авлига”, 2016.
13. Чоран 2006: Чоран, Е. Наръчник по разложение. - София, 2006.
14. Шимура 1982: Szymura, J. Język, mowa i prawda w perspektywie fenomenologii lingwistycznej J.L. Austina. – Wrocław., Ossolineum, 1982.

CATEGORY OF AUTHORIZATION IN TERMS OF THE THEORY OF FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD

O. Shatilova, Candidate of Philology
State University of Telecommunications, Ukraine

Conference participant

The paper studies the structural characteristics of the category of authorization in terms of theory of the functional-semantic field. The study determines the principles of the interpersonal interaction, reveals the semantic structure of the category of authorization.

Within the framework of FSF of authorization were distinguished two fields: the field of direct and indirect witnessing. They are divided on micro-fields according to the method of obtaining information. The study defines that each of the distinguished micro-fields has its own means of expression, which often overlap with each other.

Keywords: functional-semantic field, the core, the periphery, the category of authorization.

In the studies of modern linguists has spread a functional approach to linguistic facts and phenomena where as the starting point serves some general meaning, and after that is established a series of multi-level language tools which serve to express this general meaning. This approach originates from language studies in the field of Functional Linguistics.

A function approach to language is based on the concept of language system. Thus, J. Vahek said that the language system is "an instrument of thought and communication", "system of tools that serve a particular purpose" [1]. The basis for distinguishing units in terms of this approach is their functional identity that is caused by common communicative function they perform. This approach represents a functional-semantic principle of studying linguistic phenomena based not on formal or relational properties of language units, but on their meaning and functioning in speech. According to N. A. Slyusareva, a detailed semantic study of linguistic facts is the most distinctive feature of modern approach to the theory of functions in grammar.

The object of study of functional grammar is complex multi-level language tools that interact with each other when performing semantic functions. These complexes have different names given by researchers, among which are: grammar-lexical fields, functional subsystems, and functional-semantic fields. Following the example of A. V. Bondarko and A. I. Belyaev, in this paper the term "functional-semantic field" is used as it reflects both the essence of this language subsystem and its structure. functional-semantic field is a bilateral (content-form) unity, formed by grammatical (morphological and syntactic) means of the language along with the interaction of lexical, lexico-grammatical and word-building elements which belong to the same semantic zone.

Functional systematicity of syntactic categories is a study subject of functional syntax which is aimed at describing the structures by means of which you can express specific categorical meanings. Around certain categorical meaning, semantic center are structured the ways in which this meaning can be expressed.

Among linguists who dedicated their studies to issues connected to FSF are: V. G. Admoni, A. Belyaev, O.V. Bondarko, V. J. Vahek, V.V. Vinogradov, A.V. Gulyha, F. Danesh, Y.M. Karaulov, I.M. Kobozyeva, V.M. Pavlov, Z.D. Popova, N.O. Slyusareva, J.A. Sternin, G.A. Ufimtseva, G.S. Shchur and others. The features of "field approach" are closely related to the linguistic tradition, thus can be found in the works of researchers who may not have used the term "field".

Any field has a dominant. The dominant is constituent which is: 1) the most specialized to express this meaning; 2) the most monosemantic; 3) systematically used.

The subject of the study was the semantic category of authorization which was first represented in terms of the FSF and that ensures the relevance of investigation.

The aim of the paper is to study the category of authorization through disclosing its semantic structure and establishing patterns of interpersonal interaction.

The reason for distinguishing the semantic category of authorization is the existence of a number of language tools of different level, united on the basis of their common semantic functions. Authorization is the classification of information from the perspective of sources from which it originates. It shows itself in opposition of "own / someone else's". The category of authorization has already been in the focus of attention of linguists, but until now its structure has not been studied in terms of functional-semantic field.

G.O. Zolotova describes authorization as one of the ways to complicate the model of a sentence in the line of modus. The essence of this category G.O. Zolotova defines as follows: "... by means of varied (but quite suitable for description) ways into the sentence which contains particular data about realistic information is introduced another cultural-semantic layer that points at the subject, the author of perception, statement or evaluation of reality, and sometimes points at the perceptual pattern" [2]. The means of authorization can be very diverse, from preposition-case form of the name (in *his* opinion) to the two-part verb-noun model (*I see, he believes*). G.O. Zolotova uses the terms "authorizing model" and "authorized model", meaning by the first term the structural-semantic component of the sentence by which is introduced a second subjective layer of expression, and by the second term - the basic model of the sentence, which is complicated by the authorizing component. The researcher identifies several main kinds of authorization:

1. Authorization that introduces the classifying subject. With the help of it are formed two-part name models that include evaluation, classification of objects and phenomena or reveal the meaning or concepts. The reference to "author" can be expressed in the forms of case-preposition construction or "main sentence" in which the authorized model is in the place of "subordinate clause" (*For him, this book is not interesting; It seems to him that this book is not interesting*). However the authorizing model can contain the authorized model (*He regards the article as a mistake*) and conversely the authorized model can contain the authorizing model (*The article is considered as a mistake by him*).

2. Authorization that introduces into message the subject of perception (the content of authorized model is introduced by the verbs "see", "hear", "observe", "feel" and the like). In this case, as in the situation with the classifying authorization, two described above types of interaction are possible: the authorized model contains the authorizing model (*He sees mountains from his window*) and the authorizing model contains the authorized model (*From the window he can see mountains*).

3. Authorization of uncovering (it is intermediate authorization between the authorization of perception and the authorization of classification) uses the words "see", "look for", "reveal" and the like. This model interacts with two- member sentence that inform about the characteristics of the object or the subject of authorizing model.

The structure of authorized model includes the explicit modus, namely some modus frame. According to G.O. Zolotova, the methods of transmitting the hearsay statements are closely connected to the capabilities of communicative registers. T.V. Shmelyova considers the authorization as a modus category with the help of which the information presented in the sentence is classified according to the source of its origin or the ways of its obtaining. The researcher claims that when transmitting the information, the author must classify it. Specially shown is someone else's information, retelling, quotation; when transmitting the information "on one's own behalf" (standard form of presentation of information) the markers can be both explicit and implicit. The authorizing characteristic of utterance, according to T. V. Shmelyova, is obligatory, but the presence of its markers in the statement is optional, which can be explained, firstly, by the principle of "authorization key" – the pointing to the source of information that is extended onto the whole text, from its beginning up to "switching sign" (reference to another source); and, secondly, by the quite tough correlation of dictum content and the way of its obtaining. In general, the views of T.V. Shmelyova on authorization as a special semantic layer in a sentence coincide with the views of G.O. Zolotova.

M.V. Vsevolodova [3] considers authorization within the terms of her concept of functional-communicative syntax in two ways. For one part, she considers the authorized modifications of sentences as a separate implementation of wider category of authorization

described by G.O. Zolotova. Authorized modifications unite the sentences, complicated by both authorizing and modus meanings (evaluation, persuasiveness). For the other part, M.V. Vsevolodova introduces authorization into the dictum of utterance, defining it as part of its content, which is implemented as a typical situation and always consists of at least two components: the subject of authorization (authorizer) and the act of authorization. Authorization, in her opinion, is always implemented in the opposition, where the transmitted information is qualified by a speaker as belonging to him or another person. Based on this opposition were singled out two types of authorization: the subjectified authorization, in which the speaker and authorizer coincide, and the objectified authorization, in which the addressant and the speaker are different persons.

A special opinion at the opposition and own and someone else's words in speech expresses N.O. Kozintseva. The semantic of indication that the information that transmits the speaker is received from another source, so it is not his own knowledge, she attributes to the category of indirect witnessing. The semantics of authorization intersects with the category of witnessing, but does not coincide with it. However, it is difficult to agree with this claim, because the semantics of authorization is wider than witnessing and even contains it. Thus, both direct and indirect witnessing can be authorized. Authorization in general is a correlation of utterance with its source, pointing at the "author" of evaluation, perception, speech and thought.

Therefore, the category of authorization is a wide concept, which the researchers associate with both the subjective layer of sentence and the objective one. Summarizing current views and laying emphasis on the most crucial things, we can conclude that, firstly, authorization is the modus category which classifies the information contained in it from viewpoint of its source as own or someone else's. Secondly, according to this general semantics of authorization can be divided into two types: direct and indirect. Thirdly, authorization is obligatory in terms of content and optional in terms of expression. Fourthly, authorization always creates a new proposal in the structure of sentence, complicating it both semantically and formally. Fifthly, the authorized construction necessarily includes at least two components: the subject of authorization (authorizer) and the act of authorization.

The basic grammatical components of functional-semantic field of authorization are certain forms (a number of forms) and syntactic constructions, united on the grounds of common semantics – the presence of semantic invariant of the meaning of witnessing that reveals the whole range of certain meanings of semantic categories and their options. It is this common semantics and interaction of mentioned above language tools (their compatibility / non-compatibility in the text, possibility to replace one tool by another one in certain circumstances) that gives grounds for distinguishing the category of authorization in Ukrainian language as a semantic core of the functional-semantic field.

As the part of the FSF of authorization serve various grammatical tools and lexical-syntactic constructions. Special tools for expressing semantics of correlation of utterance to its source do not exist therefore it is difficult to focus on a certain dominant of the field. As aptly noted by V.G. Admoni, in fact there is no one single form which would express the category of authorization. Very often fields of this structure have indistinct, not focused dominant and sometimes the center may be lacking. The basic principle of the organization of such field is its partition into microfields.

Structurally the functional-semantic field of authorization can be divided into two fields:

- The field united by the semantics of direct witnessing (information obtained from the speaker's own observations, experience or by ratiocination): *We found no reliable linkage between these data.*

- The field united by the semantics of indirect witnessing (information obtained by the speaker from another source or mediated by his own knowledge, opinion or evaluation of the speaker): *But it's not all that simple, it appeared that we must question ourselves a lot if we conform the values.*

The semantics of direct witnessing, in turn, unites two microfields:

- Microfield of perceptivity (information is obtained from the speaker's own sensory experience): *Since the beginning of June 2014 I have been in Mariupol and later throughout the Donetsk region where the militant actions against the criminal were taking place, and I have never heard the name "Rawlyk".*

- Microfield of inferentiality (information is obtained by ratiocination): *He stands and next to him stand some hefty fellows; I immediately realized – they were undercover agents from Moscow.*

The semantics of indirect witnessing unites three microfields:

- Retelling (the information obtained by a speaker from another person's words or from another source): *Ukrainian citizen Anna Durytska who witnessed the murder of Russian opposition politician Boris Nemtsov told the details of the incident in an interview for "Dosch" TV channel.*

- Evaluation (information mediated from the perspective of positive / negative attitude towards it): *In eastern Ukraine roads are much better.*

- Persuasiveness (information mediated in respect of the aspect of speaker's sureness in its authenticity): *No doubt that the expansion of occupied territories will only multiply the problems of Putin.*

Functional-semantic field of authorization is a system of different-type semantic formations and means of their expression. It is evident that the category of authorization is a framework that forms all the structures that contain additional content layer, which indicates the information received from a certain source. The source can be the speaker himself. Attitude to such information of the subject of speaking or its content determine other meanings that complicate the semantics of authorization – meaning of evaluation, persuasiveness and other. Each of the examined microfields has its own means of expression that often intersect. Therefore, we can talk about the core and periphery zone of the microfields.

The usage of the theory of field for the purpose of studying the category of authorization is a promising direction which is worth to be extended on identifying the whole diversity of the means of authorization and on structuring them within a system of functional-semantic field.

References:

1. J. Vahek. A Prague School Reader in Linguistics. - Bloomington, 1964.
2. G.A. Zolotova. Description of the functional syntax of the Russian language. - Moscow, 2005.
3. M.V. Vsevolodova. The theory of functional-communicative syntax: Fragment application (teaching) language model. - Moscow, 2000.

International Academy of Science and Higher Education

**MATERIAL AND SPIRITUAL FACTORS OF THE PERSONAL CREATIVITY
EXPRESSION IN THE GENERAL SOCIAL PROCESS OF THE CULTURAL VALUES
FORMATION**

Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results
of the CXL International Research and Practice Conference
and I stage of the Championship in Art History, History, Philosophy, Culturology, physical culture and sports
(London, March 16 – March 24, 2017)

**The event was carried out in the framework of a preliminary program of the project
“World Championship, continental, national and regional championships on scientific analytics”
by International Academy of Science and Higher Education (London, UK)**

Published by IASHE
London
2017

Dear friends!

Unlike Florence of the early XVI century famous for its architecture, development of arts, natural sciences, ethical, legal, economic and political thought, agrarian city suburbs on the Arno river bank could not be characterized by tidiness and use of the advanced methods of agricultural production organization. Despite the fact that the Florentine Republic of this period assumed the historically unprecedented degree of political and civil liberty of the least secured ones - the poorest classes of the population, economic dependence of peasants on landlords remained very high.

Undoubtedly, all this was well known to the Florentine diplomat Niccolo Machiavelli when in the summer day of 1505 he decided to entertain the High Representative of the King of France Louis XII with joint horse riding around outskirts of Florence. This horse trip was a result of persistent claims of the French grandee to show him the famous advantages of development of agricultural industry in conditions of republican government.

However the first meeting of high politicians and persons accompanying them with everyday life of the Florentine peasants threatened to present such high self-conceit of Florentines as ordinary bragging...

Approaching one of country settlements, riders saw several dozens of people arguing, pushing each other, shaking their fists and shouting loudly near the edge of a wheat field. Among these people the most notable were the old gloomy bearded man, two strong young guys with gnarly sticks in their hands, and also the disheveled man of average years in the ragged linen shirt.

- The landlord demands early payment of a rent for land from the peasant and immediate return of the land plot. Peasants are angry as they still officially have time before such collecting! – The officer sent by Niccolo to examine the events taking place described the situation to Machiavelli.

After listening to the report Machiavelli dismounted the horse, came closed to participants of the fierce dispute introduced himself. After a calm pause connected with the unexpected visit of the diplomat, debaters aimed their many-voiced streams of explanations, mutual recriminations and threats at Machiavelli.

- Stop! – Niccolo interrupted emotional shouts. – All be silent! You, the landlord, think your claims are reasonable despite the fact that the peasant will be able to harvest and pay off only in a month?

- Of course! – The bearded man exclaimed looking at his assistants armed with sticks. – Who else can be right, if not me? After all, the land is mine!

- And you, the peasant, of course do not agree with him! – Machiavelli looked at the uncombed man and shook his head as a sign of understanding: - I see that you do not agree.

- I address everyone here! – Niccolo exclaimed and looked round the debaters. - The landlord is not right – the

Дорогие друзья!

ГВ отличие от самой Флоренции начала XVI века, ставившей своей архитектурой, развитием искусств, естественности, этической, правовой, экономической и политической мысли, аграрные пригороды города на берегу реки Арно не отличались ухоженностью и использованием передовых методов организации сельскохозяйственного производства. Несмотря на то, что Флорентийская республика этого периода предполагала невиданную за всю историю человеческой цивилизации степень политической и гражданской свободы наименее обеспеченных – низших слоев населения, экономическая зависимость крестьян от землевладельцев оставалась крайне высокой.

Несомненно, все это было хорошо известно флорентийскому дипломату Никколе Макиавелли, когда в один из дней лета 1505 года, он решил развлечь Верховного представителя короля Франции Людовика XII совместной верховой прогулкой по окрестностям Флоренции. Необходимость такого конного выезда стала результатом настойчивых требований французского вельможи продемонстрировать ему наглядно провозглашаемые преимущества развития сельского хозяйства в условиях республиканского правления.

Однако уже первое знакомство высокопоставленных политиков и сопровождавших их лиц с повседневной жизнью флорентийских крестьян, грозило предстать столь высокое самомнение флорентинцев в качестве заурядного бахвальства...

На подъезде к одному из крестьянских селений, всадники увидели, что у края пшеничного поля, толкая друг друга, сотрясая кулаками и громко крича, ругаются около двух десятков человек. Среди этих людей особенно бросались в глаза своей активностью мрачный бородач преклонного возраста, двое крепких молодых парней с суковатыми палками в руках, а также взлохмаченный мужчина средних лет в разорванной холщевой рубашке.

- Землевладелец требует от крестьянина досрочную оплату ренты за землю и немедленное возвращение земельного участка, а крестьяне негодуют, потому что для такого взыскания время не подошло! – объяснил происходящее Макиавелли чиновник, посланный Никколой к месту описанных событий для выяснения их обстоятельств.

Выслушав этот доклад, Макиавелли слез с коня, подошел к участникам ожесточенного спора и представился. После некоторого затишья, связанного с неожиданным появлением дипломата, спорщики обрушили на Макиавелли многоголосые потоки объяснений, взаимных обвинений и угроз.

- Стоп! – прервал эмоциональные крики Никкола. – Всем - молчать! Ты – землевладелец, считаешь, что прав в своих требованиях, несмотря на то, что крестьянин лишь через месяц сможет убрать урожай и расплатиться с тобой?

- Конечно! – воскликнул бородач и покосился на своих помощников, вооруженных палками. – Кому, как ни мне быть правым?! Ведь земля-то – моя!

- А ты - крестьянин, конечно, не согласен с ним! – Макиавелли посмотрел на растрепанного мужчину и покачал головой в знак понимания: - Вижу, что не согласен.

- Я обращаюсь ко всем присутствующим! – воскликнул Никкола и обвел спорщиков взглядом. - Зем-

laws established by the Council of the Commune forbid collection of a rent before harvesting. And of course I will not allow this arbitrariness. But I blame landlords for frequent violation of these norms not as much as you, peasants! Your resignation, passivity, inability to unite and protect own rights, use freedom - all this breaks the system of fair relations in our Republic. This injures it!

With these words Machiavelli jumped on the horse and said thoughtfully to the Ambassador of France:

- I value freedom and acknowledge everyone's right for it. But the life itself can give real freedom only to those able to fill it with purpose, strength and sense...

This digest includes reports, presented on the CXL International Research and Practice Conference "Material and spiritual factors of the personal creativity expression in the general social process of the cultural values formation" and on the I stage of research analytics championship of various levels in Art History, History, Philosophy, Culturology, physical culture and sports.

We are sincerely grateful to authors of works presented in the digest for active participation in international scientific communications, we congratulate winners and awardees of relevant research analytical championships and we look forward to further participation of these scientists in the International Scientific-Analytical Project of the IASHE and to their new ideas and scientific innovations.

Yours sincerely, -
Head of the IASHE International Projects Department
Thomas Morgan

March 27, 2017
London, UK

левладелец не прав – законы, установленные Советом коммуны, запрещают взимание ренты до получения урожая. И я, конечно, не позволю ему чинить произвол. Но виню я в частом нарушении этих норм не столько землевладельцев, сколько Вас, крестьяне. Ваша безропотность, пассивность, неспособность объединиться и защитить свои права, воспользоваться свободой – это то, что, нарушает систему справедливых отношений в нашей Республике, то, что мешает ей!

С этими словами Макиавелли вскочил в седло и, обернувшись к послу Франции, задумчиво произнес:

- Я ценю свободу, и признаю право на неё за всеми. Но сама жизнь склонна наделять настоящей свободой лишь тех, кто способен наполнить её целью, силой и смыслом...

Данный сборник включает доклады, представленные на CXL Международную научно-практическую конференцию «Материальные и духовные факторы выражения творчества личности в общесоциальном процессе формирования культурных ценностей», а также I этап научно-аналитических первенств по искусствоведению, истории, философии, а также культуриологии, физической культуре и спорту.

Искренне благодарим авторов представленных в сборнике произведений за активное участие в международных научных коммуникациях, поздравляем победителей и призеров соответствующих первенств по научной аналитике, а также с нетерпением ожидаем дальнейшего участия этих ученых в «Международном научно-аналитическом проекте МАНВО», их новых идей и научных разработок.

С уважением и наилучшими пожеланиями, -
Руководитель Департамента
международных проектов МАНВО Томас Морган

«27» марта 2017 г.
Лондон, Великобритания

National Research Analytics Championship

Austria
Kazakhstan
Russia
Ukraine

Open European-Asian Research Analytics Championship

Austria
Kazakhstan
Russia
Ukraine

International Scientific and Practical Conference

Austria
Kazakhstan
Russia
Ukraine

EXPERTS OF CHAMPIONSHIPS AND CONFERENCES

HELEN SHENTSEVA (RUSSIA)

Candidate of Philosophy

Place of work: Musical school

Scope of research interests: The questions of artistic (music) education and the problems of understanding of artwork (interaction between a human and a text); the formation processes of network society; the methodological issues of humanitarian and philosophical studies; the network theory.

KHACHATUR AVETIS SANOSYAN (ARMENIA)

Candidate of Education, Associate Professor

Place of work: State Engineering University of Armenia (Polytechnic).

Scope of research interests: water sports, management of training process.

He is the author of more than 40 scientific works, most of which are monographs.

MARINA DEDYULINA (RUSSIA)

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Natural History (RANH), Full member of the European Academy of Natural History (UK, London), Associate member of the Council for Research in Values and Philosophy (Washington, USA), Expert of the “Russian network intelligence” community, Member of the Russian Communication Association, Member of the Editorial Board of the scientific journal “Philosophy Study” (ISSN 2159-5313)

Place of work: Taganrog State Radiotechnical University, Taganrog technological Institute of SFU, Southern Federal University

Scope of research interests: cratology, philosophy of science and technics, social and ethical problems of high technologies

SEVILLE ISMAILOVA (AZERBAIJAN)

Candidate of Philosophy, Associate Professor

Place of work: Baku State University.

Scope of research interests: family, culture, spiritual life, religion, politics, mass communications.

Is the author of more than 50 works, published in republican and international journals, and 5 manuals

TATYANA LUGOVAYA (UKRAINE)

Candidate of Art sciences, Associate Professor

Place of work: Odessa National Polytechnic University.

Scope of research interests: folklore, history of theater, history and theory of culture, innovative management of informational activity.

Is the author of more than 38 scientific articles and methodological materials.

BERHARD NEUMANN (GERMANY)

PhD, ThD, priest, writer, publicist.

JULIE SORELI (FRANCE)

Dr. Est., Expert of National Association of Picture Galleries

OKSANA LAGODA (UKRAINE)

Candidate of Art sciences, Associate Professor, Doctoral Candidate

Place of work: Cherkassy State Technological University

Scope of research interests: Fashion and style, problems of ethnic and national motives transformation in the design practice with condition of preservation of moral, aesthetic and mental values by means of structural and composite, visual and figurative tools; features of pictorial stylistics, as well as formation of genre and stylistic characteristics of modern suit; clothing as an “external” form of identity narrative.

PAK SUNG HOON (SOUTH KOREA)

Litterateur and scientific expert, PhD

SABINA AYAZBEKOVA (KAZAKHSTAN)

Doctor of Philosophy, Ph.D. in Art History, Full Professor

Place of work: Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University

Scope of research interests: Philosophy, History, Culturology, Philology, Educational sciences, Psychology, Sociology, Political science, Art History, Religious Studies

TATYANA MAKAROVA (RUSSIA)

Doctor of Art sciences, Candidate of Technical sciences, Associate Professor

Place of work: The Kosygin State University of Russia.

Scope of research interests: design (including graphical: logotypes, corporate identities, marketing products, posters), fashion, style, image (theory and practice); signs systems in design, signs and symbols in design; semiotics. Experience of research in this area: over 12 years.

TETYANA PANYOK (UKRAINE)

Candidate of Art History, Associate Professor, Head of the «Visual Art» department

Place of work: Kharkiv National Pedagogical University named after G.S. Skovoroda

Scope of research interests: Art, History of Pedagogy, Icon-painting

Scientific works: More than 100 scientific papers mainly in the HAC editions.

RADKO MONCHEV (BULGARIA)

PhD, Licensed football agent, licensed trainer

OLIVIA THATCHER (UK)

DSc, Counsellor of the South Yorkshire Department of External Affairs and Migration Issues

ALEXEY KONOVALOV (KAZAKHSTAN)

Candidate of History, Associate Professor, Professor of History Department, Director of the Center of Social Monitoring and Forecasting, Chairman of the public association “Semey Independent Sociological Center»

Place of work: Semey State University named after Shakarim; General Partnership "Konovalov and company - Sociological center"; Public Association "Semey Independent Sociological Center".

Scope of research interests: Sociology, Applied Sociology, History.

He is the author of 143 scientific works.

GLOBAL
INTERNATIONAL
SCIENTIFIC
ANALYTICAL
PROJECT

AWARD PROTOCOL № 140 c-2017

Date: March 24, 2017

INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION
1 Kings Avenue
Winchmore Hill
London
N21 3NA
Tel: +44 (20) 71939499 / Skype: iashe_
Email: office@iashe.eu
Website: www.iashe.eu

Following the results of the I stage of the Championship in Culturology, Sports and Physical culture, Art History, History and Philosophy, held within the framework of the National Research Analytics Championship and the Open European-Asian Research Analytics Championship, the Championship Organizing Committee and IASHE regional expert council decided to single out the following reports as the best research works presented at the championships:

OPEN EUROPEAN-ASIAN RESEARCH ANALYTICS CHAMPIONSHIP

Absolute championship

Art History

Bronze decoration,
Money bonus in the amount of Euro 25 and 50 credits

Djamile Ayazbekova

Culturology, physical culture and sports

Bronze decoration,
Money bonus in the amount of Euro 25 and 50 credits

Sabina Ayazbekova

Philosophy

Bronze decoration,
Money bonus in the amount of Euro 25 and 50 credits

Elena Shentceva

All the participants of championships except those who were awarded with diplomas receive certificates of participants of the championship.

On behalf of the Organizing Committee and the Commission of Experts
of the I stage of the Championship in Culturology, Sports
and Physical culture, Art History, History and Philosophy
of the National research analytics championship
and the Open European-Asian research analytics championship
Head of IASHE International Projects Department
Thomas Morgan

Morgan

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

<http://university.iashe.eu>

e-mail: university@iashe.eu

Phone: +44 (20) 71939499

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ
НА ОСНОВЕ ОБУЧЕНИЯ ИСКУССТВАМ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРВЫХ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ)**

Аязбекова Д., магистр искусствоведения
Казахстан

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Статья посвящена вопросам формирования креативности в процессе обучения. Данная проблема рассматривается на примере первых локальных цивилизаций, в которых наблюдался пассионарный взрыв креативности. В результате делается вывод о том, что в современный период смены цивилизаций – от индустриальной к постиндустриальной, – одним из эффективных способов повышения креативности может быть обучение искусствам, включенное на все этапы обучения в его полифункциональном значении.

Ключевые слова: креативность, обучение, искусство, шумерская, китайская, индийская, тюркская, древнегреческая и древнеримская цивилизации.

The thesis is dedicated to the questions of formation of creativity in the process of education. The author draws examples from the history of the first world civilizations to analyze whether the 'burst of creativity' can be associated with the rise of these ancient civilizations and if education in arts could have played an important role in developing creativity within these ancient communities.

Keywords: creativity, education, art, Sumerian civilization, Chinese civilization, Ancient Indian civilization, Turkic civilization, Ancient Greek civilization, Ancient Roman civilization.

Социальный процесс формирования креативности как способа создания материальных и духовных ценностей в современном мире приобретает особую значимость. Во многом это связано с тем, что человечество стоит на пороге изменения мировой цивилизационной парадигмы, когда на смену индустриальной мировой цивилизации приходит постиндустриальная цивилизация.

При этом история развития человечества обнаруживает несомненную обусловленность процессов формирования и смены цивилизаций от уровня креативности в обществе. Ибо креативность – это свойство общества и индивидуума, проявляющееся в процессе творческой деятельности и приводящее к созданию новаций.

Понятие «креативность» возникло в 1870 году, однако широкое распространение получило только в середине XX в. [1, с. 10].

Креативность является составной частью и фундаментом гениальности. При этом, если результат деятельности гения отличается тремя признаками – новизной, неожиданностью и пользой [1, с. 11], то креативность ограничивается новациями. Креативность может проявляться не только в художественном творчестве, но и в любой сфере деятельности: государственной, управленческой, экономической, производственной, политической, правовой, бытовой и многих других.

Современные ученые и практики предлагают множество самых разнообразных способов, которые могут повысить креативность. К ним относятся: культивация любопытства, создание потока, постановка целей [2], признание своей креативности, анализ собственного типа личности, самокритичность [3], переключение с конкретного творческого проекта на абстрактное мышление, физические упражнения, использование медитаций осознанности [4] и т.д.

Цель нашего исследования также состоит в поисках способов увеличения креативности в современном обществе. Однако достижение этой задачи мы видим в несколько иной плоскости, а именно – в изучении креативности в цивилизационном развитии человечества. Связано это с тем, что рождение каждой новой – и мировой, и локальной цивилизации – сопровождается пассионарным взрывом креативности. С чем связан такой взрыв, какие условия привели к этому?

Предварительный анализ показывает, что наряду с экономическими, климатическими, политическими факторами, важную роль в становлении цивилизаций, а также переходе от одной – к более высокой стадии развития общества, – играет система образования, а именно развитие творческих способностей личности, в первую очередь, на основе обучения искусствам. Так ли это?

Рассмотрим это на примере зарождения самых первых локальных цивилизаций. В качестве основных проанализируем, какое место занимало обучение искусствам в цивилизациях первого поколения, возникших в период неолитической революции – шумерской, древнегреческой, древнеримской, тюркской, китайской и индийской цивилизациях. Несмотря на то, что каждая цивилизация обладает своим особенным набором индивидуальных, присущих именно данной цивилизации, характеристик, всех их объединяет представление о высочайшем статусе искусства в процессах консолидации племен, формировании государственности, целостности, гармонизации и развития общества.

Шумерская цивилизация.

Шумерская цивилизация – одна из самых древних и загадочных, в которой зародилось огромное количество материальных и духовных ценностей. Созданная в Южном Двуречье, эта цивилизация была одной из самых креативных, подаривших миру величайшие достижения в астрономии, математике, астрологии, судопроизводстве, а также искусстве.

Успехи этой цивилизации во многом связаны с системой образования. Так, в начале III тысячелетия в шумерском городе Уре была создана первая в мире школа, в которой обучали искусству и наукам. Не случайно, что с этой цивилизацией связывают не только достижения в науках, но период шумерской цивилизации – это время расцвета школы и словесно-музыкальных искусств (XXI-XX вв. до н.э.) [5].

Основная цель шумерской школы – «обучение сложному искусству письма» [6]. Письмо для этой цивилизации имело статус искусства, на основе которого и воздвигалась вся система шумерских знаний. И действительно, если посмотреть на шумерские клинописные глиняные таблички, которые находятся во многих музеях мира, то все они представляют собой образцы удивительного по своей красоте декоративно-прикладного искусства. Овладение этим искусством было первым шагом на пути к созданию новых материальных и духовных ценностей. Не случайным в этой связи является и то, что «шумерское искусство начинается с росписи керамических изделий» [5]. Однако следует иметь в виду, что в шумерской цивилизации искусство не было выделено в отдельную, эстетическую сферу деятельности, оно было «призвано функционировать во всех известных обществу пространствах и временах, осуществляя знаковое сообщение между ними» [5]. Пожалуй, именно это способствовало взрыву креативности, что и может объяснить происхождение всех возникших новаций.

Древнегреческая цивилизация.

Рождение древнегреческой цивилизации сопровождалось представлением о преобразующем общество статусе музыки, что обусловило обучение свободных граждан игре на музыкальных инструментах. Так, в обязательном порядке обучались музыкальному искусству жители Аркадии до 30 лет; игра на авлосе считалась необходимостью для граждан таких городов-государств, как Фивы, Спарта и Афины [7].

Древнеримская цивилизация.

Возникновение древнеримской цивилизации связано с восприятием ценностей греческой культуры, поэтому римляне «осваивали греческую философию, формы и стили греческой литературы, искусства, но вкладывали в них свое содержание, развивали в этих новых формах свои идеи и мировосприятие» [8].

Владение искусством, такими как игра на музыкальных инструментах, считались важными составляющими деятельности и имиджа правителей. Так, Император Нерон был прекрасным исполнителем на водяном органе, авлосе, волынке. Будучи на смертном одре, он так оценил свой жизненный путь: «Какой артист погибает!» [9].

Китайская цивилизация.

О том, что музыка управляет Поднебесной, свидетельствует один из ранних источников китайской цивилизации, созданный в 240 г. до н.э. – Люйши чуньцю («Весны и Осени Люй Бувэя»), который объединил в себе сведения по самым разным вопросам становления государства-цивилизации. Важное место в этом памятнике занимает вопрос о центральной роли музыки в гармонизации Поднебесной, напрямую зависящей от «Космической гармонии» и «Музыки Вселенной». Именно поэтому уделялось огромное значение обучению музыке тех, кого готовили к государственному управлению. «Высшей ступенью, искусством искусств остается *дао* – искусство государственного управления, выражающееся в мелосе правителя, его музыке-ритуале. Дело это государственное, поэтому и готовят к нему централизованно, организуя обучение ритуальной музыке непосредственно при дворе правителя, во дворце, в центре» [10, с. 156]. Постигание мелоса демиурга, задающего ритм всего сущего, могло проявиться и в идеальном властвовании *гуна*-правителя, и в «гармонической» деятельности других искусств (*шушу*), занимающих средний уровень в иерархии искусств, и в низшем уровне – в элементарных навыках (*цзи*), и в частных умениях (*цяо*) [10, с. 149].

Примечательно, что постижение самого высокого уровня *дао*-искусства было поэтапным, только после постижения низших форм – механических навыков. Ограничимся лишь их перечислением: навык-*цзи* (автоматизм элементарных действий), умение-*шу* (участие сознания или дедуцирующее знание-умение), *цяо* (виртуозность без постижения сущности искусства). Главным же предметом образования княжичей-*цзюньцзы* становится самостоятельная выработка человечности-*жэнь*, которая противопоставляется натренированности и многознанию [10, с. 140-156]. Доблестные мужи с помощью обучения музыке вырабатывают и высочайший уровень концентрации, позволяющий им пребывать на самом высоком уровне социальной организации общества:

«Как передают, Кун Цю /Конфуций и Мо Ди /Мо-цзы целыми днями распевали вслух свои песни и записи и упражнялись в своих частных искусствах, [поэтому] по ночам они и видели во сне Вэнь-вана и Чжоу-гуна и обращались к ним за советом. [Когда] достигается такая предельно тончайшая (цзин) концентрация воли, чего только не добьешься, в чем только не преуспеешь. Поэтому иногда и говорится: кто точен и аккуратен, с тем говорят нуминозные (шэнь) юлжества-предки. [На самом же деле] это – не сообщения божеств-предков, а просто высокое усердие и прилежание» [ЛШ, 24,5] [10, с. 155].

Древнеиндийская цивилизация.

Представление о том, что происхождение мира связано с музыкой пронизывает и древнеиндийскую цивилизацию. Так, в древнеиндийском трактате Бхараты, владение музыкой приравнивалось к обладанию особой демонической силой, которая дает власть над всем миром, природой и человеком [11, с. 35-37].

Древнетюркская цивилизация.

О высоком статусе музыки в древнетюркской цивилизации свидетельствуют многочисленные археологические артефакты, петроглифы и мифология. К ним относятся изображения на скалах Гобустана (Азербайджан, XII тыс. до н.э.) [12], в урочище Саймалы-таш в Ферганском хребте (Узбекистан, II – I тыс. до н.э.) [13], в каньоне Тамгалы близ Алма-Аты (Казахстан, I тыс. до н.э.) [14], артефакты Пазырыкского кургана (Алтай, V в. до н.э.) [15], долины реки Кара-Каба Катон-Карагайского района (Казахстан, V-VI века н.э.) [16]. Мифы и легенды о сотворении мира, артефакты и петроглифы раскрывают музыку как связующее звено человека и космоса. Эту связь при помощи музыки могли обеспечивать шаманы-музыканты. В их руках музыкальные инструменты воплощали идею бессмертия как движение души между мирами вселенной [17].

Обучение музыки в древнетюркской цивилизации приравнивалось к сакральному действу и основывалось на устном способе передачи информации от учителя к учителю. Этот способ стимулировал креативные способности ученика на основе взаимодействия импровизационности и каноничности.

Выводы

Анализ первых цивилизаций человечества, рождение каждой из которых сопровождалось пассионарным взрывом креативности и, как следствие, – созданием большого количества новых ценностей – и материальных, и духовных, был обусловлен высочайшим статусом искусства в этих обществах. При этом, в свете изучаемого нами вопроса креативности, крайне важным является то, что искусство не было вычлениено в отдельную сугубо эстетическую деятельность, оно входило в синкретическое единство со всеми сферами общественной жизни, что и предопределило ее обязательное включение в систему образования древних цивилизаций. Из этого можно сделать вывод, что, на основе опыта формирования цивилизаций, в современный период смены цивилизаций – от индустриальной к постиндустриальной, – одним из эффективных способов повышения креативности может быть обучение искусствам, включенное на все этапы обучения в его полифункциональном значении.

Литература:

1. Вейнер Э. География гениальности: Где и почему рождаются великие идеи., Эрик Вейнер; Пер. с англ. – Москва, Альпина Паблишер, 2017. – 338 с.
2. Mihaly Csikszentmihalyi. Creativity. Flow and the Psychology of Discovery and Invention Harper Perennial. - New York, 1997.
3. Otto Krotger, David B. Goldstein. Using Your Personality Type to Thrive., Access mode: <http://www.cluber.com.ua/lifestyle/samorazvitie-lifestyle/2014/10/8-sovetov-kak-razvit-kreativnost-ispolzuya-silnyie-storonyi-svoego-haraktera/>
4. Стив Джобс: шесть упражнений для тренировки мозга., Access mode: <http://www.psychologies.ru/psychotherapy/self-development/stiv-djobs-shest-uprajneniy-dlya-trenirovki-mozga/>
5. В.В. Емельянов. Древний Шумер. Очерки культуры. — СПб., «Петербургское Востоковедение», 2001. - 368 с. («Мир Востока», VII).
6. Ромах Н.И. Культурные достижения цивилизации Шумер., Анатолика культурологи. Электронное научное издание. Выпуск 2 (8), 2007., Access mode: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/1660-%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%>

8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D1%86%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%88%D1%83%D0%BC%D0%B5%D1%80.html

7. Закс К. Музыкально-теоретические воззрения и инструменты древних греков., Музыкальная культура древнего мира. – Л., Музгиз, 1937., С. 134-135.
8. Штаерман Е.М.. Древнеримская цивилизация., Древние цивилизации. Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. - М., 1989.
9. Аберт Г. Музыкальная культура Рима., Музыкальная культура древнего мира. – Л., Музгиз, 1937., С. 223-225.
10. Ткаченко Г.А. Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуныцю». – М., Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 284 с.
11. Музыкальная эстетика стран Востока – М., Музыка, 1967.
12. Абдуллаева С. Пастушеская свирель звучит в оркестрах., Искусство., № 1 (55), 2012. – С. 41; Л.С. Бретаницкий, Б.В. Веймарн. Очерки истории и теории изобразительных искусств. Искусство Азербайджана. 1976.
13. Вызго Т.С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. – М., Музыка, 1980., С. 14.
14. Рогожинский А.Е., Аубекеров Б.Ж., Сала Р. Памятники Казахстана. – Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы. НИПИ ПМК МК РК.2004. С. 45-94; Рогожинский А.Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы. История и археология Семиречья. - Алматы. Выпуск 2. 2001.
15. Руденко С.И. Культура населения горного Алтая. М.-Л., 1953., С. 324; Д.Г.Савинов. Об обряде погребения больших пазырыкских курганов., Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. – Санкт-Петербург, 1996. – 111 с.
16. Вологодская Г. Катон-Карагай: Загадки древних тюрков., Республиканская газета «Караван», № 43., 31 октября 2014 г.
17. Аязбекова С.Ш. Археологические музыкальные артефакты и протогенез тюркской цивилизации., 105-ой Международной научно-практической конференции “Событийная структура, а также познавательное, нравственное и эстетическое содержание исторического процесса”, 2 этап первенства по искусствоведению. – Лондон., Международная Академия Наук и Высшего Образования (Великобритания), 2015 г., Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/77107>

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ ГОТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ДИЗАЙНЕ КОСТЮМА И РАЗРАБОТКА ЭЛЕМЕНТОВ БАЗЫ ДАННЫХ

Макарова Т.Л., д-р искусствоведения, проф.

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Россия

Макаров С.Л., канд. техн. наук, доцент

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Россия

Участники конференции,

Национального первенства по научной аналитике,

Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

В статье рассматриваются современные готические образы в дизайне костюма и приведены новые элементы базы данных с результатами исследования.

Ключевые слова: готический образ, дизайн костюма, современный дизайн костюма, база данных по готическим образам.

Modern gothic images in costume design were analysed in article and new elements of database with results of the study were considered in the article.

Keywords: gothic image, costume design, modern costume design, database with gothic images.

Современные готические образы в дизайне костюма почти не исследованы в плане особенностей создания образа костюма, его стиля и актуальной символики [13]. В то же время, многое из того, что сейчас в дизайне именуется готическими образами, не соответствует именно готическим образам не только по форме, но и по смыслу.

Готика была периодом расцвета искусства Средневековья, периодом улучшения климата, создания ярких и светлых образов. Сегодня часто в дизайне цитируется мрачная «готическая» субкультура, которая искажает именно базовые смыслы искусства готического периода: устремленность к Богу, Свету, культ Прекрасной Дамы и благородных рыцарей.

В результате проведенного исследования готических образов за 2007-2017 гг. все цитирования образов Готики в дизайне современного костюма можно классифицировать таким образом:

1. Готический костюм в значении «исторический костюм»;
2. Светлые готические образы, часто полностью не соответствующие традициям того времени, но от этого не теряющие свою привлекательность;
3. Образы, в которых произошла «подмена понятий»: под эгидой Готики нам транслируется мрачная «готическая» субкультура (к тому же, запрещенная во многих странах высокого уровня развития!).

Образы Готики в дизайне современного костюма можно разделить по стилю на классические (почти прямое цитирование готического костюма), авангардные (наименьшее число элементов готического костюма, асимметрия и новые материалы), романтические (утрированные черты готического костюма, от светлых образов до драматичных).

Особенно характерно для современного дизайна костюма в готическом стиле использование новых для готического костюма сочетаний материалов (Рис. 1):

1. Атлас в сочетании с канатом, веревками для создания образа вечернего, но с грубоватыми элементами морской тематики с намеком на «бандажные» платья (Yinqing Yin Spring/Summer 2013);
2. Кожа в сочетании с перьями для создания образа, по сути, как романтического, так и делового (Victorian gothic horror show featuring Dracula! October 11th 2014);

3. Шифон в сочетании с фатином, кружевом, бисером, вышивкой для создания полупрозрачных и прозрачных моделей костюмов (Alexander McQueen Pre-Fall 2012).

Yinqing Yin Spring/Summer 2013

Victorian gothic horror show featuring Dracula! October 11th 2014

Alexander McQueen Pre-Fall 2012

Рис. 1. Готические образы костюма в новых материалах и фактурах

Дизайнерам и стилистам по прическам необходимо грамотно выбирать ткани и фактуры для выражения концепции современной коллекции костюмов в готическом стиле, однако не стоит уходить в мрачность, остроту и драматизм образа: это уже пройденный этап для мировой моды! Сегодня актуально развитие модной тенденции, согласно которой именно светлые, романтические, радостные образы Готики «в тренде».

Удивительны «готические интерпретации» в дизайне современного костюма, в которых есть некая детскость, наивность и игривость, совершенно не характерные для готических образов изначально. В качестве материалов используются замша, шерсть, кожа, шелк и светлые пастельные цвета (розовый, лиловый, зеленый, бежевый, голубой и другие). Стиль и образ данных моделей костюма близок в шестидесятым, семидесятым, восьмидесятым годам XX века, реже встречаются цитаты элементов костюма двадцатых и сороковых годов XX века.

В плане символов в дизайне современного готического образа особенно актуальны: меч, крест, нимб, роза, корона. Элементы доспехов, витражей, стрелчатых арок также интересны современным дизайнерам (подробнее авторы планируют рассказать об этом в отдельной статье). Самое интересное здесь то, что при наличии этих символов и общих черт образа, ассоциирующихся с Готикой, полное соблюдение кроя костюма в готическом стиле уже необязательно, образ итак уже читается как «готический» (Рис. 2).

Melissa Rodwell's Photography Crosses Lines 2006

Jean Paul Gaultier 2007

Рис. 2. Современные готические образы в дизайне костюма: в центре концепции образа символ

Образы Прекрасной дамы очень востребованы в коллекциях современных дизайнеров, их также можно классифицировать: 1) Мадонна, Мадонна с Младенцем, 2) священник / монахиня, 3) воительница из народа, 4) фея, 5) королева, 6) нимфа, 7) рыцарь.

В эпоху эклектики почти все черты многих из этих образов могут быть в одной модели костюма: могут сочетаться черты двух-четырех образов в одном, эклектичном. Например, королева-фея, Мадонна-Королева, королева-рыцарь-вамп (далее представлены на Рис. 3, 4).

Результаты исследования добавлены в компьютерную базу данных «Система символов в дизайне современного костюма» Макаровой Т.Л. и Макарова С.Л. (по символам и образам в дизайне современного костюма) [48] для применения в учебном процессе (Рис. 3, 4). В базу данных в настоящее время вносятся классификации образов в готическом стиле, в т.ч. отдельно внесены подборки иллюстраций на темы «эклектика в современном готическом образе» и «костюм рыцаря в современном готическом образе».

Рис. 3. Таблица из базы данных «Система символов в дизайне современного костюма» (© Макарова Т.Л., Макаров С.Л.): эклектика в современном готическом образе

Рис. 4. Таблица из базы данных «Система символов в дизайне современного костюма» (© Макарова Т.Л., Макаров С.Л.): костюм рыцаря в современном готическом образе

Литература

1. Полозок М.А. Готический орнамент: особенности и применение в современном дизайне костюма., Фундаментальные и прикладные научные исследования: сборник статей Международной научно-практической конференции (13 апреля 2015 г., г. Уфа). – Уфа., РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. – 188 с., С. 158-162.
2. Полозок М.А., Макарова Т.Л. Готические мотивы в дизайне современного костюма., Инновационное развитие легкой и текстильной промышленности: сборник материалов Всероссийской научной студенческой конференции. Часть 2. – Москва., ФГБОУ ВПО «МГУДТ», 2015. – 220 с., С. 137-139.
3. Полозок М.А., Макарова Т.Л. Влияние атмосферы готического периода на дизайн современных коллекций одежды в стиле «Готика», Новое в технике и технологии в текстильной и лёгкой промышленности: материалы докладов Международной научно-технической конференции, 25-26 ноября 2015 г., УО «ВГТУ». – Витебск., 2015. - 374 с., С. 194-195.
4. Макарова Т.Л., Макаров С.Л. Анализ «Системы символов костюма» (ССК) за сезон осень-зима и разработка базы данных и компьютерной программы. – Дизайн и технологии – No. 44. – 2014., С. 6-16.
5. Макарова Т.Л., Макаров С.Л. Результаты анализа «Системы символов костюма» (ССК) за сезон весна-лето и разработка базы данных и компьютерной программы. - Дизайн и технологии – No. 49 (91). – 2015., С. 6-15
6. Макарова Т.Л., Макаров С.Л. Информационные технологии в оформлении модных событий (events): символика новых образов. – Дизайн и технологии. – No. 53 (95). – 2016., С. 6-17.
7. Макарова Т.Л., Макаров С.Л. Информационные технологии в дизайне мероприятий (events) в области моды: 3D голограммы: Моделирование в технике и экономике: материалы международной научно - практической конференции, Витебск , 23–24 марта 2016 года., УО «ВГТУ». – Витебск., 2016. – 557 с., С. 524-527.
8. Макарова Т.Л., Макаров С.Л. Актуальные приёмы оформления модных шоу в 1991-1995 гг.: Предыстория применения информационных технологий. – Успехи современной науки и образования. Т. 5., No. 11. – 2016., С. 163-167.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ БАШКОРТОСТАНА К РОССИИ
(К 100-ЛЕТИЮ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН) / THE BASHQORTOSTAN'S HISTORICAL WAY INTO THE
RUSSIA (TO THE CENTENARY OF THE REPUBLIC OF BASHQORTOSTAN)**

**Масалимов Р.Н., канд. ист. наук, доцент
Башкирский государственный университет, Россия**

**Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике**

28-29 ноября 2017 г. исполняется 100 лет провозглашения автономии Башкортостана. Общественность России собирается широко отмечать этот исторический юбилей. В связи с этим, предлагаю серию статей об историческом пути Башкортостана от древнейших времён до наших дней. Первая статья об объединении разрозненных племён в один башкирский этнос (башкорт) и его вхождении в состав Русского государства.

Ключевые слова: Исторический процесс, историология, историзм, Русское государство, Золотая Орда, Ногайская Орда, Башкортостан (Башкирия).

28-29 November 2017 will be 100 year since the proclamation of autonomy of Bashqortostan. The public of Russian Federation is preparing to celebrate this historical jubilee. So, I present series of articles concerning the Bashqortostan's historical way since the ancient times till the contemporary. First article on the unification of diverse tribes to one Bashkirian (Bashqort) ethnoses, and its entering into the Russian State.

Keywords: Historical Way, Historiology, Historicism, Russian State, Golden Horde, Noghay Horde, Bashqortostan (Bashkiria).

Как известно, исторический процесс представляет сложный и объективный ход событий и явлений, весьма труднодоступный для изучения и понимания из-за специфики источников и методологии. Особенно проблематичным оказывается изучение истории отдельных малых этносов, отдельных регионов, отдельных из-за специфики источников и практического отсутствия письменности у этих народов и племён [3; 9, с. 124-127]. Поэтому ныне возникла и находится в процессе разработки новая наука под названием «историология» [5; 6]. Самым главным принципом исторической науки считается историзм, под которым подразумевают концепцию естественного многообразия человечества или естественного многообразия способов мыслить, чувствовать, желать и рассуждать о добре и о зле, хотя это только первый и притом относительно внешний аспект того, что значит мыслить исторически. Исходя из многообразия духовных миров, реализованных во времени, классические историки могли дать лишь некое метафизическое представление истории. Они рассматривали её как творящее становление: человек во времени создаёт духовные миры, которые являются его творением и вместе с тем его бытием. Человек одновременно является субъектом и объектом истории – выражение, ставшее банальным: когда мы смотрим на мир, к которому мы принадлежим, этот мир кажется нам чем-то внешним. В этом смысле нас ведёт и направляет та социальная среда, в которой мы живём. Но, с другой стороны, эта самая социальная и духовная среда включена своими различными аспектами в сознание того, кто за ней наблюдает: мы живём в российском обществе начала XXI в., это российское общество начала XXI в. многими своими проявлениями представлено в нас и в нашем сознании, через язык, на котором мы говорим, через понятия, которые мы используем, через проблемы, которые ставятся перед обществом. Как отмечал известный философ XX в. Реймон Арон, «человек живёт одновременно в обществе и в изменении; сказать, что человеческое существование исторично, значит, сказать, что на каждом человеке отразилось специфическое влияние эпохи, к которой он принадлежит, что вместе с тем он определяет себя по отношению к этой эпохе или по отношению к представлению, которое он себе создаёт о прошлом, и что, следовательно, его человеческое бытие обрекает его быть гражданином государства, интерпретатором особой культуры, говорить на определённом языке и видеть мир только определённым образом» [2, с. 5].

Следовательно, на основе историзма можно выделить самые основные тенденции историко-социального процесса, которые продолжают формировать наши культурные и национальные представления и убеждения. Относительно истории Башкортостана, истории башкирского народа главные тенденции представляются следующим образом:

- естественноисторическая эволюция древнебашкирских племён в сторону этнической консолидации при более или менее мирном сосуществовании с соседями;
- принятие башкирами Ислама и последовательное пребывание в зависимости от нечуждых для башкир государственных образований (Золотая Орда, Казанское ханство, Ногайская Орда, частично Сибирское ханство);
- вхождение башкир в состав Русского государства и верное ему служение в протяжении столетий;
- стремление к дальнейшей интеграции башкирского этноса в Российское общество на основе межнациональной стабильности и сотрудничества, насколько это возможно.

Действительно, вся история башкирского народа в составе России, тесно связанная с историей народов Поволжья и Урала – русского, татарского, чувашского, марийского, мордовского, удмуртского, украинского и других народов, – это сплошная история компромиссов и толерантности.

После добровольно-вынужденного вхождения Башкирии в состав Российского государства во второй половине XVI в. началась его мирная колонизация русскими, татарами, чувашами, удмуртами, марийцами и другими народами. Резкое увеличение земледельческого населения привело к подъёму производительных сил края. Хозяйственное и культурное взаимодействие башкир с переселенцами способствовало возрождению земледелия среди коренных жителей, особенно в северных и северо-западных областях Башкортостана, Переселенцы, в свою очередь, перенимали у башкир наиболее выгодные приёмы ведения скотоводческого хозяйства, а также некоторые другие навыки и полезный опыт.

Присоединение Башкирии к России оказало громадное воздействие на социально-экономическое, политическое и культурное развитие нашего края. Процесс вхождения Башкирии в состав Русского централизованного и многонационального государства был довольно сложным и противоречивым. Недаром как в дореволюционной, так и в советской историографии не было единого мнения о характере этого процесса. Политическое и социально-экономическое положение Башкирии к XVI в. было таково, что её добровольное признание над собой власти русского царя вполне объяснимо и исторически оправданно.

Однако в условиях политической раздробленности башкиры вошли в состав Русского государства не одновременно. Как правило, каждое башкирское племя направляло своё посольство во главе со своими вождями в Казань, где находился намест-

ник царя. Первыми приняли подданство Русского государства башкирские племена, населяющие западную и северо-западную части Башкирии, входившие в своё время в состав Казанского ханства. Считается, что в течении 1554-1555 гг. башкиры указанного региона в основной своей массе вошли в состав Русского государства [1, 1035].

Вслед за западными башкирами начали принимать подданство Русского государства и башкиры центральных, южных и юго-восточных районов Башкирии, находившиеся под властью Ногайской Орды. Процесс присоединения башкир перенаселенных районов к Русскому государству был более сложным и драматичным в связи с попыткой ногайских феодалов удержать в повиновении башкир.

Башкиры, которые занимали обширную территорию Южного Урала, в конце 1555 — начале 1556 гг. направили объединённое посольство в Казань. На юге Башкирии тогда сложился союз башкирских племён, включающий в свой состав четыре крупных племени Бурзян, Кыпсак, Усерган, Тамьян. Эти племена вошли в состав Русского государства также в ходе острой борьбы с поработителями-ногайцами [4, с. 39].

Итак, в течение 1554-1556 гг. вся европейская Башкирия оказалась в составе Русского государства. Но официальное оформление этого акта произошло в 1557 г. в Москве. Башкирские послы привезли первый ясак в царскую казну и получили жалованные грамоты, в которых были окончательно уточнены и зафиксированы условия добровольного вхождения башкир [1; 4]. Таким образом, башкиры вошли в состав Русского государства на основе соглашения, заключённого между ними и царским правительством, в форме жалованных грамот.

Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству, которое произошло ровно 460 лет назад, было глубоко прогрессивным историческим событием, на что определённо указывали ещё передовые мыслители XIX века.

В целом за четыре с половиной веков совместной жизни на основе то расширяющихся, то сужающихся земельных, культурных, религиозных прав в составе России башкирский и другие народы края накопили положительный опыт совместного существования. Именно это послужило фундаментом верного служения народов Российской империи, начиная ещё с участия в ополчении Минина и Пожарского 1612 и в Отечественной войне 1812 года. А с другой стороны — дружной борьбы за своё национальное существование и культуры в виде многочисленных восстаний, особенно за свои автономии в годы революции и Гражданской войны (1917-1920 гг.). Об этом подробнее речь пойдёт в следующих статьях.

Так, борьба башкир и других народов края за автономию в составе России шла рука об руку. Особенно это видно из взаимоотношений двух коренных народов нашего края — башкир и мари. Первые всероссийские съезды марицкого народа, выработавшие стратегию и тактику руководителей марицкого национального движения, проходили в г. Бирске и фактически в то же время (летом 1917 г.), что первый и второй Курултай (съезды) башкир, проходившие в Оренбурге [7; 8]. Разница была только в том, что башкиры выступали за территориально-национальную автономию, за создание Башкирской республики, а марицы выступали за культурно-национальную автономию, за создание условий для национальной жизни и развития культуры без создания своей республики. Здесь особого противоречия нет. Исторически сложилось так, что среди волжско-финских (восточно-финских) народов марицы выделяются своим высоким уровнем дисперсности (диаспоризации), между прочим, точно, как и татары, что не позволяло им определить территориальные рамки будущей автономии.

Башкортостан ныне представляет собой уникальную этническую композицию, возникшую в результате исторического взаимодействия наших народов, — башкир, мари, татар, русских, чувашей и многих других, их культур и религий. Республика Башкортостан оказалась, таким образом, федеральным субъектом, репрезентирующим российскую специфику этнокультурного разнообразия.

Литература:

1. Азнабаев Б.А. Копия жалованной грамоты Иоанна Васильевича башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву., Вестник Башкирского университета. — 2009. — Том 14., No. 3., С. 1034-1036.
2. Арон Р. Лекции по философии истории: Курс лекций в Коллеж де Франс. — М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 336 с.
3. Из глубины столетий: Древние и средневековые авторы о нашем крае, док. и мат., Сост. Б.Л. Хамидуллин. — Казань., Татар. кн. изд-во, 2000. — 271 с.
4. Кулбахтин Н. Копии жалованных грамот царя башкирам., Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2007., No. 4., С. 35-40.
5. Масалимов Р.Н. Историологический подход к изучению подросткового суицида., International Scientific Investigations — журнал ЦНС «Международные научные исследования». — 2016., No. 4. — Ч. 2., С. 52-56.
6. Масалимов И.Р., Брылякова Е.Б., Масалимов Р.Н. Мультидисциплинарный подход в изучении человека., Роль науки в развитии общества: Сб. ст. Международной научно-практической конференции., 13 января 2015 г. — Уфа, 2015., С. 7-8.
7. Национально-государственное устройство Башкортостан (1917-1925 гг.): Док. и мат. — Том 1 и 2. — Уфа., Китап, 2002-2003.
8. Съезды народа Мари: Док. и мат. 1917-2004. — Йошкар-Ола., 2008. — 832 с.
9. Хасанов Э.Р. Проблема формирования источниковой базы региональной историографии (XIX — начало XX вв.), Уникальные источники по истории Башкортостан. — Уфа, 2001., С. 124-127.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ОБЩЕЕ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ НОМАДИЧЕСКОЙ И ОСЕДЛОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ)

Аязбекова С.Ш., д-р филос., проф., чл.-кор. МАНВО, чл.-кор. РАЕ
Казахстанский филиал, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Казахстан

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Статья посвящена проблеме индивидуального и общего, которая рассматривается в контексте устного и письменного типов музыкальной культуры, а также мировых (номадической и оседлой) и локальных цивилизаций (древнеиндийской, шумерской, дренегреческой, древнеегипетской, древнетюркской, арабо-исламской, западно-христианской). На конкретных примерах показано, что для номадической цивилизации в большей мере характерны сольное формы музицирования, импровизационность, монодия и бурдонное многоголосие, тогда как в оседлой цивилизации доминирующее значение приобретают многоголосие, ансамблевые и оркестровые жанры. Анализ личного, внеличного и надличного обозначает разнообразие индивидуальных связей с Космосом, Всевышним (Духом), Природой, Обществом и Человеком.

Ключевые слова: номадическая и оседлая цивилизации, устный и письменный типы культуры, сольное и ансамблевое музицирование, импровизация и канон, монодия и многоголосие.

The article focuses on the issue of individual vs. collective in the context of non-verbal and written forms of musical culture, as well as world (nomadic and settled) and local (Ancient Indian, Sumerian, Ancient Greek, Ancient Egyptian, Ancient Turkic, Arabic-Islamic, Western Christian) civilisations. The author draws upon various examples to suggest that whereas musical forms of the nomadic civilisation is typically characterized by solo forms of music-making, improvisation, monody and bourdon polyphony, the settled civilisation's interest lies generally in the sphere of polyphony, the ensemble and the orchestral genres. The analysis of individual, non-individual and above-individual characteristics defines multiplicity of connections with the Cosmos, the Supreme (Spirit), the Nature, Society and Human Being.

Keywords: nomadic and settled civilisations, non-verbal and written forms of culture, solo and ensemble music-playing, improvisation and canon, monody and polyphony.

Проблема индивидуального может быть раскрыта только в соотношении к общему – человечеству, цивилизации, культуре, нации, художественному языку, стилю и др. Связано это с тем, что индивидуализация всегда основывается на определенных типологиях, устойчивых стереотипах и структурах. Из этого следует, что пара «индивидуальное – общее» находится в диалектическом единстве с другими коррелятивными признаками – «личным и внеличным», «личным и надличным», «типологическим и специфическим», «устойчивым и вариативным», «коллективным и персональным», «каноничным и импровизационным», «стабильным и мобильным».

Диалектика индивидуального и общего в искусстве раскрывается в органической связи с мировым историческим процессом. Так, формирование на заре неолита двух мировых синхронных цивилизаций – номадической и оседлой [см. подробно: 1] – определило особенности в каждой из них универсальных категорий модели мира, в числе которых индивидуальное и общее. Истории культуры известны также два основных способа передачи информации во времени и в пространстве – устный и письменный. По этому же признаку типологизируются и культуры [2].

Исторически ареал распространения устного типа культуры охватывает территории Азии, Ближнего и Среднего Востока, Африки, Южной Америки и Европы (до средневековья). Что касается письменного типа культуры, то, первоначально возникнув в Европе в эпоху средневековья, с Нового времени получает все большее распространение на всех континентах, постепенно вытесняя устный тип культуры.

Особенности и различия устного и письменного типов культур затрагивают систему образования, формы бытования музыки, шкалу ценностей, особенности творческого процесса, коммуникативных каналов, характеристик тех или иных видов и жанров, соотношение традиций и инноваций и многое другое. Различна мера проявления индивидуального и общего в фольклоре, профессиональной и современной массовой культуре, в жанрах и видах искусства, в стилях и произведениях, мышлении и языке. И все же самым важным в конгломерате составляющих всего культурного процесса остается человек в его связях с обществом, а потому изучение проблемы индивидуального в искусстве в его соотношении с общим позволит раскрыть особенности устных и письменных культур.

Широта контекстуальных связей заставляет обратиться к одному виду искусства и некоторым примерам, которые могли бы обозначить лишь отдельные особенности проявления индивидуального и общего. Рассмотрим данный вопрос на примере профессиональной музыки устной и письменной традиции.

Персонализм и философия избранничества: от номадической к оседлой цивилизации. К. Ясперс, определяя особенности осевого времени, отмечает возросший уровень индивидуализации в его универсализме и космической устремленности, определяя, что именно в эту эпоху человек впервые «осознает бытие в целом, самого себя и свои границы... Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира... Во всех направлениях совершался переход к универсальности» [3, с. 33]. Причину такого духовного взлета А.Вебер видит во вторжении кочевых народов из Центральной Азии [3, с. 46]. На роль кочевых народов, со свойственным им самосознанием «избранничества», в становлении и развитии европейской культуры указывал также Франко Кардини, раскрывая образ средневекового рыцаря, своими истоками восходящего к кочевой цивилизации, с присущим ей шаманизмом [4].

Философия избранничества пронизывает всю шаманскую культуру. В ней шаман – человек особенный, его выбирают духи предков из числа самых достойных, передавая ему дар медиатора миров, знахаря, прорицателя, обеспечивая ему вхождение на Небо и продвижение по всем его слоям. По утверждению Мирча Элиаде, «шаман является великим специалистом по человеческой душе, только он «видит» ее, поскольку знает «форму и предназначение»» [5].

Картина мира, выработанная многими тысячелетиями существования номадической цивилизации, имеет космоцентрическую основу. Такое масштабное восприятие Мира привело и к осознанию особой ценности Человека – его индивидуальности, личностных характеристик, модусу внутреннего мира. В свою очередь, обостренное внимание к личности человека, соединяющее космоцентризм с антропоцентризмом, привело к культурному персонализму и особому типу мышления, который выражался в логике личного, внеличного и надличного.

Объединение номадизма и оседлости наиболее полно произошло в локальной тюркской цивилизации, а потому именно она могла стать тем связующим звеном, который распространял персонализм и универсализм на территории всей Евразии, в особой мере, в период Великого переселения народов. Этот глобальный миграционный процесс, запущенный кочевыми тюркскими народами и охвативший территорию всей Евразии, оказал воздействие и на музыкальную культуру Европы, где впоследствии персонализм проявится на всех этапах своего развития. Известный исследователь европейской музыкальной культуры А. Андреев в этой связи отмечает: «... в ранние века европейская культура, рождаясь из «пены» великого переселения народов, формировалась и самоопределялась как раз постольку, поскольку в ней формировался и отвердевал этот стержень – персонализм» [6, с. 15].

Личное, внеличное и надличное в профессиональной музыке. В номадической цивилизации ярким образцом соединения личного, внеличного и надличного являются древнетюркские квартетные и квинтовые кобызовые кюи. Исследователем кобызовой традиции Г. Омаровой было обнаружено, что при всем разнообразии кюев, сюжет каждого из них выступает толчком для развертывания предельно обобщенной идеи, находящейся в подтексте внешней программы, что выражается «в предельно обобщенных интонациях и типах движения». При этом, «лицо кюя» определяет только начало, за ним следуют стереотипизированные, «кочующие» темы, переходящие из одного кюя в другой. Выражением внеличного же являются единые образно-интонационные комплексы, разворачивающиеся в условиях интонационной, метроритмической и композиционной мобильности. Личное же, как показали кюи Коркута, может раскрываться в моноинтонационности, «монотематике» и «монообразности» [7].

Глубокая связь личного с внеличным (теологическим) и надличным (космогоническим) в музыке раскрывается в исследованиях Аль-Кинди (IX в.) и Аль-Газали (XI в.). Так, Аль-Кинди рассматривал музыку как гармонию небес, тогда как Аль-Газали – как связующее звено между человеческой и божественной душой. Эти представления о музыке достаточно полно проявились в макамно-мугамном жанре (Ближний и Средний Восток, Центральная и Южная Азия) [8].

На универсальный смысл музыки, объединении в ней личного, внеличного и надличного обратил внимание и А. Шопенгауэр, отметив, что значение музыки «...касается внутренней сущности мира и нашего я», «...Мы можем рассматривать являющийся мир и музыку как два разных выражения одного и того же... Музыка, рассмотренная как выражение мира, есть в высшей степени всеобщий язык» [9].

Начиная с XVIII в. особенностью европейской музыкальной культуры стал отход от прикладных функций, в результате музыка получила статус «абсолютной». С этого периода получило наиболее полное выражение субъективное «я», раскрывающее «страсти души», человеческие переживания и эмоции. Показательно высказывание Г. Гегеля, в котором музыка притязает «на крайнюю субъективную проникновенность как таковую; она – искусство чувства, которое непосредственно обращается к самому чувству» [10, с. 279].

Индивидуальное и общее в профессиональной музыке. Профессионализация в музыке возникает еще в древних цивилизациях («Певец Амона» в Древнем Египте [11]; шаманы, баксы, жырау – в тюркской цивилизации). Обусловленная социальной стратификацией и специализацией, она сопровождается персонификацией, когда личное сменяет анонимное. Сам факт вычленения профессиональной музыки из народной свидетельствует о важном этапе – появлении индивидуальной авторской музыки и ее автора (жырау, акына, ашуга, оленши, хафиза, шаира, лютара, менестреля, шпильмана и др.).

Следующий этап – индивидуализация музыкальных стилей. Этот период обозначается формированием и развитием самостоятельных жанров, которые в процессе дальнейшего развития могут интегрироваться с другими видами искусства. В более древней устной традиции – это песни, вокально-инструментальный макамно-мугамный цикл (азерб., арм., тадж., узбек., уйгур., туркм.), дестгах (иран.), дастан (азерб.), кюй (казах.), фалак (тадж.), рага (инд.) и др.

К профессиональным жанрам европейской письменной традиции относятся жанры композиторской, церковной и светской музыки: органум, мотет, месса, хорал (с периода средневековья), опера, соната, симфония (с периода Ренессанса). С эпохи Возрождения в европейской культуре формируется т.н. «автономная музыка». Она уже в полной мере отделена от музыки фольклорной, церковной или придворной, и потому не носит прикладного характера.

XVII-XIX вв. в европейской музыке начинают воплощаться человеческие чувства и эмоции, приобретая ярко выраженный индивидуальный характер. Интерес в этот период вызывает как индивидуальность самих творцов, так и их индивидуальные стили.

В XX-XXI вв. обозначилась еще одна сфера профессионального устного музыкального творчества. Речь идет о таких жанрах, как джаз, рок, поп-музыка и другие, восходящих к традициям афроамериканской музыки.

На всем протяжении письменной музыки заметно ее обращение к традициям устной культуры. В особой мере это находит отражение в индивидуальном стиле тех композиторов, которые исторически продолжают традиции устного профессионализма (творчество азиатских, африканских и афроамериканских композиторов).

Индивидуальное и общее в устной и письменной музыкальной культуре. Деление профессиональной музыки на устную и письменную [12] обозначает их принадлежность к соответствующим типам культуры, с присущими ареалами их распространения. Данная типология культур связана не только с коммуникативными процессами – различием способов передачи культурных ценностей, но и определяет общее состояние культуры.

Сопоставление номадической и оседлой мировых цивилизаций с двумя типами культуры – устной и письменной, очерчивает всеобщий характер распространения устного типа музыкального творчества в номадической и оседлой цивилизациях, тогда как письменного – только в оседлой.

Устный тип музыкальной культуры восходит к глубокой древности – к первоистокам музыки. Выросшая из устной музыкальной культуры, профессионализация приводит к возникновению и дальнейшему развитию нотации: шумерской клинописной, иероглифической, буквенной, невменной (католицизм и православие), хорезмской, тюркской, азербайджанской (абджел), армянской (хазы), древнегрузинской восьмиступенной, знаменной (крюковой) русской, дасийной, линейной, мензуральной и семиступенной на Западе, с XX в. – джазовой (сочетание буквенно-цифровой и линейной записи), компьютерной, экспериментальной и др.

Парадокс заключается в том, что и устный тип профессионализма, и письменный имеют свою нотацию. Однако в устном типе культуры нотирование все же носит символический характер, кроме того, в реальной практике использование нотации практически сведено к минимуму.

Нотация или ее отсутствие имеют особое значение для выражения индивидуального в творческом процессе, жанрах и музыкальном языке. Так, устным культурам присущи сольменные жанры, монодия и импровизационность, тогда как письменным культурам – многоголосие, ансамблевые и оркестровые жанры. При этом устная музыка, будучи авторской, как правило, не закрепляла индивидуальное авторство, тогда как письменность способствовала ее фиксации.

В европейской музыкальной культуре переход от невменного (символического) письма к линейной нотации произошел

только в средние века, способствуя закреплению традиционности и каноничности, господству коллективности и подчинению ему индивидуального начала [13]. Письменная культура, в отличие от импровизиционности устной культуры, задала и основы неприкосновенности «опусной музыки», зафиксировав авторский индивидуальный текст в ноты. И все же только с эпохи Возрождения индивидуальное начало в европейской музыке обретает свое наиболее широкое воплощение.

Сольные жанры в кочевой цивилизации. Для кочевых народов не было свойственно ансамблевое исполнение на инструментах, музыкальное искусство этой цивилизации отличается доминированием сольных жанров. При этом автор и исполнитель составляли, как правило, единое целое.

Сольное исполнение предусматривают и сами музыкальные инструменты (из числа идеофонов, аэрофонов, хордофонов). Не случайно поэтому, и песенное искусство в своем большинстве представляет собой жанры лирических сольных песен, причем с неперенным подчеркиванием первого лица. Что касается инструментальной музыки, то она характеризуется преобладанием устного профессионализма с развитым сольным исполнительством.

Особый интерес представляют чисто вокальные жанры, исполняемые без инструментального сопровождения. К ним относятся песни-плачи похоронного цикла, песни-размышления (о нелегкой судьбе, о тоске по родине [14, с. 15]). Отсутствие в этих песенных жанрах инструментария, доминирование речитации, простых видов интонирования, ритмическое растягивание звуков может быть объяснено приближенностью к сакральному пространству, с его дуализмом «Звук – Безмолвие» [см. подробно: 15].

Ансамблевое и оркестровое исполнение в оседлой цивилизации. Оседлая мировая цивилизация, распространенная на всех континентах в разные исторические периоды, при всем разнообразии типов картины мира, формирует высокую степень близости людей, создавая достаточно обособленные профессиональные и социальные группы. Оседлый образ жизни создает возможности и для стационарного и институционально обособленного способа художественного общения (театры, филармонии, концертные залы). Городская культура способствует формированию ансамблевого и оркестрового музицирования.

Наиболее ранние образцы ансамблевого музицирования зафиксированы в петроглифах и терракотовых фигурах, обнаруженных в локальных древних цивилизациях (тюркской, египетской). Все они представляют изображения групп музыкантов, играющих на разных инструментах (Гобустан – XII тыс. до н.э. [16]; Хорезм – IV-III вв. до н.э. – III-IV вв. н.э. [17]; Афрасиаб – III в. до н.э. – VII в. н.э. [18]; Древний Египет – IV тыс. до н.э. – IV в. н.э. [19, с. 16-27]).

В музыкальной культуре устной традиции Ближнего и Среднего Востока ансамблевое исполнение ярко проявилось в возникновении муканно-мугамного цикла. К примеру, у азербайджанцев в состав таких ансамблей входят ханенде (певец), тарист, кменчист.

В европейской музыке письменной традиции одним из первых известных образцов ансамблевого музицирования является партитура Монтеверди «Орфей». Позже, объединение разнородных групп инструментов привело к образованию оркестра и жанров оркестровой музыки.

Импровизация и каноничность. Коррелятивные признаки устной и письменной музыкальной традиции – импровизиционное и каноничное – выступают яркими репрезентантами индивидуального и коллективного. При этом, импровизиционность, разворачивающаяся непосредственно в ходе творческого акта, становится способом выражения и яркой характеристикой индивидуального музыкального стиля. Говоря же о каноничности в музыке, можно предположить, что она относится к коллективному бессознательному и является способом информационной закодированности. К ним можно отнести композиционные особенности, пространственно-временные закономерности, музыкальные и внемузыкальные образы, устойчивые интонации и ритмоформулы. Сочетание импровизиционности и каноничности порождает вариантность, проявляющая недualность культуры и объединение микро-и макрокосмоса [20, с. 168-171].

Взаимодействие этих двух принципов развертывания музыкального текста апеллирует к взаимодействию индивидуального и коллективного, объективного и субъективного способа развертывания логики музыкальной композиции, что и определяет, в конечном счете, особенности каждого произведения.

Импровизация, с ее канонизированным набором композиционных, интонационных, ритмических и ладовых элементов, присуща жанрам устной музыкальной традиции: эпосу, муканно-макамным циклам, индийской раге, казахскому кюю, афроамериканскому джазу и др. Импровизиционность свойственна и средневековым европейским музыкальным жанрам (устное творчество менестрелей, шпильманов). Что касается письменной европейской профессиональной музыки, то импровизация и импровизиционное интонирование получили распространение на ранних этапах, когда нотирование было весьма приближенным (невменная, линейная и мензуральная письменность), а в Новое время – в творчестве тех композиторов, кто соприкоснулся со стихией импровизиционности устной культуры в силу своих профессиональных интересов (джазовая танцевальность, блюзы в творчестве К. Дебюсси, М. Равеля, И. Стравинского, кюевый и мугамный характер инструментального творчества центральноазиатских композиторов).

Монодия и многоголосие. Индивидуальное и коллективное, наряду с импровизиционностью и каноничностью, раскрывается в таких коррелятивных признаках устной и письменной музыкальной традиции, как монодия и многоголосие.

Соответственно тому, что в номадической цивилизации были распространены сольные жанры, практически отсутствовало и многоголосное пение, а потому основным музыкальным складом выступает монодия. И даже тогда, когда возникало потенциальное многоголосие, исполнялось это одним музыкантом в форме горлового (гортанного) пения. Такой тип был широко распространен у калмыков, башкир (узляу), алайцев, тувинцев (хомей), монголов (хоомей).

Сольные формы – вокальные, инструментальные, вокально-инструментальные преобладают и в бурдонном многоголосии [21, 22]. Вокальное бурдонное многоголосие, распространенное у калмыков, монголов, башкир, алтайцев, тувинцев – это сольное гортанное пение. Инструментальное бурдонное многоголосие достигло высокого уровня в игре на казахских домбре и кобызе, киргизских комузе и кыяке, тувинских топшулуре и игиле, монгольском моринхуре и бурятском хуре, узбекской домбре, туркменском дутаре. Вокально-инструментальное бурдонное многоголосие исполнялось в сопровождении продольной флейты, монгольского и калмыцкого цура, башкирского курая, киргизского чоора и тувинского шоора, казахской сыбызгы [23].

И даже хоровое пение исполнялось во время праздников в форме унисонного пения, при этом группы делились на мужскую и женскую (жар-жар у казахов).

Монодия отличает и устную профессиональную музыку оседлой цивилизации, являясь основой макамно-мугамного цикла в многообразии всех его региональных стилей. Монодизмом отличается и музыка греко-римской локальной цивилизации, европейской цивилизации средневекового периода (григорианский хорал, песни менестрелей, паралитургические песни). Все это может свидетельствовать о проникновении идей персонализма и индивидуализма в оседлую цивилизацию.

История европейской музыки – это поэтапный переход от устной к письменной музыкальной культуре, сопровождающийся

переходом от сольных и унисонных форм к многоголосной профессиональной музыке. Так, по мнению А. Андреева, хоральный стиль отличается контрастом «формальной полнотности унисона неполнотности соло», вокально-полифонический стиль – «пограничной голосовой/субголосовой/неголосовой природой», гомофонно-гармонический – феноменом «скрытого голоса». При этом, независимо от стилевой принадлежности, каждый голос в многоголосии выявляет свою индивидуальную природу, а потому является коррелятом культурного персонализма [24, с. 6-19].

Выводы:

1. Индивидуальное и общее в профессиональной музыке развивается в особенностях разных эпох, культур и цивилизаций.
2. В личном, внеличном и надличном концентрируются индивидуальные связи с Космосом, Всевышним (Духом), Природой, Обществом и Человеком.
3. Цивилизационные особенности находят отражение в складе и функционировании музыки. Для номадической цивилизации в большей мере характерны сольныи формы музицирования, монодия и бурдонное многоголосие, тогда как в оседлой цивилизации доминирующее значение приобретают многоголосие, ансамблевые и оркестровые жанры.

Литература:

1. Аязбекова С.Ш. Мировые цивилизации в системе культурных универсалий., 126-ая Международная научно-практическая конференция «Феномен человеческого творчества в перипетиях исторического процесса», 2 этап первенства по культурологии. – Лондон., Международная Академия Наук и Высшего Образования (Великобритания), 23-30 июня 2016 г. Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/115638>
2. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур., Языки культуры. - М., 1987., С. 3-11.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории; Пер. с нем. – 2-е изд. – М., Республика, 1994.
4. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. - М., Прогресс, 1987. – 384 с.
5. Мирча Элиаде. Шаманизм: Архаические техники экстаза., Access mode: <http://shaman.aha.ru/homepage/shaman/shaman3/index.html>
6. Андреев А. «Голос» в европейской музыкальной культуре. – Вып. 3. – М., Дека-ВС, 2014.
7. Омарова Г. Кобызовая традиция. Вопросы изучения казахской традиционной музыки: Монография. – Алматы, 2009., С. 78-106.
8. Джани-заде Т.М. Рефлексия понятия макама в культуре исламской цивилизации: генезис музыкального феномена., Актуальный вопрос., Access mode: http://docplayer.ru/31939355-Refleksiya-ponyatiya-makam-v-kulture-islamskoy-civilizacii-genezis-muzykalnogo-fenomena.html#show_full_text
9. Шопенгауэр А. О сущности музыки. – Петроград: Музыкальное государственное издательство, 1919. – 42 с., Access mode: <http://www.opentextnn.ru/music/interpretation/?id=2431>
10. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т. 3. – М., 1971.
11. Влади В. Какие тайны искусства Древнего Египта спрятаны в саркофаге “Певца Амона., Access mode: <http://drevniy-egipt.ru/kakie-tajny-iskusstva-drevnego-egipta-spryatany-v-sarkofage-pevca-amona/>
12. Шахназарова Н.Г. Музыка Востока и музыка Запада. Типы музыкального профессионализма. Исследование. – М., Советский композитор, 1983. – 152 с.
13. Сохор А.Н. Музыка., Access mode: <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/078/878.htm>
14. Мусахан О. Традиционная песенная культура казахов Монголии. – Автореферат дисс. ... на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Алматы, 1997.
15. Аязбекова С.Ш. «Музыка=жизнь» и «Тишина=смерть» в тенгрианской философии бессмертия., Cultural and historical development of the society as the dynamic expression of the self-learning human existence. – London: JASHE, 2016., p. 45-48., Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/97692>
16. Абдуллаева С. Пастушеская свирель звучит в оркестрах., Искусство., No. 1 (55), 2012. – С. 41; Л.С. Бретаницкий, Б.В. Веймарн. Очерки истории и теории изобразительных искусств. Искусство Азербайджана. 1976
17. С.П.Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г., Известия Академии наук СССР, серия истории и философии. – Т. IV, 1947, No. 2. – С. 177; С.П.Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М., 1948., С. 177-178; Садоков Р.Л. Музыкальные инструменты древнего Хорезма в памятниках изобразительного искусства IV-III вв. до н.э. – III-IV вв. н.э., Музыка народов Азии и Африки., ред., сост. В.С. Виноградов. - Москва: Советский композитор, 1969., С. 20-34.
18. Вызго Т.С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. – М., Музыка, 1980.
19. Ковбель Ю. Музыка Древнего Египта: особенности., Access mode: <http://drevniy-egipt.ru/muzyka-drevnego-egipta-osobennosti/>
20. Мухамбетова А.И. Статус музыкального произведения и импровизация в традиционной культуре казахов., Аманов Б.Ж., Мухамбетова А.И. Казахская традиционная музыка и XX век. – Алматы., Дайк-Пресс, 2002.
21. Алексеев Э.Е. Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект. – М., Советский композитор, 1986. – 240 с.
22. Бадраа Ж. «Хоомэй» и «Ургын дуу» – специфические явления монгольской традиционной классической музыки., Профессиональная музыка устной традиции народов Ближнего, Среднего Востока и современность. – Ташкент., 1981., С. 116-119.
23. Халтаева Л. Генезис и эволюция бурдонного многоголосия в контексте космогонических представлений тюрко-монгольских народов. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Ташкент, 1991.
24. Андреев А. «Голос» в европейской музыкальной культуре. – Вып. 3. – М., Дека-ВС, 2014., С. 6-19.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ
В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ**

**Аязбекова С.Ш., д-р филос., проф., чл.-кор. МАНВО, чл.-кор. РАЕ
Казахстанский филиал, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Казахстан**

**Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике**

Статья посвящена вопросам индивидуального художественного стиля, который рассматривается как феномен индивидуальных культурных универсалий. На примере локальных цивилизаций, разнообразных культур Европы и Азии, молодежной субкультуры анализируется связь индивидуального художественного стиля со всей системой культурных универсалий.

Ключевые слова: творчество, искусство, автор, индивидуальный художественный стиль, культурные универсалии.

The article focuses on the issue of individual artistic style, considering it as a phenomenon of individual cultural universals. The author analyses connection of individual artistic style with the system of cultural universals on the basis of examples drawn from local civilisations, various cultures of Europe and Asia, and youth subcultures.

Keywords: creativity, art, author, individual artistic style, cultural universals.

Любое профессиональное художественное произведение, обозначившее веку в развитии искусства, воплощает в себе личность его творца – художника, композитора, скульптора, писателя, поэта, драматурга и других создателей великих художественных ценностей. Даже в отдельном фрагменте искушенный слушатель, зритель или читатель всегда отличит индивидуальный стиль Вергилия от Гомера, Ли Сы-сунь – от Ван Вэй, Коркута – от Ихласа, Верди – от Вагнера, Пикассо – от де Кунинга.

Самобытный, яркий индивидуальный художественный стиль (далее – ИХС) возникает далеко не у всех творцов, а только у тех, кто смог воплотить в своем творчестве новые идеи, образы эпохи, методы и средства выразительности. Такие творцы отличаются от своих собратьев по цеху глубиной своего ума, исключительностью своей личности, смелостью в преодолении незыблемых догм и традиций, а совершенство их произведений формирует особую «моду» на созданные инновации и стилистическую эталонность, которая может быть многократно повторенной в произведениях других творцов, в т.ч. и принадлежащих другим культурам. Такое масштабное значение и распространение ИХС в различных культурных мирах дает возможность причислить этот феномен искусства к индивидуальным культурным универсалиям.

1. ИХС как феномен индивидуальных культурных универсалий.

ИХС создателя художественного произведения формируется в единстве его таланта, взглядов и приемов с историческими, мировоззренческими, социальными и этнокультурными характеристиками совершенно определенного времени и локального пространства. В нем, безусловно, высвечиваются качественные характеристики и формообразующие принципы той культуры, к которой он принадлежит; времени, в рамках которого он и проживает свою творческую жизнь; художественного языка, обеспечивающего общее семантическое поле всех участников художественного процесса – создателей, исполнителей и слушателей.

В своем творчестве создатели художественных произведений, иногда самым неожиданным образом, соединяют прошлое, настоящее и будущее, традиции и инновации, эндогенность и экзогенность. Стало быть, ИХС является сложнейшей комбинацией, он складывается из многих составляющих: социокультурным и историческим контекстом; многогранной личности самого автора с присущим ему мировоззрением и мышлением; индивидуального творческого метода и авторского способа использования общепринятого языка того или иного искусства.

Индивидуальные культурные универсалии определяются индивидуальной картиной мира творца, поскольку репрезентируют личностное восприятие мира, характеристики автора и результаты его творческой порождающей деятельности – художественными ценностями. На протяжении всего творческого пути у автора могут меняться и развиваться мировоззренческие координаты и методы; новые образы и идеи наполняют каждое новое произведение, формируя стилистические периоды (к примеру, в творчестве Пикассо – «розовый» и «голубой» периоды), стиль отдельного произведения или единичного его элемента (полистилистика у И. Стравинского) [1, с. 134-135].

ИХС, репрезентируя индивидуальную картину мира творца, реализуется в результатах творчества – в художественных произведениях. При этом между разными текстами одного и того же автора устанавливается семантическая эквивалентность, которая может проявляться в драматургии, композиции, средствах художественной выразительности, присущих тому или иному языку искусства и жанру. Такая семантическая эквивалентность формирует некий инвариантный код, который и определяет смысловое развертывание текста. В результате возникают определенные, свойственные именно этому автору, текстопорождающие константы и доминанты [2]. Именно они определяют особенности творческого процесса, помогая избежать эклектичности и связывая его с внешним реальным миром, традицией и публикой.

ИХС, будучи феноменом индивидуальных культурных универсалий, имеет открытый характер, не только формируя определенный посыл в будущее, но и в свернутом виде объединяя в себе отдельные элементы всей системы культурных универсалий, включающей, наряду с индивидуальными, социально-групповые, этнические, локально-цивилизационные, континентальные, мировые и космологические культурные универсалии.

2. ИХС и социально-групповые культурные универсалии.

К социально-групповым культурным универсалиям могут быть отнесены субкультуры – возрастные, этнические, профессиональные и другие. Будучи внутри доминирующей культуры относительно самостоятельной ценностно-нормативной подсистемой определенной социальной группы, субкультуры формируют свои характеристики, смыслы, нормы, ценности и обычаи [3].

Наиболее ярко индивидуальный стиль постулируется в молодежных субкультурах: хипстеры, панки, хиппи, металлисты, и другие [4]. Многие из них пропагандируют свободу личности, самоидентификацию, культ индивидуализма, отказ от общепринятых в доминирующей культуре традиций, ценностей, норм морали и поведения. «Культура отчуждения», система стандартов, определяющая принадлежность к группе [5], вызов обществу, эпатаж, может охватывать в этих субкультурах все сферы общественной и индивидуальной жизни, включая внешний вид и музыкальные предпочтения.

Молодежные субкультуры достаточно часто формируются на основе тех или иных музыкальных жанров – джаза, рока, хип-хопа, метала и других. Восходя к индивидуальным стилям таких композиторов и музыкантов, как Джелли Ролл Мортон, Луи Армстронг, Роберт Донсон, Лидбелли, Кул Херк, и музыкальных групп Cream, Blue Cheer, Deep Purple, эти субкультуры в дальнейшем коммерциализируются, становясь частью глобальной массовой культуры.

В противовес западным молодежным субкультурам, постулирующим индивидуальную независимость и оторванность от традиций, в России в неязыческой субкультуре, возникшей в 1980-1990-х гг. и аналогичных субкультурах других стран, реконструируется язычество, со свойственным ему традиционным мышлением и мифологическими архетипами. В искусстве такое обращение к прошлому определяет особенности ИХС (роман-эссе «Память» В. Чивилихина [6]).

В современном обществе социально-групповые границы достаточно зыбки, поскольку человек даже в течение короткого промежутка времени может выполнять разные социальные роли, переходя от одной субкультуры к другой. Это нашло отражение и в художественном творчестве, когда раскрывая эту неоднородную идентичность с присущей ей подвижностью, многогранностью, формируется полистилистический индивидуальный стиль творца. Именно поэтому все чаще характеристиками ИХС современных художников и композиторов, становясь фрагментарность и использование методов коллажа (представители авангарда, поп-арта).

3. ИХС и этнические культурные универсалии.

Каждый этнос, в процессе своего исторического развития, вырабатывает свою картину мира, свою идентичность, которая ярко проявляется в искусстве.

Основные категории модели мира «как бы предшествуют идеям и мировоззрению, формирующимся у членов общества или его групп, и поэтому, сколь бы различными ни были идеология и убеждения этих индивидов и групп, в основе их можно найти универсальные, для всего общества обязательные понятия и представления, без которых невозможно построение никаких идей, теорий, философских, эстетических, политических или религиозных концепций и систем» [7, с. 16-47]. К числу таких универсальных категорий: собственно культурные (время и пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому); социальные (индивид, социум, труд, богатство, собственность, свобода, право, справедливость [7, с. 30-31, 48]), а также категории, выходящие за границы мира (глубинное общение, совесть и др.), устремленные к более высоким уровням организации и измерениям Универсума. Данные категории, будучи универсально-бытийственными и культурно-всеобщими, в то же время культурно-особенны [8, с. 37, 43-44]. Тем самым в картине мира этноса категории, имея бытийную и общекультурную природу, выявляют свою этнически-сущую определенность. Поэтому такие стабильные, особо характерные и передающиеся из поколения в поколение знаки культуры, являются базовыми и доминантными в ИХС. Именно по ним – этническим особенностям культуры можно отличить произведение японского искусства от итальянского, казахского от китайского. И даже тогда, когда вербальные виды искусства переводятся с одного языка на другие, сохраняются или прослеживаются этнические признаки.

4. ИХС и локально-цивилизационные культурные универсалии.

С конца IV тыс. до н.э. появляются первые локальные цивилизации. К XXI веку, началу становления постиндустриальной мировой цивилизации произошла смена шести поколений локальных цивилизаций [9, с. 92-93], каждая из которых формировала свои культурные универсалии, формирующие самобытные характеристики каждой из них. Анализ зарождения этих цивилизаций свидетельствует о том, что государственно-политические, природно-климатические, социально-экономические, религиозные и социально-культурные факторы являлись приоритетными для становления и развития локальных цивилизаций. Важным становится и то, что эти же факторы становятся базовыми и для формирования локально-цивилизационных культурных универсалий, на основе которых и произрастают ИХС. Так, к примеру, за эпическим стилем поэм Гомера высвечивается древнегреческая цивилизация, за единством полифонического и гомофонно-гармонического склада и ораторской, проповеднической музыкальной интонацией И.С.Баха – теоцентрическая европейская цивилизация эпохи средневековья. Свообразны стили китайских художников Ли Сы-сунь и Ван Вэй. Для Ли Сы-сунь характерны «твердые, сильные мазки», тогда как для Ван Вэй, наоборот, «тонкие и изящные» [10]. Эти особенности индивидуальных стилей, помноженные на эгоцентричное миропредставление, свойственное китайской цивилизации, послужили основой для становления пейзажной сунской живописи.

5. ИХС и континентальные культурные универсалии.

Высочайшая степень интеграции и кооперации отличает Евразийский континент. Именно здесь были проведены первые масштабные революции в аграрных технологиях, зародились большие империи и сформировались мировые религии. Не случайно поэтому период с 1200 г. до н.э. по 1000 г. н.э. современные исследователи глобальной истории мировой системы Дж.Модельски и В.Томпсон определяют как Евразийскую или Классическую эру [11, с. 34].

Евразийские континентальные универсалии характеризуются сосуществованием двух основных типов культур – европейской и азиатской. Имея свои особенности, эти культуры на протяжении длительной истории передавали друг другу языки, знания, ценности и технологии. В результате выработался специфический для евразийского континента бикультурный тип, который объединил в себе обе эти культуры – европейскую и азиатскую [см. подробно: 12].

Авторы многих произведений, принадлежат к культуре какого-либо этноса, сознательно или бессознательно в своем творчестве опираются или используют разнообразные евразийские бикультурные универсалии. Несмотря на глубокие исторические и культурные контакты Европы и Азии, в особой мере это ощущается, начиная с XIX-XX вв., в азиатских культурах, где были усвоены и повсеместно распространены жанры европейской культуры – оперы, балета, романа, симфонии и т.д. Отличительной особенностью индивидуальных стилей авторов, работающих в этих жанрах, становится билингвизм – не столько вербальный, сколько художественный.

6. ИХС и мировые культурные универсалии

Творец, создавая свое произведение, задает действие коммуникативному механизму между собой, своей индивидуальностью и публикой. ИХС, выраженный в каждом конкретном произведении, и является точкой схождения адресата и адресанта, именно через свой стиль автор передает свои мысли и чувства.

Творя, автор полагает, что его произведение будет увидено, услышано, прочитано, а потому, как правило, имеет в своем представлении своего адресанта, с которым он включен в единую языковую, социально-культурную и мировоззренческую систему. Это может быть отдельный человек, коллеги, поклонники и ценители искусства, народ или все человечество. Но даже тогда, когда произведение адресовано одному человеку (пьеса-багатель «К Элизе» Л. Бетховена, в казахской музыке существует жанр кюя «Арнау» – «Посвящение»), автор оперирует выразительными средствами определенного вида искусства – музыки, театра, литературы и других, каждый из которых является феноменом мировых культурных универсалий. Несмотря на ИХС, многозначность и уникальность произведений, автор всегда опирается на универсальные семиотические средства, присущие тому виду искусства, в котором он творит: звукоинтонационные (язык музыки), пластические (языки статических искусств – живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, скульптуры, архитектуры) и словесные (литература, театр, музыкально-поэтическое искусство). Языки искусств отличаются особой диалогичностью и коммуникативностью, а потому адресат и адресант могут принадлежать различным эпохам и различным локальным цивилизациям и культурам.

Глобализационные процессы, ярко проявившиеся в XX веке, оказали существенное воздействие на «Художественное Я», которое все более и более, в силу изменившихся коммуникативных технологий, включается в мировое культурное пространство. Распространенной тенденцией становится развитие «семиотических игр» (Вяч. Вс. Иванов), когда в творчестве одной личности взаимодействуют несколько языков. В современный период данная тенденция получает повсеместное распространение, причем индивидуальный стиль может объединять не только языки одного базового искусства, но и языки различных искусств (звук и цвет в живописи В.Кандинского и М. Сарьяна; взаимодействие живописи и музыки в композиторском творчестве К. Дебюсси, М. Чюрлениса; «Цветной слух» Э. Денисова). Глубинное взаимодействие культур, языков, жанров, форм и стилей становится приметой современного искусства.

7. ИХС и космологические культурные универсалии.

Космологические универсалии выявляют устойчивость представлений различных народов о связи Человека и Космоса. К космологическим культурным универсалиям могут быть отнесены космоцентрический тип картины мира, космологическая символика, космогоническая и эсхатологическая мифология народов мира, древние обсерватории и астрономические комплексы, пирамиды, храмы и святилища, календарные системы, древние многокилометровые рисунки, сохранившиеся на пустынных плато, мегалиты, космологические рисунки и надписи на скалах, камнях и глиняных табличках, образцы декоративно-прикладного и ювелирного искусства [см. подробно: 13].

Космологические универсалии пронизывают творчество многих художников (Иеровдохновенное Искусство Леонардо да Винчи, образы Тонкого Мира в творчестве М.Чюрлениса, архетипально-мистериальное творчество Н.Рериха, глубинная психология искусства Св. Рериха, уходящая в сверхсознательное начало [14]), во многом определяя их индивидуальный стиль.

Многообразны космологические культурные универсалии, уходящие в глубокую древность. Их отличительной особенностью является повсеместное и практически идентичное распространение во многих культурах народов мира.

На протяжении всей истории космологические культурные универсалии актуализируются в искусстве разных народов, цивилизаций и культур, задавая те или иные особенности ИХС. В качестве примера рассмотрим одну из древнейших космологических структур – логарифмическую спираль.

В космологических представлениях многих народов спираль – это формула постепенного циклического развития бесконечной Вселенной с некоторой повторяемостью событий. Логарифмическая спираль как феномен физического мира выражает собой идею роста, постоянно растущей силы, жизненной энергии [15]; она определяет структуру множества явлений и предметов природного и человеческого мира. Более того, сакральные знания свидетельствуют о том, что на основе закона Эволюции по спирали реализуются Космические законы Эволюции духа (движение от ментального тела к Бессмертной душе), Космической справедливости (разворачивающейся по семи ступеням от личной к космической карме), Иерархии (от нулевого уровня к Миру Звездных Сфер); по спирали движутся и законы Круговорота Жизни, Подобий, свободной Воли и Жертвы во имя Эволюции [16].

Первообразом спирали во многих древних культурах выступал образ змеи. В различных модификациях образ спирали присутствует в петроглифах, орнаментах, изобразительном и декоративно-прикладном искусстве.

Одной из древних локальных цивилизаций народов мира является тюркская цивилизация, которая объединила в себе характеристики двух мировых цивилизаций: номадической и оседлой [см. подробно: 17]. Так, в силу доминирования устного характера межкультурной коммуникации до сегодняшнего дня сохранилась в инструментальном жанре казахского кюя музыкальная композиция, основанная на структуре расширяющейся спирали. Это дало основание известному исследователю композиционных особенностей домбровых кюев Б. Аманову провести аналогию с путешествием шамана. Спираль – структурная основа тенгрианского календаря, в тюркской цивилизации циклические принципы пронизывают и протекание жизни человека, жаровую систему казахской культуры [18, с. 117].

Будучи достаточно канонизированной моделью для структуры казахского кюя, логарифмическая спираль создает основу для множества ИХС казахских композиторов устной (Курмангазы, Даулеткерей, Таттимбет, Казангап) и письменной традиции (Г. Жубанова, Е. Рахмадиев).

Структура спирали находит отражение и в современном композиторском творчестве других народов. Так, например, образ-схема спирали отличает стиль современного российского композитора В.Тарнопольского, композиционные особенности которого укладываются в трансформированную форму расходящихся кругов («Отзвуки ушедшего дня» и «Кассандра»), разворачивающуюся спираль («Чевенгур»), сцепленные между собой симметричные окружности («Маятник Фуко») и свернутую спираль, подобную перевернутой пирамиде или воронке («По ту сторону тени») [19].

Выводы:

1. Феномен индивидуального художественного стиля принадлежит к индивидуальным культурным универсалиям.
2. Индивидуальные культурные универсалии, также как и ИХС, определяются индивидуальной картиной мира творца.
3. Индивидуальный художественный стиль, репрезентируя индивидуальную картину мира творца, реализуется в результатах творчества – в художественных произведениях.
4. ИХС в свернутом виде может объединять в себе отдельные элементы всей системы культурных универсалий
5. ИХС находится на пересечении множества структур – цивилизационных, общекультурных, мировоззренческих, этнических, психологических и технологических, коллективных и личностных и многих других, подчас принадлежа им всем и объединяя их в своей совершенно уникальной и самобытной целостности.

Литература:

1. Боров Ю.Б. Эстетика: Учебник., Ю.Б. Боров. – М., Высш. шк., 2002. — 511с.
2. Фатеева Н. Идиостиль (индивидуальный стиль)., Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия., Access mode: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html
3. Глушкова О.М. Теоретические аспекты анализа субкультуры., «Архитектон: известия вузов», No. 26 - Приложение 2009., Access mode: http://archvuz.ru/2009_22/35
4. Список субкультур., Субкультуры. Сайт., Access mode: http://soccer-game1.blogspot.com/p/blog-page_6926.html
5. Three profiles of heavy metal fans: A taste for sensation and a subculture of alienation., Journal Qualitative Sociology. Publisher Springer Netherlands. ISSN 0162-0436 (Print) 1573-7837 (Online). Issue Volume 16, Number 4., December, 1993., pp. 423-443.
6. Сергованцев Н. Владимир Чивилихин. - М., 1978.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М., Искусство, 1984.
8. Хамидов А.А. Категории и культура. – Алма-Ата., Гылым, 1992.
9. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 томах», Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец; вступ. Ст. А.Д. Некипелов. – М., Институт экономических стратегий, 2006. Том I. Теория и история цивилизаций.
10. Сунская живопись., Access mode: <http://logic-bratsk.ru/site/library/history/kitay/fitz22.txt>
11. Бакиров В.С., Фисун А.А. Евразия в геосторической перспективе: вклад мир-системного анализа., Евразийская идея в новом мире: Международное научное исследование. – Астана, 2011., С. 34.
12. Аязбекова С.Ш. «Культура Евразии» и «евразийская культура», Казахстан и евразийская идея в новом мире: Сборник докладов Международного научного форума., Под ред. А.В. Сидоровича и Е.Б. Сыдыкова. – В 2-х т. Т.1. – Астана, 2012., С. 216-220.

13. Аязбекова С.Ш. Петроглифы древности в свете космологических культурных универсалий // 126-ая Международная научно-практическая конференция «Феномен человеческого творчества в перипетиях исторического процесса», 2 этап первенства по культурологии. - Лондон: Международная Академия Наук и Высшего Образования (Великобритания), 23-30 июня 2016 г., Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/115639>; Она же. Календари и историко-философское осмысление прошлого-настоящего-будущего., LXVII Международная научно-практическая конференция «Вчера-сегодня-завтра: историко-философское осмысление, как основа научного мировоззрения», III этап первенства по историческим и философским наукам. – Лондон., Международная Академия Наук и Высшего Образования (Великобритания), 10-15 октября 2013 г., Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/33400>, <http://www.yasni.info/ext.php?url=http%3A%2F%2Fvizitki-ru.ru%2Fkalendari%2F8915&name=%D0%A1%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%90%D1%8F%D0%B7%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0&showads=1&lc=ru-ru&lg=ru&rg=ru&rip=kz>; Она же. Cosmogonical and eschatological mythology: The concept of oral history., GISAP: Philological Sciences. - 2013., No. 2., pp. 52–55., Access mode: <http://journals.gisap.eu/index.php/Philological/article/view/157/154>
14. Н.А. Шлемова. Эстетические воззрения в Учении Живой Этики. - М., 2005.
15. Эйзенштейн С. Избр. произв. в 6-и т. – М., Искусство, 1964. – Т. 3., С. 50–53.
16. Желтоксан Ж. (Едихан Шаймерденулы). Ак Сарбаз. – Алматы., Көкіл, 1997. – 232 с.: илл.
17. Аязбеков С.А., Аязбекова С.Ш. Тюркская цивилизация: теоретический и исторический контекст., Тюркский альманах, 2014 г. – Астана, 2014. (в соавторстве с Аязбековым С.А.), С. 172-195., Access mode: http://turkology.tk/media/info/Turkic_civilization.pdf
18. Мухамбетова А.И. Календарь и жанровая система традиционной музыки казахов., Традиции и перспективы изучения музыкального фольклора народов СССР: Сб. ст. ВНИИ искусствознания Мин. культуры СССР. – М., 1989., С. 117.
19. Третьякова А.В. Концепты звука и слова в произведениях В. Тарнопольского конца XX – первого десятилетия XXI века АКДИ. - Москва, 2012. – 27 с.

REFLECTION OF UKRAINIAN PEOPLE WORLD OF LIFE VALUES HIERARCHY IN THE TRADITION TO WORSHIP HOUSEHOLD ICONS

O.V. Bogomolets, Dr. of Medicine, Collector
Verkhovna Rada of Ukraine, Ukraine

Conference participant

The article discloses world view origins and fundamental principles of household icons worship in Ukraine and shows that worship of household icons, formed on the pagan ancestor worship background, in the midst of Ukrainian people is not only an important stage in evolution of faith, but also reflects the highest values of the World of Life of Ukrainian people on different stages of its evolvement.

Keywords: *worship, icons, household icons, paganism, Christianity, values, World of Life.*

Problem Statement. On modern development level of Ukraine, issues related to study of Ukrainian national heritage are extremely important. Inasmuch as a distinct intention of the country on Euro-integration is not accompanied by high level of ethnic and national awareness of considerable part of Ukrainian population in this way promotes its deethnization. In its turn, it gives a new start to studies and popularization of not only material heritage of Ukrainian nation, but also its symbolic code which determined the peculiarities and uniqueness of Ukrainian national character. In view of this, the piety concentrated at the inner world, as M. Kostomarov remarked, has the primary importance. I. Mirchuk came to similar conclusion noting that unlike Teutons known for their tendency to philosophize, or Romance nations, with their distinct capability to political activity, Ukrainians differ from other nations with their natural profound piety. The latter, in our opinion, has never been only an inner quality, focused on the world of feelings, but had a visual expression in widely developed worship of household icons.

Scientific research results. Important meaning of household icon in Ukrainian national World of Life formation, unfortunately, has not become a basis for making complex interdisciplinary researches dedicated to studies thereof. Separate aspects of this problem were reviewed in works of P. Zholtovsky, G. Logvin, D. Stepovyk, V. Svetsitska, V. Otkovych, O. Popova, O. Nayden, O. Osadcha and others. These researches focus their attention, first of all, on folk icon aspects related to history of art, leaving out of consideration the issue of differences involved in the worship of folk icons in comparison to the church ones. Heuristic potential of extremely wide theoretical generalizations of icon theology, offered in the works of Ye. Trubetskoy, P. Florenskiy, I. Yazykova, etc., is largely brought to naught at the household icons level. In their turn, a lot of ethnographic researches dedicated to studies of peculiarities of Ukrainian national life, being too descriptive, are incapable of forming a general understanding of either content or intentions, or hierarchical place of household icon in the World of Life and values of Ukrainian nation.

In view of the above, the **purpose** of our work is to disclose the evolution of World of Life values hierarchy through the prism of household icon worship.

Main part. The innovative elements in Ukrainian ritualism emerging as the result of adoption of Christianity, in general, left the Slavic World of Life formed in paganism unchanged. The latter was based on the idea of organic unity of people and nature, the special “field of wilderness” (José Ortega y Gasset) the only protection against which was the domus (home). At that, as M. Popovych claims that, “Only nowadays home is, first of all, the premises, but for a Slav of those times, home was a simple household, the entire life of the family who ran this ‘home’”. A similar thought occurs in the work of B. Rybakov, Paganism of Ancient Rus, where the researcher dedicates the entire section to highlight the uniqueness and place occupied by home in life of Slavic people. Close attention of the researcher to this topic is determined by the fact that home, as “the smallest particle, indivisible atom of old Rus society, was all saturated with magical and incantatory symbolism which helped the family of each Slav in providing itself with satiety and warmth, safety and health”, and, as T. Tsvyvan emphasizes, creating independent closed territory (volume) in space which stands against and protects from the outer world.

Originated by the concept of home, the opposition of inner and outer things penetrating the Slavic world view then expressed itself in contrast of “us” and “them”. The latter has a quite perfect expression in extremely negative attitude of Slavic people to marriages with representatives of other cultures; they were considered not only as representatives of other world, but also of another

home. The aforementioned adjustment is quite important for it distinctly shows the peculiarity of interpretation of “home” concept which was originally related to not so much some family aria as the society and clan organization and, therefore, meant the family and relatives. In other words, we have every reason to regard that “home”, as a specific primary clan organization, was the World of Life and the highest value of Slavs.

Let us note that in paganism, home was regarded not only as a peculiar tree of life which carried the idea of sacred integrity and continuity of generations, but also as a church or a special ritual space reflecting the world view syncretism, the unity of three mentioned parts of the world. Perhaps, for this reason, when the house was finished, Ukrainians strove to decorate it at once, to fill it with sense, in other words, to make sacred or, as O. Osadcha reasonably points out, “to make it like a church” using the idols, solar symbols, bunches of healing herbs, etc. As the result, home was considered as the first and the principal place of worship, as a special “hill” (M. Eliade) providing for connection of the world of people and the world of God.

Formation of new Orthodox worldview, according to M. Grushevsky, was the result of introduction to church rituals, like matchmaking, parental blessing, baptizing, aspersion, anointing with holy water and oil conceived in folk practice as acts of magic. They influenced formation of belief in “mighty power of various holy persons and the possibility to obtain their help in different situations; their names with various attributes prescribed to them entered the magic formulae. At the same time, magic formulae and prayers formed by means of Christian symbolism were accepted... transformed into more original familiar formulae. In conclusion, introduced by the “church, complicated and elaborated in scriptures, both canonical and apocryphal, orthodox and dissident, the hierarchy of kind and evil, friendly and hostile creatures... > ... fills the imagination of our people, their creations, their practice with endless quantity of new material”

The nation, P. Zholtovsky remarks, “conceived religious images sincerely and intimately. Among the saints, the more worshiped were those who were closer to people, intervening in their daily issues.” Key place among them was occupied by the Blessed Virgin, St. Nicolas, St. Yuriy, St. Varvara, St. Paaraskeva, etc. As for the images of Christ, who, according to the Christian world view, was the highest one among all supernatural powers, the true God, they did not widely spread at once among common people: in view of his hierarchical status, the Christ was considered as the one who is farther from everyday needs of a person in comparison with the Blessed Virgin and the other saints.

Focusing on the peculiarities of evolution of pagan rituals influenced by Christian doctrine, we cannot ignore the difficulties of this process. Of course, for a long time, the main problem of Rus Christianization was lack of local clergy who could disseminate new religious ideas in language which was understood by the people. The world view differences of the two religions did not promote dissemination of Christianity either. In contrast to pagan dualism of Good and Evil as the ontology foundations and the eternal circle of life, Christianity insisted on the only beginning and, due to elements of dialectical logic seen in the concept of Christ the Saver and the Kingdom of God, elevated itself above the conflict of life and death, good and evil, body and soul expanding the pagan circle of life into a line which leads to salvation.

Let us note that at dawn of Christianity formation, the people of Rus demonstrated controversial attitude to icons which caused the opinion regarding their late dissemination among the common people. Notably, our national fine art expert L. Popova is convinced that there are no reasons to look for the origins of folk icon painting earlier than XVI century. P. Zholtovsky came to similar conclusions regarding this issue. He regards that “in the second part of XVI century the number of folk icon-painters significantly increases which in its turn encountered hostility among the adherents of conservative orthodox school of the devotional art.”

Disassociating ourselves from the reasons of such negative attitude of the Established Church to folk icon-painting highlighted by P. Zholtovsky, we consider it plausible, even notwithstanding the small quantity of folk icons of that period preserved nowadays, to accept his assumption regarding the earlier time of folk icon worship origin, even if its expression was somewhat farther from Christian doctrine. Thus, as I. Ohienko shows, “In Moscovia, yet in XVI – XVII centuries, the worship of own icons was very widespread; the church members brought their own icons to the church and prayed only to them... > ... The others did not even take their hats off in front of such gods, ‘These are neither our gods nor parochial,’ they used to say disdainfully. ‘They are either Mikula’s or Yafim’s’”.

The evidence quoted by the scientist distinctly show the inheritance and interconnection between pagan and Christian traditions which among common people emerges as so called belief, expressed not only in calling the icons gods but also in the worship of own, family gods (icons) which also involved the church services. This tradition, being far from Christianity, emerged on the background of syncretic mythological world view and the contrast between “us” and “them” already mentioned here in the context of ancestors worship. Among other things, early Slavs thought that their deceased ancestors turned into guardians of the family (worship of Rod, the family) and hone (bogies, goblins) that protected the family and its household from any harm. At that, only own ancestors become the family guardians, in their turn, the deceased ancestors of other home are considered as naviyi, the “strange, outsider dead people, souls of enemies and evil-wishers, the souls of people whom the natural forces punished for something (the souls of drowned people, or those eaten by wolves, fallen from a tree, killed by lightning, etc.)”

These clarifications are extremely important for understanding of pagan component of icon worship both at home and in church. Besides, recognizing the authority of I. Ohienko, we regard it proper to note that the worship of own household icons was widely spread not only in the north of Rus but also in the south, in the territory of modern Ukraine. This fact is evidenced by a large number of church visitations aimed against dissemination of folk icons. The main method of fighting them was the prohibition to bring them to church. Notably, Historical and statistical description of the Kharkov diocese. (1852), describing the events of the previous century remarks, “Other items of lection touched unskilfully painted icons and indecent things brought to the church by the simple-minded lay people”. As we can see, the document clearly points out that, notwithstanding any of the church prohibitions, the tradition to bring household icons to the church survived even in XVIII century among Ukrainian peasantry.

Let us remark that the tradition of common people to bring their own household icons to church is a direct evidence of fundamental difference in values of Christianity and the peasant World of Life. Notably, whereas the main goal and value of Christianity is the Kingdom of God in Christ where there is no place for family or cultural or racial, or language differences, the world of common people constitutes a dualistic world view of “us” and “them”. At that, in contrast to the previous period, the idea of “us”, influenced by Christian universalism and hierarchism, starts shrinking significantly, and now the home emerges not so much a community and ancestral as a family arrangement having its own values and icons of patron saints inherited from grandfathers and grand grandfathers becoming a home relic. Moreover, this worship of household icons, being pagan in its matter, generating acute opposition of “us” and “them”, was one of the main reasons of common people’s separation from elite and intellectuals and, as the result, inability to generate a robust Ukrainian ethnic culture until the middle of XIX century when the worship of household icons becomes the issue of private family life in the same time correlating with general Orthodox values, relics and rituals.

Domination of household icons worship in ritual practice of Ukrainian folk Orthodoxy or, to be more specific, the belief, could not but bother the Church which tried to overcome it time and again. The milestone stage in this struggle became the Stoglav (1551) and the Great Moscow Synod (1666 – 1667). After them, it was strictly prohibited and condemned by the Church to soothsay, make funeral feasts, celebrate weddings, Wednesdays, Fridays, etc. Besides, the priests were prohibited to baptize the children who were given pagan names, and, the most important thing, people were prohibited to bring their household icons to church. This prohibition

of the Great Moscow Synod, according to M. Kapterev, was caused not so much by the belief expressed in that as the outrage generated by worship of household icons in church during the service. Namely, the church members who came to church with their own household icons put them everywhere they wanted. Everyone prayed and put candles only to his or her own icon; besides, it often occurred that people were standing with their backs to the icons of their neighbours and to the altar, pushed one another, as the result of which, arguments and fights occurred in church. Often these were caused by lack of place for household icons. Accordingly, aiming to normalize the church service without causing hostility of common people to the church, the Great Moscow Synod made a decision to bind the church members to leave the household icons they brought at the church.

The aforementioned prohibition not only became a valid method of controlling the outrage during the services but also formed an important stage in the history of orthodox iconostasis evolution – household icons brought by the church members to the church started to be arranged in one line Pyadnichny (span line, formed with the icon the size of a span or a hand, approximately 30 x 24 cm, although, household icons often were as big as a cubit) above the local tier (of icons). This made it possible not only to assure the proper worship of all available icons or to make the icons of local tier (row) which were different in size equal, but also facilitated the gradual transition from syncretic dualistic world view of belief to Christian hierarchic worldview which ideological and visual foundations were demonstrated on the iconostas.

Notwithstanding all of the resolutions adopted by the Orthodox Church Councils, the tradition of bringing the household icons to church lasted for a long time among common people which is evidenced by the aforementioned church visitations. Evidently, this was caused by profound penetration of belief into the worldview, customs and life of Orthodox people, who did not want and could not abandon their ideas. Home and its saints remained the principal value and determined the World of Life of the common people. However, we cannot ignore the changes which gradually happened in people's minds. Eventually, 'churched' household icons (strange gods) were no longer regarded as hostile but transformed into common social values.

Formation of new worldview values of Ukrainian national World of Life, taking into account the limited area of Ukrainian village, although vaguely, shows itself in XIX century. Still, with the beginning of antireligious policy pursued by soviet authorities in 1920–1930s, it is obvious that not only the intelligentsia but also common people had more than just family social values. Indeed, as the witnesses recollect, that time, there was no distinction of our and their icons, our and their god, our and their grief. Saving the social relics from destruction, with the expense of their lives, the peasants tried to tear the icons and church books out of the hands of militant atheists and to save the public relics from destruction. Of course, icons stolen from hands of soviet atheists were not always put in the corner of the house thus occupying the central position, they were often hid on the lofts and in the sheds, but it did not prevent them from becoming household relics and talismans offering hope in horrible times of famine, repressions and war.

Conclusion. Worship of household icons in the midst of Ukrainian people formed against the background of pagan worship of ancestors, the guardians of home, not only became an important stage of faith evolution but also reflected the highest values of the World of Life of Ukrainian nation on different stages of its evolution. Notably, the domination of household icons worship in private and public life becomes the foundation of forming a distinct contrast between "us" and "them" which becomes important, first of all, through the prism of family connections showing the dominant axiological meaning of private interests and cult of family life and inherited professional competencies in life of Ukrainian people. Reforms of Church administration aimed at overcoming the remnants of belief and household icons worship became important factors in development of public conscience promoting the formation of national conscience, the ethnic "Us".

References:

1. Popovych M. The essays on cultural history of Ukraine. Kyiv, 1998., Access mode: <http://litopys.org.ua/popovych/narys.htm>
2. Rybakov B.A. Paganism of ancient Russia. - Moscow, 1987. p. 460.
3. Tsiyvan T.V. Home in the folklore world model (a case study of Balkan riddles)., Works on semiotic systems. - Tartu, 1978., No. 10. – p. 74.
4. Bayburin A.K. The house in the rituals and beliefs of the Eastern Slavs. - Leningrad, 1983., P. 12.
5. Osadcha O. The origins of Ukrainian household icon. Access mode: <http://artsthelen.com/publications/pohodzhennja-ukrajinskoji-hatnoji-ikony>
6. Grushevsky M. S. The history of Ukrainian literature: in 6 vol. - Kyiv, 1994, Vol. 4., Book 1.
7. Zholtovsky P. Ukrainian painting of XVII–XVIII cent. - Kyiv, 1978., P. 13.
8. Popova L.M. Ukrainian Icon Painting in XIX century. Leningrad, 1985. P.19 – 20.
9. Zholtovsky P. Ukrainian painting of XVII–XVIII cent. Kyiv, 1978. P. 277.
10. Metropolitan Ilarion (Ohienko). Pre-Christian beliefs of the Ukrainian people [I cent.-religious monograph.]. – Kyiv., Oberegy, 1995. P. 331.
11. Rybakov B.A. Paganism of ancient Rus. - Moscow, 1987., P. 462–463.
12. Historical and statistical description of the Kharkov diocese. Section I. – Moscow., 1852. P. 10.

УДК: 792.97(477)

МОТИВЫ ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ В УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА / NATIVITY SCENE MOTIVES IN UKRAINIAN LITERATURE XIX – EARLY XX CENTURY

Луговая Т.А., канд. искусствоведения, доцент кафедры документоведения и информационной деятельности
Одесский национальный политехнический университет, Украина

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

В статье обосновывается тезис о том, что украинский вертепный театр, как источник вдохновения для украинских писателей XIX – начала XX века, оказал влияние не только на драматургические произведения, но и поэзию, и прозу того времени. Вертепный театр послужил основой для формирования сатирической политической драмы, социально-бытовой этнографической комедии, музыкальной комедии, исторической трагедии, лирической экспрессионистской повести.

Ключевые слова: вертепный театр, украинская комедия, украинская литература.

The article substantiates the thesis that the Ukrainian Nativity scene (Vertep theatre), as a source of inspiration for Ukrainian writers of XIX – early XX century, was influenced not only dramatic works, but also poetry, and prose of the time. Vertep theatre was the basis for the formation of a satirical political drama, social ethnographic comedy, musical comedy, historical, tragedy, lyric expressionistic novel.

Keywords: Ukrainian Nativity scene, Ukrainian drama, Ukrainian literature.

Обзор литературы по теме исследования и постановка проблемы. Становление украинской литературы происходило под интенсивным влиянием фольклора, в частности произведений вертепной драмы, традиция которой в XIX веке была еще жива. Не случайно многие украинские писатели, поэты и драматурги были не только свидетелями, но и заинтересованными исследователями вертепного театра (О.П. Косач, И.Я. Франко). Уже в конце XX века ученые издали труды, о вертепных мотивах в творчестве Н.В. Гоголя [2], И.П. Котляревского [2; 16], Г.Ф. Квитки-Основьяненко и П.А. Кулиша [16], С.С. Гулака-Артемовского [16]. Реализация традиционного вертепа в рамках профессионального театра (в частности, театра Л. Курбаса, П. Горбенко, И. Шахивца, Н. Цивчинского) рассмотрена нами в отдельных статьях, например [5]. Сегодня встречаются упоминания о вертепной теме в творчестве Л.М. Старицкой-Черняховской [10] и о присвоении сюжетов и сценок светской части вертепного действия в украинских водевилях XIX века [4]. В итоге сложилось устойчивое мнение, что вертеп повлиял лишь на становление украинской комедии. Возникает закономерный вопрос, сказала ли вертепная эстетика и композиция на других жанрах театра и литературы. Новые наработки в этой теме побуждают еще раз обратиться к творчеству украинских писателей XIX века с тем, чтобы не только выявить и описать мотивы вертепной драмы в украинской литературе выбранного периода, но и вникнуть в жизненные и творческие судьбы известных авторов, показать связность литературного, драматургического и фольклорного пластов украинской культуры XIX века.

Основной материал. Во времена «Валуевского циркуляра» (1863 г.) и «Эмского указа» (1876 г.), действия непродолжительного, но весомого Кирилло-Мефодиевского братства, как флаг обозначившего процесс формирования национального самосознания, начинается «усвоение» вертепных мотивов в профессиональной литературе и театре. В 1859 году Т.Г. Шевченко пишет стихотворение «Во Іудеї во дні они», где изображает пьяного Ирода: «І п'яний Ірод знову п'є! / Як ось, не в самім Назареті, / А у якомусь у вертепі / Марія сина привела» [14]. В стихотворении отсутствуют прямые заимствования из вертепных текстов, в частности, авторским является образ пьяного Ирода (значительно позднее в стихотворении «24 декабря 1971 года» И.А. Бродский пишет «Ирод пьет. Бабы прячут ребят»). В украинских вертепах опьянению подвергаются Запорожец, солдат, муж и жена, Хома Пьяница, но не Ирод. При этом Т.Г. Шевченко в вертепных традициях проводит параллель с современной властью и называет Ирода «самодержавным государем» [14]. Можно предположить, что отправной точкой творческих инспираций послужил не только библейский сюжет, но украинский вертеп, сведения о котором скорее были получены от знакомого с Т.Г. Шевченко Н.А. Маркевича – украинского историка, поэта, композитора, этнографа и фольклориста, автора известной книги «Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян» (издана в 1860 г.). В главе «Праздничные обряды и поверья» Н.А. Маркевич описывает вертепное представление, проходящее в вотчине своего отца – селе Туровка (запись 1848 г.). Известно, что Тарас Григорьевич обращался к Николаю Андреевичу за квалифицированными советами опытного историка и фольклориста во время создания поэмы «Гайдамаки», во время творческой работы над офортами на историческую тематику, и даже посвятил ему стихотворение «Бандуристе, орле сизий» [15].

Отдельной темой является родство семей Маркевичей и Галаганов и художественные связи текстов вертепного действия в Сокиринцах и Туровке, детально проанализированные Е. Марковским [8]. Например, по воспоминаниям художника Л.М. Жемчужникова (общего знакомого Т.Г. Шевченко и П.А. Кулиша) известно, что Н.А. Маркевич часто гостил в Сокиринцах, и был там еще в 1809 году [20]. Это дает основание по-новому взглянуть на историю распространения/заимствования сокиринского текста вертепного действия. Однако эта тема требует материального обоснования и заслуживает отдельного исследования.

В 1879 году впервые печатается сборник произведений П.А. Кулиша «Хуторская философия и удаленная от света поэзия», в состав которого входит «Иродова морока (Святочное представление на малорусском языке)». Автор своеобразно интерпретировал тему украинского вертепа, применяя характерные для западных мистерий и моралей приемы олицетворения добродетелей и пороков в персонажах (Правда, Кривда), местной конкретизации и «присвоения» универсального события. В результате у читателя появляется четкое ощущение, что Рождество произошло именно в Украине, несмотря на то, что в тексте есть четкое указание на место события – святой Вифлеем [6, 307]. Библейский эпизод избития младенцев представляется в многовековой борьбе украинского народа с иностранной экспансией. Ирод говорит: «Сердюки! рушайте, ріжте всі маленькі діти! / Коли де родивсь завзятий, то се на Вкраїні, у сем'ї між ратаями, в мазаній хатині. / Прислухайтесь по давах і по всіх оселях, а найбільш шукайте в давніх, у козачих селах» [6, 308]. Украинский народ автор сравнивает с Хавидом, который победил Голиафа [6, 325]. Примечательно, что вариант сближения библейской и национальной тематик характерен именно для западноукраинских вертепов. Так, в вертепе села Бище (Тернопольская обл., запись 1988 г.) рядом с Запорожцем действовал Богдан Хмельницкий, который защищал святого Младенца от Ирода [17, 14-17].

Стоит отметить, что в «Иродовой мороке» П.А. Кулиш обращается не просто к общеизвестной рождественской истории, а именно к вертепной традиции. На это непрямо указывают факты, описанные в исследовании «Иродовой мороки» М. Грушевским [3, 233 – 236]. Во-первых, П.А. Кулиш в концевых примечаниях к «Иродовой мороке» и в личной переписке ссылался на детские воспоминания и рассказы матери о вертепе, во-вторых, он включил в соавторы мистерии Яким Слепого, дьяка своего родного села, который владел целым репертуаром подобных пьес и выставлял их на праздниках «у всіх парафіян, що мали в своїй хаті простору світилицю» [3, 233 – 236]. И хотя М. Грушевский считал Яким Слепого литературной фикцией, описание его дает основание предполагать, что П.А. Кулиш сотрудничал с вертепником или заимствовал текст из вертепного действия, показываемого Якимом Слепым. Однако используя мотивы вертепной драмы, П.А. Кулиш своему перерабатывает сюжет и вкладывает новые смыслы. Ирод выступает олицетворением Оттоманской Порты, служат ему «ненавистны народу» сердюки - гвардейцы Мазепы, а также «славянские ренегаты» [6, 302]. Рядом с Иродом царствует Кривда (возможно, ее прообразом была Иродиада). М. Грушевский считал драму П.А. Кулиша аллегорическим протестом против российско-имперского порабощения Украины. По его мнению, в лице Ирода выведен московский царь, а в образе его войска – «москальи». Мистерия показывает символическое освобождение Запорожцем Украины (в образе Правды) из московской неволи [3]. Основная антагонистическая линия вертепа «Ирод - младенец Христос» превращается у П.А. Кулиша на противоборство Ирода с Запорожцем, потому что для Ирода именно последний является «главной морокой». У Кулиша Ирод выступает антиподом Запорожца, а Кривда - Правде.

В отличие от аутентичного вертепного текста, где черт и Смерть наказывают Ирода, в «Иродовой мороке» они ему помогают. Ирод говорит: «<...> кличу чорта з пекла на порадку. / І пекельний мені служити вірно, як собака» [6, 302]. Смерть названа здесь «дядино султанська» [6, 328]. Соответственно смещаются смысловые акценты и в сцене опьянения Запорожца, который пьянеет от танца, насланного на него чертом, а не от водки Жида. При этом слова Запорожца у П.А. Кулиша похожи на вертепные: «Що се лазить по грудині та по пузу в мене? Чи се миша, чи жидівське кошена мерзенне?» [6, 328]. Спектакль заканчивается вертепными танцами множества народа в праздничном наряде и сакральной сценой Рождества под торжественное пение хора (в традиционном вертепе все наоборот).

Начатая П.А. Кулешом сатирическая линия в интерпретации известного рождественского сюжета была подхвачена И. Стешенко в постановке традиционного вертепа в 1905 г. при музыкально-драматической школе Н.В. Лысенко (ныне – Киевский национальный университет театра, кино и телевидения им. И. К. Карпенко-Карого) [19, 1]. По мнению М.С. Грицаца, «в обостренных конфликтах вертепной пьесы зрители видели отражение сложных политических обстоятельств 1905 года. Приказ Ирода избить детей перекликался со страшными событиями «кровавого воскресенья». Под образом понимали палача царя Николая II. Гибель первого олицетворяла неизбежную расплату народа над царем и его пособниками за беспредел» [1, 20]. Комически-сатирическим показан образ Москаля: «Особливий ефект викликали промови Запорожця та Москаля. Заля буквально <...> реготалася від слів Москаля: «Я царю і отечеству защита/ За то у мене спина избита»» [19, 7]. Главной идеей постановки было «восстановление» вертепа не только по «книжным материалам», но и по воспоминаниям и впечатлениям людей, которые сами видели вертеп (П. Житецкого, Д. Юркевича, В. Науменко, М. Старицкого, Н. Лысенко и других) [19, 1]. За кукол должны были читать лучшие ученики из класса проф. М.П. Старицкого. После дебюта «Вертепа» И. Стешенко организаторы получили приглашение от супругов Коцюбинских приехать со спектаклем в Чернигов. Там художники дали два спектакля, которые, к сожалению, не имели и половины того успеха, что в Киеве [19, 6].

Известно, что галагановским вертепом увлекался выдающийся украинский композитор Н.В. Лысенко (1842-1912). Он просил разрешения у владельцев Сокиринского поместья взять вертеп в Киев для всенародного представления с необходимыми пояснениями. Однако его намерение поставить вертепное представление не осуществилось [18, 6]. Сам факт заинтересованности композитора вертепом не мог не воплотиться в его творчестве. Влияние вертепной драмы чувствуется и в творчестве украинского писателя и театрального деятеля, автора всем известной комедии «За двумя зайцами» М.П. Старицкого. Так, в его драме «Ой не ходи Грицю, та на вечерниці» (1890) линия «Маруся и Хома» похожа на вертепную «Баба и Дед», особенно если учесть, что вертепному деду традиционно давалась хтоническая внешность – горбатость или же хромота. Хома в вертепе – бытовой тип пьяницы, в драме – «старый парубок, горбатий» [12]. Интерес к народному вертепу перешелся и дочери М.П. Старицкого и С.В. Старицкой (родной сестры композитора Н.В. Лысенко) Людмиле Михайловне Старицкой-Черняховской (1868-1941) – автору пьес «Вертеп» и «Милость Божа». Основой для «Вертепа» послужил театр живых актеров, а смысловая канва очень близка представлению И.Стешенко. В образе Ирода также представлен царь Николай II, показаны представители тогдашних политических партий и союзов. В «Вертепе» фигурирует Столыпин как «Столб на глиняных ножках», показаны реалии политики того времени (например, «Лукьяновский народный дом» – Лукьяновские тюрьмы) [11, 207].

Таким образом, религиозная часть вертепного действия послужила для украинских драматургов второй половины XIX – начала XX века своеобразной сюжетной канвой для вплетения современных смыслов и создания сатирической политической драмы.

Тематика и проблематика нижних этажей вертепа (равно как и других форм фольклора) внедрялась в социально-бытовых драмах с начала XIX века, что отличало их от переводных французских водевилей, преобладающих на профессиональной сцене. Новая украинская комедия впитывает такие черты светской части вертепного театра, как: демократическая направленность, сатиричность, бурлеск и реалистичность, мелодраматические ситуации, близость к народным традициям, комические приемы, традиция саморекомендации героев и речевой характеристики (например, пан Возный в «Наталке Полтавке» И.П. Котляревского говорит так же учено-запутанно как и вертепный дьяк), музыкальность, обращение к актуальной проблематике, разработка типизированных образов и стереотипных отношений между ними. Так, Дьяк Книшевский из «Пана Халявского» Г.Ф. Квитки-Основьяненко подобен вертепному – оба берут взятки как плату за обучение. На вертепного Запорожца похожи Николай из «Наталки Полтавки» [2, 111], Карась из оперы С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем» [16, 107], дед Кирилл из комедии Панаса Мирного «Перемудрил». Например, слова деда Кирилла схожи с монологом Запорожца. Слова Кирилла: «<...> Е-е, було колись... То тепер я став і старий, і нікчемний, а колись – огонь був! Дикого коня запопадку і того охмолостаю – як вівця стане! А тепер – от чорти батька зна-що – коритце довабу – та й то втомився» [9, 103], и слова вертепного Запорожца: «Гай гай як я молод бував / Що то в мене була за сыла. / Було Ляхив борючи и рука не млила / А тепер и вошь сыльниша / Вид Ляхьи сдается / Плечи и нигти болять / Болять як день по побьеша <...>» [8, 78].

Влияние монолога вертепного Запорожца чувствуется в поэзии выдающегося украинского писателя, философа и известного исследователя вертепной драмы в Украине Ивана Франко, например, в стихотворениях «Не боюсь я ні бога, ні біса», «Нехай і так, що згину я». Мотивы светской части вертепа прочтываются в исторической трагедии Ивана Карпенко-Карого (состоял в театральной труппе М. Старицкого) «Сава Чалий», посвященную событиям гетманщины XVIII века. Драматург использует вертепные образы (Запорожец, жид-арендатор, польские паны) и проблематику (борьба украинского народа против польской шляхты). Аллюзию на вертеп подтверждает сравнение пана Жезницкого с Иродом. Интересно, что Иван Карпенко-Карый вписывает традиционно комедийные для вертепа образы в трагический социально-психологический сюжет.

Если религиозная часть вертепа в украинской литературе презентована как наполненная аллегориями сюжетная канва (рождественский мотив), то светская часть как бы растворяется в украинских комедиях (бытовых, музыкальных, социально-этнографических драмах) того времени, сохраняя колорит, и делая акцент то на вертепную проблематику (Иван Карпенко-Карый), то на поэтику – звуковой, словесный и образный строй произведения (Иван Котляревский, Панас Мирный, Иван Франко), то музыкальный репертуар (например, «Ой під вишнею, під черешнею» в «Наталке Полтавке»). И в этом видится дальнейшее «расщепление» вертепных мотивов на отдельные образы-типажи, лексику, метрику и строфику, тематику и т.д. Апогеем такого расщепления вертепного действия можно считать философско-лирическую повесть «Вертеп» (1929) Аркадия Любченко – представителя украинского экспрессионизма в прозе [7]. В «Вертепе» А.П. Любченко нет традиционного сюжета, проблематики, характерных персонажей, образов, общей поэтики народного рождественского театра. Автор оставил только символику вертепного домика – его этажность как философскую концепцию, авторскую метапозицию понимания аллегорической сущности произведения. Основная идея «Вертепа» – осмысление социальных процессов в Украине после революции 1917-1919 гг., мессианство Украины и философия украинского возрождения 20-х годов.

Выводы. Вертеп, бесспорно, был одним из неисчерпаемых источников вдохновения для украинских писателей XIX – начала XX веков, послужив основой для формирования сатирической политической драмы, социально-бытовой этнографической комедии, музыкальной комедии, исторической трагедии, лирической экспрессионистской повести.

Во второй половине XIX века для восточно-украинских кукольных вертепов была характерна экстенсивная динамика по принципу «нанизывания» смыслов. «Классические» образы сохранялись более в сакральной части вертепа, однако выявили высокую адаптивность к восприятию новых идей, сатирических и политических подтекстов. А народно-бытовая всегда оставалась открытой для любых новаций, связанных с реалиями повседневной жизни (одеждой, материалами, отделкой, техническим оформлением, диалектизмами и т. п.).

В условиях упадка вертепной традиции в первой половине XX века, обусловленной политическими изменениями в стране и новыми мировоззренческими установками (атеизм, интернациональность), вертепная традиция могла существовать только в зашифрованной форме экспрессионистской прозы. Богатство форм и интерпретаций вертепного театра, в которых гармонично сочетаются универсальность и национальный колорит, позволяют ему выявлять ресурсы для порождения качественно новых форм или вживления в другие формы театральной культуры и литературного творчества.

Изучение вертепных мотивов в украинской литературе XIX – начала XX веков не исчерпывается пределами данной статьи и нуждается в углубленном анализе каждой творческой судьбы украинских писателей. В частности, в данном направлении остается неисследованным художественное наследие Л. Глебова, И.С. Нечуя-Левицкого, С.В. Руданского, В.С. Стефанюка, М.Л. Кропивницького, Я.А. Мамонтова, А. Пидсухи, С. Писаревского, К. Тополи, Леси Украинки и др.

Литература:

1. Грицай М.С. Ляльковий народний театр-вертеп за радянського часу, М.С. Грицай., Народна творчість та етнографія. - 1962. No. 3., С.106-110.
2. Грицай М.С. Традиції вертепної драми у п'єсах І. Котляревського та В. Гоголя., М.С. Грицай., Рад. літературознавство. - 1963., No. 1., С.105-113.
3. Грушевський М.С. Твори у 50-и томах. Т. 11: Літературно-критичні праці (1883-1931). «По світу», НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. Інститут літератури імені Т.Г. Шевченка. – Львів., Світ, 2008. – 752 с.
4. Доридор Г.К. Український водевіль XIX століття: Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.01.01., Г.К. Доридор; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. - К., 2000. - 18 с.
5. Зінов'єва Т.А. Український вертеп у творчості Леся Курбаса., Т.А. Зінов'єва., Аркадія. – 2003., No. 1., С.56-59.
6. Куліш П.О. Іродова морока (Святочное представление на малорусском языке), Твори в двох томах. - К., Дніпро, 1989. - Т. 2., С.302-332.
7. Любченко А.П. Вертеп (повість). Оповідання. Щоденник: художественная лит-ра., А.П. Любченко. – Харків., Основа, 2005. - 464 с.
8. Марковський Є.М. Український вертеп: Розвідки й тексти., Є.М. Марковський. – К., Друк. ВУАН, 1929. – Вип. 1. – IV. – 202 с.
9. Панас Мирний Перемудрив., Зібрання творів у семи томах. Т. 6., Панас Мирний, П.Я. Рудченко. – К., Наукова думка, 1970., С. 75-182.
10. Процюк Л. «Вертеп» Людмили Старицької-Черняхівської в контексті української барокової драматургії., Султанівські читання. Актуальні проблеми літературознавства в компаративних вимірах. Збірник статей., редкол.: І. В. Козлик (голова) й ін. – Івано-Франківськ : Симфонія форте, 2014. – Вип. III., С. 246-251.
11. Старицька-Черняхівська Л.М. Вертеп. Старинна містерія на нові теми., Л. Старицька-Черняхівська., Зона. – 2001., No. 15., С. 205–207.
12. Старицький М.П. Ой не ходи Грицю, та на вечерниці: драма в V діях зі співами і танцями., В переробці Александрова. – Jersey City., Свобода, 1919. – 70 с.
13. Сумцов М. Народна словесність-письменство XI-VXIII ст., М. Сумцов., Хрестоматія по українській літературі. – Харків., Держ. вид-во України, 1922. - Т. 1. – 245 с.
14. Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів у 12-и томах. – К.: Наукова думка, 2003. - Т. 2. - С. 309 – 310 (канонічний текст), с. 506 – 507 (варіанти), с. 719–720 (примітки).
15. Шевченко Т.Г. Н. Маркевичу, Тарас Шевченко. Зібрання творів: У 6 т. - К., 2003. - Т. 1: Поезія 1837-1847. – С. 127; С. 634-635.
16. Шреєр-Ткаченко О.Я. Українська професійна музика до середини XVIII ст, Історія української дожовтневої музики., Заг. ред. та упор. О.Я. Шреєр-Ткаченко. - К., Муз. Україна, 1969., С. 68-115.
17. ІМФЕ, ф. 14 - 3, од.зб.1071, - Вертеп з с. Настасів.- арк.2-5; вертеп з с. Біще. - арк. 14-17
18. ФДМТМіК Укр, Р. - 10840. Архів «Вертеп». Спогади про перше дійство Сокиринського вертепу та про інші його вистави в садибі панів Галаганів. - 8 с.
19. ФДМТМіК Укр, Р. - 4899. Архів «Вертеп». І. Стешенко. Спогади про вертеп музичної школи Лисенка. - 8 арк.
20. Николай Андреевич Маркевич: информ-блок [Электронное издание]. – М., Библиотека украинской литературы, 26.06.2015., Режим доступа: <http://www.mosbul.ru/dig/2015.06%20markevich.pdf> – Заголовок с экрана.

WHAT ARE AND WHERE ARE THE SPIRITUAL (IN SENSE OF IMMATERIALITY, NOT RELIGION) LIMITS OF DEGROWTH?

T. Filiakova, Candidate of Economics
University of Vienna, Austria

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

Today we are facing the miracle time – the transformation and the obvious need for this transformation of the humanity as of whole not just in the field of economic or political life, as mainly was before, but in the field of the humanity itself in the stage of its soulful intellect and the mindfulness of the human being and cognition with the clear, as I see, appeal for being transformed and transgressive into the new spiritual reality. Such kind of reality in this case I would like to be called as degrowth and what are and where are the possible spiritual (not religious but soulful) limits of such a path I would like to present in this work.

Keywords: Consumer society, consciousness, degrowth, development, ideology, intellectual capital, spirituality, soulfulness, well-being, utopia.

Turn on your TV set – what you hear? Turn on your radio – what you hear? Open some news page in your smartphone – what you see? Could you find one common word for all ‘those’ things that you hear/see/read? I found one and I suppose you will agree with me on that – it is ‘the War’. Sorry, sounds terrifying, but if you open your eyes and think critical of what is going on in our world – you will see this ‘word’ very clearly. You need just to accept it – acceptance is the first step in order to understand something. It is the War – intellectual, mental, cold, warm – you can find many adjectives to deeply describe it, but it is definitely not ‘peace’. Is this what we strived for? Is it what we – you/I/our parents/nations – all of us were dreaming of? I don’t think so. We lost SO MANY in two World Wars, all other war conflicts, we should be aware of it – we know the real face of this monster. Why then it is happening and happening and happening? Why ‘those after War Institutions, Norms’ don’t work? – look at the migrants’ number, that is even bigger than after two World Wars – I can surely say, that those Institutions of regulations don’t work, or they don’t work in sense of how they supposed to work.

If you look through the economic glasses onto human history, you will definitely find the constant changing of two opposite poles in the main theoretical thoughts – ‘free market’ and ‘controlled market’ – very rude, but these are the two main poles. Then you will have lots of critics to one pole and then to another, but the root stays always in the ‘intervention’ – rather it should be or not. The very word ‘intervention’ means that you have some system, that you, as an external player, could somehow intervene or not. But this ‘system’ itself should contain different agents – other players of this system. The whole economic world that we do have until now is made (the question by whom remains out of the issue) through this perception – that there are some agents (let’s call them ‘white supreme power’) who can rule/lead/control/impose some rules to other agents, means just ‘use’ them for their own benefits. That is also how the mechanism of happening inequality could be probably explained to children. The reasons ‘why’ it happens and ‘why’ it is ‘so’ are out of our issue.

So, having in mind some existing structure of ‘world-life’, while assuming economy as a ruling ‘mode’ of living and combining this with existing newsfeed – what falls into your mind? I have one more word for you – ‘WRONG’. Something is definitely wrong with us/with our world/with our way of thinking/with our empathy and respect to ‘other’ (I don’t even talk about this common ‘tolerance’, just about respect at least!). It looks like we forgot that we are human beings, and all ‘others’ are same – people.

It is already pretty clear – the existing reality should be thought under different theoretical field. And this one already exists – the degrowth perspective. There is lots of literature concerning that issue, lots of authors who already work on it. It started already on 1972 with André Gorz in Paris and ‘is a call to decolonize the social imaginary from the ideology of a one-way future consisting only of growth’ as Giorgos Kallis (2015) [<https://degrowth.org/2015/05/15/yes-we-can-prosper-without-growth/>] says. In such a way it is not the same thing as recession. It is the hypothesis that we can achieve prosperity without economic growth. Overall such a concept, according to Viviana Asara (2015) ‘aims to repoliticize the debate on the relationships between sustainability, economy and society and to advance a new vision of social–ecological transformations’ [Asara (2015): Introduction].

If we do talk about economy, we do have this ‘white supreme power’ in our minds, that comes very closely to capitalism, which does not have any limits, ‘it only knows how to expand, creating while destroying’ [Giorgos Kallis (2015): <https://degrowth.org/2015/05/15/yes-we-can-prosper-without-growth/>], that is also questioned by degrowth, that, in its perspective, has a comprehensive social transformation process, as Ulrich Brand calls it ‘Change by Design, not Change by Disaster’ [Brand, Ulrich (2014): 31]. As Asara (2015) also claims, degrowth does not mean reducing the GDP, but to increase social justice, meaning of life and well-being, nevertheless staying in the ‘utopia-mode’, cause an analytical limitation would be that degrowth, according also to Kallis (2014) wording, ‘is nowhere to be seen’ [Kallis, Giorgos (2014): 361].

Kallis (2015) in his article ‘Yes, we can prosper without growth’ actually proposes real 10 steps to be implemented (in his case in Spain) in order to get degrowth model ‘switched on’ as well as he quotes Latouche and his ‘eight Rs of degrowth’, namely: ‘reevaluate (shift values); reconceptualize (e.g., wealth vs. poverty or scarcity vs. abundance); restructure production beyond capitalism; redistribute between North and South and within countries; relocalize the economy; and reduce, recycle, and reuse resources’ [Kallis (2014): 361], that I personally find more attractive as the 10th mentioned above (shortly: 1. Citizen debt audit. 2. Work-sharing. Reduce the working week to at least 32 hours and develop programmes that support firms and organisations that want to facilitate job-sharing. 3. Basic and maximum income. 4. Green tax reform. Implement an accounting system to transform, over time, the tax system, from one based principally on work to one based on the use of energy and resources. 5. Stop subsidizing and investing on activities that are highly polluting, moving the liberated public funds towards clean production. 6. Support the alternative, solidarity society. 7. Optimise the use of buildings. 8. Reduce advertising. 9. Establish environmental limits), that I would even disagree with. I do believe that those ‘10’ could actually not be realized, or will be definitely difficult to be realized in the whole world, while the world is ruled by the minds of businessmen and triumph of the consumer society.

I would like here to focus on the triumph of the consumer society and explain briefly what I mean. Brand of your car and cell phone model, brand label on your jeans – these became the values of the modern world, but they are false and fake. Initially, when a person comes into this world, he/she has a great potential. Gradually, year after year, he/she/we is/are losing it. Why? Because by

virtue of social orientation, he/she/we is/are aiming to tangible assets (that is actually implanted by modern capitalist and neoliberal ideology – we are managed by economics), in pursuit of which we are spending our spiritual potential (in sense of immateriality, not religion, which is out of our issue right now). Getting deeper and deeper into debt while buying a house, a car, an apartment, the rest of our lives we pay those debts and monstrous interests. Any civilization destroys itself by itself. When the culture is transformed into anti-culture, creating false values, where people live ‘behind the glass’, while eating, sleeping and reproducing themselves for the amusement of the viewers – decline comes.

The triumph of consumer society is in such a way a triumph of all private goals over all public goals [Pawly (1973): 60], and the triumph of mainly ‘wrong’ goals, deeply ‘penetrated into the psychology of the population’ [Cahill (2002): 630]. According to Cahill (2002) consumer society by its nature and by its assumptions tends to the private and personal that Asara (2015) will put under the ideological limits of growth. ‘In a society where pleasure has been privatized, to be without the necessary goods creates frustration on a large scale. Crime and vandalism are obvious outcomes’ [M. Cahill (2002): 636].

That is why I do find that those above mentioned 10 steps could not lead to our willing utopian (and probably therefore it is so utopian until now) stage of degrowth. We do need first to start from the formation of the right theoretical base, from the right code of human consciousness, namely from the transformation of this ‘code’ toward spirituality.

I do talk about that kind of spirituality that is strongly related to the human intellect, the soulful intellect. There are lots of disputes about the very notion of intellect, of what is it, where is it, or how does it develop. But the main point here will be that under this kind of intellect I do understand the human thinking ability. What also Bell (2001) calls the ‘coming of Post-Industrial society’ would be the relevant acceptance of that kind of ‘Knowledge’. The other thing is how will we use that ‘Knowledge’? There are two main ways – one is for the need of all kinds of existing or possibly coming Wars, another one – for the development itself, what kind of development then. Our spirit should be seen as the other side of knowledge.

In this regard I would like to lead here an example of so the called gerotranscendence from sociology science. This theory was suggested in 1989 by Swedish sociologist Tornstam, who defines it as ‘a shift in meta-perspective, from a materialistic and rational vision to a more cosmic and transcendent one, normally followed by an increase in life satisfaction’ [Tornstam (1994): 203]. This sociologic theory is about aging people and some theoretical analysis, as well as research that were made in order to investigate the behaviour of older people and possible ways of their depressive conditions avoidance. But this is also what I find we strongly need in our degrowth path – the self-transcendence.

The Self-transcendence, according to Wang (2011) as he quotes Coward and Reed (1996), is an indicator of spirituality, and should be defined as ‘the ability to reach out beyond oneself and discover or make meaning of experience through broadened perspectives and behaviour’ [Wang (2011): 2630]. This strongly corresponds to what Asara (2015) says, ‘that degrowth is about a (collective and individual) democratic movement of establishing limits within which human well-being and creativity can flourish’.

The all above mentioned is a trial to respond the question of what are the spiritual limits of degrowth. We do have one more – where are those spiritual limits of degrowth? Can we actually talk about some limits of being spiritual/immaterial in degrowth? Should we remind the usual case with Buen Vivir in Ecuador or Vivir Bien from Bolivia? Or we can say that there are no limits for this? I would rather propose at the very end one more notion – ‘intellectual capital’. I did already mention the intellect itself as the most important resource and the flip side of the spirit in our society of knowledge. But still living in the system of capital management in totally immoral economy under the framework of financial success ideology, that can and will lead just to the further processes of social norms and rules decomposition, we could think about our own capital, that everybody has inside, just should develop it – our intellectual capital. Right now we can ask more precisely – where are the limits of this/of our intellectual capital? And if from one side it could be of no limits, then from the other side limitless is also not the case. I believe that the direct application and usage scope of the intellectual capital can display the limits of its use – in what field is the intellectual capital used, by whom and who leads the whole process, who controls and who gains and gains what from this process? And at that rate we are coming back to the abovementioned problems of ‘intervention’, but then also to self-realization and self-development and this is the exact field where we, according to Asara (2015), could challenge and escape the ideology of growth.

In this case our Intellectual capital can’t exist without the work of ideology. We all are leaving somewhere – we have some friends, who influence us, we have our political structure that does rule our governmental society, we do have our parents, who teach us something within the perspectives of their own believes. There are also different types of this ideology – it could be political, scientific, religious, etc. Ideology in such a case is a special form of social consciousness. And in our case I am taking about such kind of household Ideology that should rule our society in the path to the prosperous future of socially oriented individuals.

Just in short wanted to highlight the very notion and aspect of ‘socially oriented individuals’. In soviet Russia we tried to build the socially oriented society – it happened not to become the ‘good’ reality, as we know. In ‘Nord’ it seems to be aimed onto the ‘individual’ path that led us to the spreading of well-known consumer society with above discussed pitfalls. Therefore I am insisting that those two ways definitely should not be seen or analysed or be realized separately – those two should be applied altogether! And in such a case we can’t stay apart from the spiritual mode, cause this is that ‘bath’, where we can take forces and prosper to our individual development, but always keeping in mind, that this ‘individual development’ should be always aimed to the social well-being. I think just this combination can and will give us the path to the real degrowth.

Conclusion

Today we are facing the transdisciplinary crisis – the crisis of all spheres of our ‘being’ strongly connected with the need to transform the very form of this ‘being’. And in such a case I do clearly see the appeal to change not just the form and structure of ‘how we live’, but the need to transform ourselves. The vulgarity of EVERYTHING becomes today the mainstream of our lives, it’s not enough already to talk just about the total reification of everything, there is a time to understand that we became some sort of ‘amoral consumer’ and that this type of consumer has become an integral part of what we want to achieve. The reason for this in my opinion lays in an imposition of the capitalist economy principles with unwise consumption on the grounds of use and exploitation for the sake of increasing rates of production to be able to consume more on a par with the decomposition of the spiritual sphere, which is the life-saving belt itself, which will give the opportunity to see all the banality and the absurdity of human life for the sake of consumption. Just spiritual, soulful intellect, based on moral ideals and moral values, can and will give us the very bridge of transcending to the to date utopian degrowth.

References:

1. Bell, Daniel (2001) The coming of Post-Industrial society, Access mode: https://www.os3.nl/_media/2011-2012/daniel_bell_-_the_coming_of_post-industrial_society.pdf
2. Brand, Ulrich (2014): Degrowth. Der Beginn einer Bewegung. In: Kommentare und Berichte; pp. 29-32.
3. Kallis (2015) Yes, we can prosper without growth, Access mode: <https://degrowth.org/2015/05/15/yes-we-can-prosper-without-growth/>

4. Kallis, Giorgos; March, Hug (2014) Imaginaries of Hope: The Utopianism of Degrowth. *Annals of the Association of American Geographers*, [Peer Reviewed Journal]
5. M. Cahill (2002) 'The Implications of Consumerism for the Transition to a Sustainable Society', in M. Cahill and T. Fitzpatrick (Ed.) *Environmental Issues and Social Welfare* (Oxford: Blackwell Publishers).
6. Pawley, Martin (1973) *The private future: causes and consequences of community collapse in the West London*: Thames and Hudson, c1973. - 208 p.
7. Tornstam L. (1994) Gerotranscendence—a theoretical and empirical exploration. In *Ageing and the Religious Dimension* (Thomas L.E. & Eisenhandler S.A., eds), Westport, Greenwood, pp. 203–225.
8. Wang J.-J. (2011) A structural model of the bio-psycho-socio-spiritual factors influencing the development towards gerotranscendence in a sample of institutionalized elders. *Journal of Advanced Nursing* 67(12), 2628–2636. doi: 10.1111/ j.1365-2648.2011.05705.

УДК 323.17.477

КОНСОЛИДАЦИЯ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД / CONSOLIDATION OF UKRAINIAN SOCIETY: INTEGRATED APPROACH

Воропаева Т.С., канд. психол. наук, доцент
Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

В статье рассматривается специфика консолидации украинского общества. Анализируются основные факторы современных консолидационных процессов. Предложено интегративное понимание консолидационных процессов. Предпринята попытка создания принципиально новой типологии консолидационных процессов.

Ключевые слова: консолидация, методология, интегративный подход, факторы консолидации, граждане Украины.
The article considers the specifics of the consolidation of Ukrainian society. The main factors of modern consolidation processes are analyzed. An integrative understanding of consolidation processes is offered. In article attempt of creating a fundamentally new typology of processes of consolidation.

Keywords: consolidation, methodology, integrated approach, consolidation factors, the citizens of Ukraine.

Построение в Украине правового гражданского общества на принципах демократии, гуманизма, рыночной экономики, политического и культурного плюрализма требуют реализации национальных интересов и общенационального единства. Чрезвычайно важным в этом плане является проблема консолидации общества, которая сегодня имеет практическую актуальность для Украины. Актуальность исследований, посвященных консолидационным проблематике, определяется также тем огромным значением, которое они имеют в жизни новых независимых государств, сформировавшихся на постсоветском пространстве.

Известно, что сплоченность (консолидированность) является важнейшей идеей, на которой основаны все процессы европейской интеграции. Лиссабонские соглашения концептуализировали эту идею в контексте солидаризма: солидарность между поколениями, между государствами и индивидами, между государствами-членами ЕС и т.п. Главное управление социальной сплоченности при Совете Европы связывает социальную сплоченность и консолидированность любого общества с обеспечением для всех граждан равного доступа к основным социальным и экономическим правам, с общественным благополучием, гармоничными и стабильными социальными отношениями как неотъемлемой составляющей социально-экономического развития и мирного сосуществования [3, р. 5-6].

В современной социогуманитаристике продолжается поиск новых подходов к изучению особенностей консолидационных процессов на различных исторических этапах развития человеческой цивилизации. Проблемы социальной консолидации, интеграции, солидарности и сплоченности привлекали внимание многих мыслителей уже на первых этапах развития философской мысли, ведь естественное влечение к сплочению и консолидации является одной из имманентных признаков человеческого социума. Именно в рамках социальной философии и социологии была впервые поставлена и проанализирована консолидационная проблематика. Современными подходами к этим проблемам характеризуются многообразием теоретических интерпретаций и вариантов практической реализации результатов исследований. Именно поэтому разработка теоретико-методологических основ, определение сущности, форм и этапов консолидации общества является одним из актуальных и приоритетных задач современной социальной философии.

Известно, что понятие «консолидация» (от лат. «Consolidatio» – укрепление, объединение, сплочение) впервые было использовано в религиозной сфере и в юриспруденции на Юге Франции в середине XIV века. На протяжении XIV–XIX вв. это слово вошло во все европейские языки и использовалось в политико-правовой, финансово-экономической, социокультурной, этнонациональной сферах, а также во многих науках (в геологии, социологии, биологии, кибернетике и т.д.). В славянские языки этот термин попал через французский язык (с латинского) в начале XIX в. Это понятие интерпретируется в современной социогуманитаристике как процесс объединения социальных субъектов, укрепление единства и сплоченности общин и обществ ради решения ими сложных (актуальных, неотложных) задач. Проблема консолидации общества является сегодня одной из ключевых для Украины, ведь чрезвычайно актуальными являются вопросы вовлечения широких слоев населения в процесс демократических преобразований, преодоления духовного отчуждения граждан от своего государства и создание современной украинской нации европейского типа. Итак, консолидация – это один из важнейших процессов групповой динамики, обуславливающий степень упорядоченности, согласованности и устойчивости общинных и общественных взаимосвязей, обеспечивающих стабильность и преемственность жизнедеятельности данного социума. Консолидация характеризует степень преданности индивидов той или иной группе и степень их приверженности каждой из них [1].

Сегодня появляется реальная необходимость систематизации и концептуализации существующих исследований, посвященных проблеме консолидации общин и обществ (см. работы таких исследователей, как Д. Александер, Э. Арато,

Х. Арендт, Ф. Армстронг, С. Арнольд, Л. Бартон, А. Бергсон, М. Бернард, Г.Д. Блумер, Э. Брондолло, П. Бурдьё, Э. Васта, М. Вебер, М. Вользер, Э. Геллнер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Х. Зандкюлер, Г. Зиммель, Э. Иззатдуст, Я. Капеллер, Т. Карл, В. Кимплин, Дж. Коэн, Э. Колерс, Дж. Колман, С. Кондор, О. Конт, М. Лем, М. Либретти, Дж. Линц, Д. Локвуд, А. Макин-тайр, Б. Малиновский, А. Мелуччи, Р. Мертон, Дж. Г. Мид, Р. Патнэм, Т. Парсонс, М. Платтнер, Дж. Роулз, П. Сорокин, Ф. Тённис, А. Турен, Ф. Уолкенштейн, М. Уольцер, М. Фуко, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, Г. Хайек, С. Хантингтон, Дж. Хоманс, Ф. Шмиттер; Е. Агеева, Г. Андреева, А. Ахиезер, В. Бабинцев, Г. Вайнштейн, Н. Великая, В. Витюк, Е. Герасимов, Л. Гудков, А. Данилов, М. Зверев, В. Иванов, М. Ильин, Л. Ионин, И. Исаев, В. Капицын, О. Кармадонов, И. Клямкин, Г. Копылов, Н. Копцева, С. Кравченко, М. Кудряшова, В. Кузнецов, В. Лапкин, В. Левашов, И. Лескова, С. Михайлова, Р. Нугаев, А. Окара, И. Панина, В. Пантин, О. Паслер, С. Патрушев, С. Перегудов, В. Петровский, О. Полюшкевич, М. Попов, В. Радаев, М. Рац, В. Роик, А. Самарин, Б. Слепцов, В. Степин, С. Тарутин, Н. Тихонова, В. Толстых, М. Урнов, В. Федотова, А. Филиппов, И. Халий, И. Шапиро, О. Шкаратан, В. Ядов, Т. Янсон, В. Ярская и др.).

Теоретико-эмпирические исследования проблем консолидации общества, социальной солидарности и групповой сплоченности начались в 40-х годах XX в. Самые известные научные концепции по этой тематике были созданы такими учеными, как К. Левин, Л. Фестингер, Д. Картрайт, А. Зандер, а также их последователями во многих странах мира. Эти ученые выяснили, что консолидация является своеобразной «результатирующей» тех сил, которые удерживают людей в той или иной группе. При этом считается, что определенная группа (как малая, так и большая) устраивает индивида в той мере и до тех пор, пока он считает, что «выгоды» от членства в этой группе не просто доминируют над «расходами», но и являются преобладающими по сравнению с любой другой группой или с пребыванием вне любой из возможных групп. Поэтому «силы сплочения» определяются неким «балансом» степеней привлекательности всех доступных для конкретного индивида групп. Теоретические разработки ученых, которые исследовали особенности консолидации общин и обществ, требуют критического анализа, совершенствования и дополнения. Всесторонний анализ состояния исследуемой проблемы в зарубежной и отечественной научной литературе позволяет выявить условия и средства оптимизации процессов консолидации различных групп в пределах Украины.

Известно, что консолидация иногда совершается стихийно, но чаще всего для оптимального «разворачивания» консолидационных процессов необходима целенаправленная организационная деятельность формальных и неформальных лидеров, общественных организаций и государства. В связи с этим очень важной является точка зрения Ю. Хабермаса, который подчеркивал, что некоторые современные государства «всё более минимизируют свою социальную ответственность и редуцируют социальные гарантии», предлагая возможное решение данной проблемы путем достижения «нового социального консенсуса между государством, капиталом, и обществом» [2, с. 108].

Интегративный подход к изучению поставленной проблемы предусматривает поиск общего понятия для обозначения всех процессов объединительного характера (сплочения, консолидации, интеграции, солидаризации) в социуме. Таким общим понятием может стать термин «конъюнкция», предложенный О. Кармадоновым (который изучает «конъюнктивный дискурс», «конъюнктивный процесс», «конъюнктивное содержание», «конъюнктивную результативность», «конъюнктивные практики» и т.п.).

Интегративный подход к изучению специфики консолидационных процессов позволяет выделить 12 уровней консолидации общин и обществ: 1) родовой и семейный (на уровне отдельного рода и отдельной семьи); 2) групповой уровень (на уровне основных социальных групп, в которые входит человек (друзья, товарищи, одноклассники, однокурсники, коллеги по работе, соседи по дому, добровольные объединения, волонтерские организации и т.д.)); 3) локальный (местный); 4) региональный; 5) этнический; 6) национально-культурный (для этнической нации); 7) государственный (гражданско-политический) (для политической нации и гражданского общества); 8) трансгосударственный (макрорегиональный в пределах определенного континента); 9) континентальный; 10) цивилизационный (если цивилизация не совпадает с континентом); 11) трансграничный и трансконтинентальный (когда определенная политическая нация объединяется с представителями диаспоры во многих странах мира); 12) мировой (глобальный). Итак, консолидация микроуровня представлена в первом и втором примере, консолидация мезоуровня – в третьем, четвертом, пятом и шестом примере, консолидация макроуровня – в седьмом, восьмом, девятом, десятом и одиннадцатом примерах, консолидация мегауровня – в двенадцатом примере. При этом консолидированность макроуровня не может существовать без консолидированности групп на микроуровне, но консолидированность микроуровня может существовать и без консолидированности макроуровня.

Необходимо учитывать, что консолидация мега- и макроуровня совершается очень сложно и имеет много отличий от консолидации микро- и мезоуровня. В частности, в постсоветских странах быстрее и проще совершается консолидация на микроуровне, а наиболее трудно – на макроуровне (из-за низкой степени общественного доверия и социальной ответственности, а также из-за недостаточно развитого гражданского общества). Новейшая история Украины показывает, что консолидация украинского общества на мезо- и макроуровнях замедляется в связи с недостаточно развитой самоорганизацией граждан во многих регионах страны, отсутствием доверия к власти и конструктивных вертикальных связей между гражданами и властью, длительной авторитарностью государственного управления, существованием неадекватных социально-политических представлений и т.п.

Кроме различных уровней консолидации общин и обществ можно выделить и типы социальной консолидации: общинный, общественный, государственный, общественно-политический, внутриэтнический, межэтнический, внутринациональный и межнациональный, трансграничный, трансгосударственный, трансконтинентальный, планетарный. Каждый из этих типов имеет свою специфику и механизмы консолидации [1].

Для полноценного развития современного украинского общества необходим баланс вертикального (между властью и обществом) и горизонтального (в рамках конкретного общества) направлений консолидационных процессов, а также доминирования конъюнктивных практик консолидации общества над дизъюнктивными.

Активизации консолидационных процессов в современном обществе способствуют не только общие цели (актуальные и неотложные), интересы, базовые ценности, но и наличие общей идентичности, целостного мировоззрения, конструктивные самоорганизационные практики, формирование субъектности, социальной ответственности и критического мышления и тому подобное. Обеспечение оптимального уровня информационной безопасности государства является одним из ведущих условий консолидации общества. Важной составляющей процесса консолидации украинского общества является преодоление региональной сегментации и угрозы дезинтеграции Украины. Духовно-мировоззренческими принципами консолидации любого общества является формирование патриотических чувств, гражданственности, субъектности, целостного мировоззрения, социального консенсуса, национального самосознания, политической и правовой культуры и т.п.

Характер консолидационных процессов определяется их направленностью (просоциальной или асоциальной), действенностью и результативностью. Оптимизация процессов консолидации общества предполагает полноценное функциониро-

вание основных измерений консолидационного процесса: когнитивного, эмоционального, целевого (наличие общих целей, которые являются актуальными и неотложными для защиты национальных интересов современной Украины), ценностного, идентификационного, мотивационного и организационного (в первую очередь, самоорганизационного, который включает как традиционные, так и новые формы и практики самоорганизации), а также наличие просоциальной направленности совместной деятельности и ценностной вовлеченности индивидуальных и коллективных субъектов в подобную деятельность.

Социокультурная, протестная, национальная, гражданско-политическая самоорганизация социума выступает системообразующим фактором формирования гражданского общества, которое, в свою очередь, активизирует консолидационные процессы в рамках политической нации. Для оптимизации консолидационных процессов в современном украинском обществе необходимо использовать когнитивные, аффективные и конативные механизмы (аффилиация, адаптация, аттракция, идентификация, стереотипизация, категоризация, ритуализация, социализация, экспектация, интеграция, эмпатия, внушение, подражание, эмоциональное заражение, сопереживание, убеждения, глубинное общение, нормо- и смыслообразование).

Итак, главными факторами консолидации украинского общества являются общие архетипы и представления, цели и ценности, потребности и интересы, горизонтальный коллективизм, социальная конъюнкция, взаимное доверие и взаимопомощь, совместная деятельность, общая память, общая идентичность, патриотизм, национальная идея, диалогические отношения, кооперантное взаимодействие, развитое гражданское общество, авторитетные элиты, демократический стиль лидерства и руководства, эффективно действующие социальные сети и т.д. [1].

Таким образом, консолидированность общества является важной общечеловеческой ценностью, которая обеспечивает не только существование человечества, но и его цивилизационное развитие. Социальная консолидация является основой устойчивости государственной политической системы, ее способности к сохранению суверенитета и территориальной целостности государства. Проведенное исследование позволило выявить уровни и типы социальной консолидации, характер и духовно-мировоззренческие основы консолидационных процессов, основные измерения и факторы консолидации современного общества.

Сегодня наиболее актуальными задачами являются: 1) разработка идеологии консолидации и социального консенсуса в Украине; 2) создание и внедрение новых социогуманитарных технологий взаимодополнения: а) различных региональных и религиозных идентичностей украинцев, б) различных интерпретаций прошлого, в) различных видений современности, г) различных толкований будущего, д) духовно-мировоззренческих, политико-правовых и социально-экономических представлений представителей украинской диаспоры и граждан Украины. Выполнение этих задач будет способствовать оптимизации консолидационных процессов в украинском обществе.

Литература:

1. Воропаєва Т. Спільна ідентичність в контексті консолідації українства., Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Українознавство. – Київ., ВПЦ «Київський університет», 2016. – Вип. 1(18), С. 11-14.
2. Хабермас Ю. Политические работы. – М., Праксис, 2005. – 368 с.
3. Promoting the policy debate on social cohesion from a comparative perspective. Trends in Social Cohesion. – Council of Europe, 2001, December., No. 1., pp. 5-6.

ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ В ОТРАЖЕНИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Шенцева Е.А., канд. филос. наук
Россия

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

В современных философских исследованиях все более явственно звучит мотив перехода от мировоззренческих и эпистемологических установок постмодернизма к новому мироощущению и попыткам осмысления реальности, это мироощущение породившего. Новая социальная реальность получает теоретическое обоснование в концепциях сетевого общества или общества сетевых структур, вместе с тем, с определенной степенью уверенности можно утверждать, что ее философское осмысление лишь начинает обретать более или менее выраженные контуры, равно как и то, что мы, возможно, являемся свидетелями зарождения и становления нового, так называемого *сетевого подхода*.

Очевидно, что одним из ключевых для зарождающегося дискурса становится понятие *сеть*, в то время как *ризома* (фр. Rhizome), начиная с одноименного текста Ж. Делёза-Ф. Гваттари, является фундаментальным понятием дискурсивного пространства постмодерна.

Прежде чем углубиться в суть понятийных метаморфоз, свидетельствующих, на наш взгляд, о глубоких парадигмальных сдвигах, отметим, что термин *сеть (сету)* все чаще проникает в область исследований далеких от сетевой проблематики. Обратим внимание на то, как использует данный термин В.С. Степин (со ссылкой на А. Эддингтона и К. Поппера): «теория – это сеть, которую мы забрасываем в мир ... то, что мы получаем в качестве объективного знания, определено характером теоретической сети. В другой сети (с иной конфигурацией ячеек) мы выловим в океане мира новые объекты, и это приведет к изменениям представлений об устройстве мира» [Степин 2010, 73]. Или ранее: «теоретическая схема есть «сеть абстрактных объектов», определяющая специфику той или иной теории» [Степин 2000, 310]. Возможно, еще более интересным может быть анализ использования понятийной конструкции «петля обратной связи», пришедшей из кибернетики и характерной для сетевого дискурса (Г. Бейтсон, У. Матурана, Ф. Варела). В частности, речь идет о работе Э. Агацци «Эпистемология и социальное: петля обратной связи» [Агацци 2010]. Формат настоящей статьи не предполагает аналитику этих чрезвычайно важных теоретических вопросов. Не будем преувеличивать и тем более прикрываться авторитетом известных имен, однако изложенное выше может свидетельствовать о проникновении понятий сетевого подхода если не «в букву», то «в дух» философских исследований.

Обращение к тексту «Ризома» Ж. Делёза-Ф. Гваттари с целью поиска аутентичного определения способно привести читателя в некоторое замешательство, ввиду того, что таковое отсутствует. Однако это и понятно, поскольку определение,

т. е., установление понятийного предела для *ризомы* весьма проблематично. Лишь позднее *ризома* приобрела отточенность формулировок и подробности описаний, и в целом исследователями фиксируется внимание на том, что понятие *ризома* вводится Ж. Делёзом–Ф. Гваттари «для обозначения радикальной альтернативы замкнутым и статичным линейным структурам, предполагающим жесткую осевую ориентацию» и отражает «принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности» [Можейко 2002, 883].

Французские же авторы вводят понятие исподволь и будто нехотя («Мы чувствуем, что не убедим... никого, если не пронумеруем некоторые приблизительные свойства ризомы» [Делёз, Гваттари 2010, 12]) дают развернутую и местами весьма туманную дескрипцию ее принципов (сцепления и гетерогенности, множественности, незначающего разрыва, картографии и декалькомании и др. [Там же, 12–22]). Заметим попутно, что говоря о процессе создания концептов, а точнее – общего плана имманенции, являющегося почвой для порождения концептов, авторы открыто признают, что: «в каждом плане есть не только страницы, но и дыры, и сквозь них протекает туман, которым окружен план и в котором начертанный его философ порой сам же первый рискует заблудиться...» [Делёз, Гваттари 1998, 68]. Очевидно, что, с одной стороны, «речь идет о модели, которая не перестает себя воздвигать и разрушать и о процессе, который не перестает длиться, прерываться, и возобновляться», а с другой – авторы признают сосуществование, и более того, возможность взаимодействия ризоморфных и древовидных форм и соответствующих им интерпретационных моделей: «В ризомах существуют структуры дерева или корней, но верно и обратное... В сердцевине дерева, в полости корня или в изгибе ветви может образоваться новая ризома» [Там же, 36]. Проникнутая протестными устремлениями, ризома предстает не только в качестве ключевого понятия постмодернизма, но и как символ постмодернистского мировоззрения. Свойства и характеристики ризомы, равно как и ее значение для постмодернистского дискурса в целом, получили проясняющие интерпретации и комментарии в работах И.П. Ильина, Н.Б. Маньковской, М.А. Можейко, А.Р. Усмановой, в которых, несмотря на глубину и основательность, не нашел отражения (во всяком случае, в явном виде) достаточно значимый факт – *ризома* есть концепт Ж. Делёза–Ф. Гваттари.

Нельзя не признать, что знаменитая сентенция М. Фуко «Человек исчезает как след, начертанный на прибрежном песке...» [Фуко 1994, 396] внесла особую ноту в постмодернистский дискурс, однако будем иметь в виду, что «смерть субъекта» имеет теоретический предел, переступая который, всякие рассуждения становятся бессмысленными. Вместе с тем, поиски теоретического пространства для свободной деятельности субъекта всегда присутствовали в аргументации постмодернистов, но оттеснились «на задний план задачами нигилистически деструктивного характера, воспринимавшимся как первоочередные» [Ильин 1996, 75-76].

Полагаем, что с достаточной степенью уверенности можно говорить о том, что именно эти, доведенные до крайности в конце прошлого столетия «нигилистически деструктивные» интенции, в начале XXI в. с неизбежностью возрождают древнейший мотив философской мысли – Диоген с фонарем, ищущий Человека, что, на наш взгляд, соответствует основным мировоззренческим и эпистемологическим устремлениям зарождающегося сетевого дискурса.

Отметим как парадокс – вырастая (преимущественно) в недрах литературы и литературоведения, философы постмодерна, фиксируя проблему *письма*, пытаются преодолеть линейность печатного текста, определившего ментальность западного человека (М. Маклюэн). Возможно, и этим обусловлено повышенное внимание к *неточному* поэтическому слову, обладающему целой партитурой смысловых обертонов. Если авторы обозначают проблему *письма*, для которой характерно чувство тотальной невозможности выразить невыразимое («абсолютно необходимы неточные выражения для того, чтобы описать что-нибудь точно» [Делёз, Гваттари 2010, 36]), то мы не можем, хотя бы в самом общем виде, оставить без внимания проблему *чтения* постмодернистских текстов. Последнее требует, казалось бы, противоположных операций мышления: поэтического восприятия (иначе как можно проникнуться духом утверждения о том, что «оса и орхидея образуют ризому» [Там же, 17]) и аналитических процедур, интуитивного схватывания и критической интерпретации, что сообщает необходимую целостность восприятия, синтетического мышления. Тексты будто намеренно претят метафорами, перегружены сложными ассоциациями; при описании сущности ризомы авторы используют в качестве пояснений множество образов – от разветвленных нор с «линиями истечения» до своеобразия исполнительского стиля канадского пианиста Гленна Гульда. Ход рассуждений удивляет, зачастую ставит в тупик, принуждает мысль отказываться от только что найденной смысловой точки, которая, будучи едва схваченной, тут же обнаруживает свою неустойчивость и чуть ли не обращается против самой себя. Однако признаем, что такого рода интеллектуальные провокации не есть лишь удел *письма* постмодернистов: вспомним Платона, «Диалоги» которого полны загадок и неясностей. Безусловно, процесс чтения философских текстов не сводится лишь к проблеме понимания именно постмодернистской философии. Заметим попутно, как подходит к проблеме понимания философских текстов А.П. Алексеев: сопоставляя образную ткань философских и литературных текстов, автор отмечает, что «феномен философского произведения заслуживает гораздо большего внимания, чем то, которое уделялось ему до сих пор» [Алексеев 2011, 37]. Философское *произведение* как авторский текст не есть лишь логические конструкции, но наполнено системами образов [Там же, 40], и, продолжим мысль автора: философское произведение как *процесс понимания* возможно при участии не только логических, но и образных структур сознания. Будем, однако, иметь в виду оговорку остроумных французов: «мы пишем эту книгу как ризому... но это была шутка» [Делёз, Гваттари 2010, 39].

Каков же характер взаимосвязи понятий *ризома* и *сеть* и какие пласты реальности скрываются за ними?

Отметим, что анализируемые понятия в различных теоретических построениях нередко «соседствуют» друг с другом, что в самом общем виде может привести к следующим утверждениям: а) *ризома* и *сеть* есть понятия синонимические; б) *сеть* приходит на смену *ризома*. Так, в исследовании В.А. Емелина *ризома* предстает в качестве понятия, с помощью которого автор раскрывает и сущность устройства, и функционирование всемирной паутины Internet. Автор полагает, что для анализа сети «в современной философской литературе не имеется альтернативного понятия, которое могло бы так четко передать сущность сетевых технологий и одновременно указать на их взаимосвязь с мировоззренческим контекстом культуры постмодерна» и в целом приходит к выводу о том, что именно понятие *ризома* раскрывает философские, онтологические аспекты глобальной сети, формирующей новые формы культуры информационного общества [Емелин web].

Вместе с тем, существуют и другие взгляды, согласно которым «происходит переход от понятия *ризома* «к очень интересному понятию “сети”» [Пигалев 2005, 72]. Как парадокс отмечает А.И. Пигалев, что данное понятие имеет аспекты, которые могут быть обращены против него самого [Там же], не уточняя, однако, о чем идет речь. Ниже мы обратимся к этому вопросу, в данный же момент не можем не отметить точку зрения А.В. Назарчука, согласно которой понятие *ризома* (как и в целом труды Ж. Делёза–Ф. Гваттари) играет значительную роль «для понимания сути грядущего сетевого общества» [Назарчук 2008, 66].

Существенная теоретическая сложность заключается в том, что мы не можем однозначно противопоставить анализируемые понятия (тем более что авторы «Ризомы», равно как и другие авторы постмодернистского дискурса постоянно усложняют нашу задачу, как мы убедимся далее), однако именно в этом непростом вопросе нам предстоит разобраться.

Обращает внимание, что *сеть* в постмодернизме нередко используется в качестве преходящего термина. Это и «сетевой лабиринт» У. Эко, и «сеть» как метафора текста Р. Барта и «сеть культуры», ускользнуть от которой, по убеждению М. Грессе, никто не властен. Авторы «Ризомы», апеллируя к П. Розентье и Ж. Петито при описании централизованных (древовидных) и децентрализованных (ризоморфных) систем, используют тот же термин [Делёз, Гваттари 2010, 29–31]; и, наконец, план имманентности представлен «в виде сети, протянутой сквозь хаос» [Делёз, Гваттари 1998, 59].

Примеров множество, что, возможно и позволяет сделать вывод о том, что *ризома* и *сеть* суть понятия синонимические. В пользу этого вывода говорит и то, что слово *ризома* имеет непосредственное отношение к французскому *resseau* – сеть. Однако более значимым в контексте наших рассуждений является то, что Ж. Делёз–Ф. Гваттари при описании ризомы апеллируют к Г. Бейтсону [Делёз, Гваттари 2010, 39], который, наряду с У. Матураной и Ф. Варелой, полагается одним из основателей сетевого подхода и у которого отнюдь не *ризома*, но *сеть* предстает в качестве ключевого понятия.

Понятие *сеть*, как мы убеждаемся в процессе его философского осмысления, не менее *ризома* противится теоретизации, на попытки которой «давит» как социологическая окраска термина, так и принадлежность к миру компьютерных технологий. Вместе с тем, несмотря на то что *сеть* по-прежнему (преимущественно) мыслится как метафора глобальной сети Internet или служит для описания новой формы организации социального пространства, намечается весьма значимый поворот к интерпретации *сети* «в качестве универсальной модели объяснения множества событий и явлений из самых различных областей знания и практики» [Кузнецов 2011, 109–110]. С достаточной степенью обоснованности можно говорить о том, что сетевые эффекты существовали всегда, но информационно-технологические достижения современности придают сети статус объемного понятия, отражающего полифоническую сложность и взаимообусловленность различных процессов и феноменов современного мира. Именно ввиду принадлежности к области компьютерных технологий, с одной стороны, с другой – в связи с проникновением в сферу философского дискурса, понятие *сеть* может состояться как объединяющее разные грани единого мира, преодолевая, тем самым, опасную дихотомию реального и виртуального.

Будем иметь в виду, что *сеть* в самом общем виде представляет собой абстрактную схему «узлов» и «отношений» и согласимся с М. Кастельсом относительно того, что «морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий», следовательно «сетевая логика нужна для структурирования неструктурируемого» [Кастельс web]. При таком понимании *сеть* мыслится как понятийная конструкция, обладающая существенным эпистемологическим потенциалом. Одним из специфических свойств сети является «универсальная соотнесенность ... всех ее элементов» [Кузнецов 2011, 110]. Речь идет о возникновении «прямых и обратных связей между элементами... могущими быть весьма разнородными» [Там же], иначе говоря, о возникновении отношений, вкуче с «узлами» (элементами) конституирующих объект исследования. Именно таким образом понимаемые отношения задают сети интенцию притяжения, связывания в противоположность ризоме. Обозначенное выше свойство сети задает методологический импульс, представляющийся весьма продуктивным в эпистемологическом плане, поскольку аналитика объекта исследования через построение сети (сетевой структуры), элементы которой не рядоположны, разнородны, позволяет сформулировать достаточно нетривиальные выводы.

Не будем, однако, излишне самонадеянны и, перефразируя Ж. Делёза–Ф. Гваттари, зададимся вопросом: не кроется ли в сети с ее интенцией к глобальной связности нечто чрезмерное, не содержит ли она элементов, направленных против нее самой?

Ответ не может быть ни окончательным, ни однозначным. Заметим, что понятие *сеть*, представляя собой новый «инструмент мысли» (оборот М.М. Кузнецова), не может ни абсолютизироваться, ни радикализироваться. Вместе с тем, признаем: и *сеть*, и сетевой подход в целом могут восприниматься как нечто, подрывающее традицию, в связи с чем подвергаются жесткой, но не всегда оправданной критике. Достаточно вспомнить слова, высказанные в адрес ученых, стоящих у истоков сетевого подхода: «Теория аутопоэза устроена так, что, будучи последовательной, она приводит к абсурду. Свою respectable теория У. Матураны и Ф. Варелы сохраняет лишь за счет скрытых ... противоречий» [Режабек web]. И все же имеет смысл задуматься: «кто лучший последователь великих философов – тот, кто повторяет то, что они говорили, или же тот, кто *делает то, что они делали*, то есть создает концепты для необходимо меняющихся проблем?» [Делёз, Гваттари 1998, 40–41].

Итак, *ризома versus сеть*. Вызревая в *ризома*, *сеть* начинает жить собственной жизнью, с одной стороны, не порывая со своим «ризоматическим», точнее, постмодернистским прошлым, а с другой – наполняясь новыми смыслами в современной социокультурной реальности. Вместе с тем, есть основания утверждать, что понятие *сеть* значительно шире по объему, а *ризома* является одной из вариаций сети, и весьма причудливой. Феномен сети (будто бы) присутствует в *ризома* по умолчанию, однако при более внимательном рассмотрении, повторимся, понятие *сеть* предстает более общим относительно понятия *ризома*. Говоря языком Ж. Делёза–Ф. Гваттари, *сеть* (в широком смысле) может трактоваться как план имманентности, иначе – почва концептов, на которой могут вырастать, развиваться и исчезать старые концепты.

Нельзя не признать, что в том облике, который ей придали Ж. Делёз–Ф. Гваттари, *ризома* как фундаментальное понятие и символ постмодернизма, проникнутого духом радикального нигилизма, не может быть вырвана из постмодернистской почвы, и, что важнее, не может быть перенесена на почву новой, зарождающейся реальности сетевого общества, ибо в таком случае она теряет свой разрушительный пафос и становится частным случаем более общего понятия *сеть*. *Ризома* и *сеть*, несмотря на их этимологическое родство, принадлежат к различным мировоззренческим контекстам, а смещение к предпочтению последней есть хотя и не бесспорное, но убедительное, на наш взгляд, свидетельство эпистемологического и мировоззренческого перехода от философии постмодерна к новому витку развития философской мысли, который не получил пока убедительного определения, но несомненно связан с понятием антропологически фундированного сетевого подхода.

Литература:

1. Алексеев А.П. Образная ткань философского произведения (К вопросу о сопоставлении философии и литературы). Вопросы философии. 2011. No. 11.
2. Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи., Вопросы философии. 2010. No. 7.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. - Екатеринбург, 2010.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? - СПб., 1998.
5. Емелин В. Ризома и Интернет., Access mode: <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm>
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. - М., Интрада, 1996.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура., Access mode: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php
8. Кузнецов М.М. Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна. - М., ИФРАН, 2011.
9. Можейко М.А. Ризома., История философии. Энциклопедия. Общ. ред. Грицанов А.А., Абушенко В.Л. - Минск, 2002.

10. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление., Вопросы философии. 2008. No. 7.
11. Пигалев А.И. Сетевые подходы в современной философии культуры., Res cogitans: Теоретич. альм. - Саратов. 2005. No. 1.
12. Режабек Е.Я. Современная философия языка: несогласованность методологических оснований., Access mode: <http://base.spbric.org/f/viewtopic.php?id=13>
13. Степин В.С. Наука и философия., Вопросы философии. 2010. No. 8.
14. Степин В.С. Теоретическое знание. - М., 2000.
15. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. - СПб., 1994.

CONTENTS

ROLE AND RATIO OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION AGAINST THE BACKGROUND OF THE INCREASING VALUE OF INFORMATION AND INTENSITY OF ITS TURNOVER

PHILOLOGY

Germanic languages

I. Kobiakova, S. Shvachko, V. Stepanov, MODELING THE HUMAN LIFE FRAME CONCEPT ON THE BASIS OF A FRIEDRICH NIETZSCHE'S PHILOSOPHICAL-APHORISM CORPUS.....11

S. Baranova, I. Kobiakova, I. Polishchiuk, TRANSLATION ASPECTS OF QUANTITATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS.....17

O. Sierostanova, D. Ozerniy, FORMATION OF THE PUPILS' LINGUISTIC COMPETENCES BY MEANS OF PSYCHOLOGICAL APPERCEPTION AND REFLECTION.....19

Native literature

Пыхгина Ю.Г., СНЕЖНЫЙ ПЕЙЗАЖ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....20

Philology - Open specialized section

Аязбекова С.Ш., НЕВЕРБАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МИРОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ.....23

Гретьорова І.М., ЗНАЧЕННЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО СПІЛКУВАННЯ В ПРОЦЕСІ НАВЧАННЯ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ.....27

I. Usachenko, TOWARDS THE ISSUE OF SOCIAL VARIATION OF LANGUAGE.....29

K. Shapochka, N. Ababilova, Mykolaiv V.O. THE PRINCIPLES OF COOPERATION AND POLITENESS IN VERBAL INTERACTION.....32

Theory of language

Баласанян М.А., ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖАРГОН – НОРМАТИВЕН ЛИ ОН?.....34

Тур О.Н., ПРОБЛЕМИ ТРАНСЛІТЕРУВАННЯ ВЛАСНИХ НАЗВ ЯК ЕЛЕМЕНТІВ ДОКУМЕНТНОЇ КОМУНІКАЦІЇ.....36

Хамзе Д.Г., КОММУНИКАТИВНА МОЦЬ МОЛЧАННЯ.....37

O. Shatilova, CATEGORY OF AUTHORIZATION IN TERMS OF THE THEORY OF FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD.....41

MATERIAL AND SPIRITUAL FACTORS OF THE PERSONAL CREATIVITY EXPRESSION IN THE GENERAL SOCIAL PROCESS OF THE CULTURAL VALUES FORMATION

ART HISTORY

Theory and history of arts

Аязбекова Д., ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ НА ОСНОВЕ ОБУЧЕНИЯ ИСКУССТВАМ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВЫХ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ).....53

Technical aesthetics and design

Макарова Т.Л., Макаров С.Л., РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ ГОТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ДИЗАЙНЕ КОСТЮМА И РАЗРАБОТКА ЭЛЕМЕНТОВ БАЗЫ ДАННЫХ.....55

HISTORY

Domestic history

Масалимов Р.Н., ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ БАШКОРТОСТАНА К РОССИИ (К 100-ЛЕТИЮ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН) / THE BASHQORTOSTAN'S HISTORICAL WAY INTO THE RUSSIA (TO THE CENTENARY OF THE REPUBLIC OF BASHQORTOSTAN).....59

CULTUROLOGY, PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Theory and history of culture

Аязбекова С.Ш., ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ОБЩЕЕ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НОМАДИЧЕСКОЙ И ОСЕДЛОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ).....61

Аязбекова С.Ш., ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ.....64

O.V. Bogomolets, REFLECTION OF UKRAINIAN PEOPLE WORLD OF LIFE VALUES HIERARCHY IN THE TRADITION TO WORSHIP HOUSEHOLD ICONS.....68

Луговая Т.А., МОТИВЫ ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ В УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА / NATIVITY SCENE MOTIVES IN UKRAINIAN LITERATURE XIX – EARLY XX CENTURY.....70

PHILOSOPHY

Social philosophy

T. Filiakova , WHAT ARE AND WHERE ARE THE SPIRITUAL (IN SENSE OF IMMATERIALITY, NOT RELIGION) LIMITS OF DEGROWTH?.....	74
Воропаева Т.С. , КОНСОЛИДАЦИЯ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД / CONSOLIDATION OF UKRAINIAN SOCIETY: INTEGRATED APPROACH.....	76

Philosophy - Open specialized section /

Шенцева Е.А. , ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ В ОТРАЖЕНИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	78
--	----

**ROLE AND RATIO OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION AGAINST
THE BACKGROUND OF THE INCREASING VALUE OF INFORMATION AND INTENSITY OF
ITS TURNOVER**

Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results
of the CXXXIX International Research and Practice Conference
and I stage of the Championship in Philology
(London, March 02 – March 10, 2017)

**MATERIAL AND SPIRITUAL FACTORS OF THE PERSONAL CREATIVITY EXPRESSION IN
THE GENERAL SOCIAL PROCESS OF THE CULTURAL VALUES FORMATION**

Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results
of the CXL International Research and Practice Conference
and I stage of the Championship in Art History, History, Philosophy, Culturology, physical culture and sports
(London, March 16 – March 24, 2017)

Layout 60×84/8. Printed sheets 9,77. Run 1000 copies. Order № 01/04-2017.

Publisher and producer International Academy of Science and Higher Education
1 Kings Avenue, London, UK N21 3NA

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

<http://university.iashe.eu>

- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

Address: 1 Kings Avenue, Winchmore Hill, London, N21 3NA
Phone: +44 (20) 71939499 / Skype: iashe_
e-mail: university@iashe.eu

ISBN 978-1-911354-12-3

9 781911 354123 >